

Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева) А.А. Кострюков

От автора

«Господь близко, если позовешь Его, Он сразу откликнется».

Эти слова принадлежат архиепископу Серафиму (Соболеву) – замечательному иерарху Русской Православной Церкви, для которого живое богообщение было высшим смыслом и центром всей жизни. Архипастырь прославился не только силой своих молитв, но и трудами в защиту Православия. Его жизненный путь, пролежавший через десятилетия трагического XX века, подвижничество, богословские воззрения, примеры предстательства пред Господом составляют содержание этой книги. Современники архиепископа Серафима и люди, обращающиеся к нему с молитвой через много лет после его блаженной кончины, с благодарностью рассказывают о его помощи.

От автора

Мы приглашаем в сообщество Херувимов, Серафимов, Престолов, Господств, Ангелов и Архангелов – вместо отпадших, возгордившихся духов. Эти возгордились и сказали в себе Богу: как-то Ты восполнишь наш недостаток, который для Тебя нестерпим и ощутителен, как для Премудрого? – А Господь в ответ и посрамление диавола, изволил создать из персти человека и перстными существами восполнить недостаток ангельских миров.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

В чем смысл создания человека? По мнению некоторых святых отцов, люди были сотворены для восполнения числа отпавших от Бога ангелов. В течение своей земной жизни человек должен выбрать, войти ему в Небесную Церковь или навеки погибнуть.

Велико блаженство тех, кто сделал правильный выбор, прожил жизнь со Христом и, по словам православной молитвы, вошел «в единый состав» с Ангелами Божиими. Святые, как Ангелы, становятся пламенем огненным (см.: Пс103:4), с быстротой молнии откликаются на наши молитвы, защищают нас от зла. Более века назад такой выбор сделал Николай

Соболев, промыслительно получивший в монашестве ангельское имя Серафим, что значит «пламенный».

Бог судил ему увидеть не только величие Российской империи, но и соединенные с ним искушения Церкви, многие представители которой удовлетворились ролью винтиков в государственной машине. Ему довелось стать свидетелем страшной катастрофы, когда оплот Православия превратился в центр мирового богоборчества. Ему было суждено увидеть богохульства и кощунства, страдания и убийства. Архипастырю пришлось пережить и изгнание, и пастырское служение на чужбине, и внутрицерковные конфликты, разрывающие сердце. Но разве не разрывалось оно еще больше от известий о том, что творилось на Родине, где Церковь тонула в крови? А затем разразилась небывалая в истории человечества война – и снова скорбь от того, что кровь не перестает литься. Наконец, встреча с Родиной, радость, смешанная с новыми волнениями и омраченная осознанием пленения Церкви.

Обстоятельства жизни архиепископа Серафима менялись стремительно, как театральные декорации. Светлые и мрачные, радостные и горестные...

Но эта смена декораций не касалась души архипастыря, была внешним явлением. Она никак не повлияла на его выбор следовать за Христом. Какими бы ни были обстоятельства, какой бы ни была личная или политическая выгода, архиепископ Серафим всегда оставался тем, кем он когда-то решил стать – иноком, молитвенником, ревнителем православной веры, путником на пути ко спасению. Архипастырь прошел этот путь, достиг цели. И теперь помогает в этом нам своими сочинениями, своими духовными наставлениями, своим примером, а главное – молитвенным предстательством.

«Пламень огненный»...

Эти слова, отнесенные Псалмопевцем к Ангелам, с полным правом можно отнести к архипастырю, послужившему Богу праведной жизнью, искренней верой и пламенной молитвой.

Жизнеописание

Часть 1. На Родине

Глава 1. Под сенью Боголюбской иконы

*Приступая молиться Царице Богородице,
прежде молитвы будь твердо уверен,
что ты не уйдешь от Нее, не получивши
милости. Приступать к Ней в молитве
без такой уверенности было бы неразумно
и дерзко, а сомнением оскорблялась бы
благость Ее, как оскорбляется благость
Божия, когда приступают в молитве к Богу
и не надеются получить от Него просимого.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский*

Недалеко от Рязани есть небольшое село Городище. Может быть, село было бы ничем не примечательно, если бы не святыня, находящаяся в местной церкви. Это – один из списков Боголюбской иконы Божией Матери. До революции она находилась в соседнем селе Тюшеве и почиталась богомольцами. Архимандрит Авель (Македонов, 1927–2006), в послевоенные годы служивший в селе Городище, донес до нас немало рассказов об этой иконе.

Так, после закрытия храма икона находилась в избе местного плотника, который приспособил ее в качестве двери. Когда хозяин решил обстругать святой образ рубанком, то был жестоко наказан, его парализовало. А сама икона после этого долгое время пролежала в чулане. В праздник Пасхи 1947 г. иеромонах Авель по просьбе жителей обходил дома. Пастырю удалось уговорить хозяйку дома вернуть икону в храм. Торжественным крестным ходом чудотворный образ был перенесен в Георгиевскую церковь села Городище. После возвращения иконы в храм был такой случай. Священник отдал образ на реставрацию, но художник испортил его, бездарно закрасив. Опечаленный пастырь закрыл икону материей, а когда через некоторое время открыл – увидел, что икона вновь обрела первоначальный облик¹.

Немногие знают, что с селом Городище и Боголюбской иконой связано имя подвижника благочестия архиепископа Богучарского Серафима (Соболева). В 1948 г., на закате земной жизни, архипастырь прибыл в Москву на Совецание глав и представителей Поместных Церквей. Но прежде чем вернуться в Болгарию, архипастырь пожелал посетить свою малую родину – Рязань. Побывал иерарх и в селе Городище. Здесь владыку встретила Боголюбская икона Божией Матери – та самая

икона, которую он особо почитал с самого детства. Жизненный путь архиепископа когда-то начался возле этой иконы...

Николай Борисович Соболев – будущий архиепископ Серафим – родился в Рязани в семье мещанина Бориса Матвеевича Соболева и его жены Марии Николаевны. В семье было двенадцать детей, семь из которых умерли в детстве. Николай Соболев был десятым ребенком.

В семье Соболевых сохранилось предание о скорбном событии, которое произошло до рождения Николая. Мария Николаевна особенно любила одну из дочерей – Верочку. Девочка, несмотря на младенческий возраст, имела большие духовные задатки. Она любила молиться, была очень доверчива к людям. Когда ей было три года, смертельно заболел ее старший брат Василий. Вся семья тяжело переживала. Неожиданно Верочка попросила чаю. Выпив чай, она перевернула чашку и задумчиво сказала: «Мама, Вася выздоровеет, а я заражусь и умру». Действительно, брат поправился, а девочка заболела. Когда родители плакали, она говорила: «Зачем же плакать? Надо Богу молиться!» Вскоре Верочка тихо отошла ко Господу, а Мария Николаевна стала горячо молить Бога даровать ей другого ребенка, который напоминал бы ей умершую дочь. И молитва была услышана².

На этот раз роды были очень тяжелыми, была серьезная угроза жизни матери и младенца, и врач, считая, что выхода нет, предложил операцию – извлекать ребенка по частям. Но мать, призвав мужа, взяла с него клятву не допустить убийства ребенка. Роды все-таки завершились благополучно. Рано утром 1 декабря 1881 г.³ будущий архипастырь появился на свет. Младенец был крещен в Екатерининской церкви. Таинство совершил протоиерей Михаил Виноградов

Обстановка в семье Соболевых была молитвенной. Архиепископ Серафим вспоминал, что огромное влияние на его духовную жизнь оказала мать. Он рассказывал о ней как о молитвеннице, во всех скорбях обращавшейся за помощью к Богу. Духовное влияние Марии Николаевны принесло плоды. Двое из сыновей, Николай и Михаил, стали монахами, еще один сын, Василий, – священником. Впоследствии, уже по принятии монашества, отец Серафим опекал свою овдовевшую мать и где бы ни служил, будь то Калуга или Воронеж, старался устроить ее неподалеку.

Интересен случай, с детства отпечатавшийся в памяти Николая и который был связан с его няней. Протопресвитер Георгий Шавельский в рукописи мемуаров «В школе и на службе» донес до нас рассказ самого владыки Серафима об этом событии. Однажды няня, столкнувшись в лесу

с волками, просто упала на землю и шептала молитву «Пресвятая Богородице, спаси нас». Волки не тронули ее и ушли⁴.

Были в семье и скорби. Когда Николаю было шесть лет, его отец перенес инсульт и затем четырнадцать лет, вплоть до смерти, был парализован.

По окончании церковно-приходской школы Николай был принят во второй класс Рязанского духовного училища. Затем была учеба в духовной семинарии, которая, как это ни прискорбно, для многих становилась испытанием веры и благочестия. Сословный принцип, принятый в образовании, приводил к тому, что дворянские дети, при всем желании послужить Церкви, не имели права учиться в семинариях. И наоборот, священнические дети, несмотря на расположенность к светской деятельности, должны были учиться в духовных учебных заведениях. Нежелание делать духовную карьеру приводило к тому, что на богословские дисциплины они начинали смотреть свысока, охладевали к молитве и порой заканчивали полным безбожием. В результате только один человек из десяти выпускников семинарий и академий принимал священный сан.

Но примеров благочестия также было немало. Именно такой путь и выбрал будущий архиепископ. Своего молитвенного настроения он не утратил.

Духовный сын архиепископа Серафима архимандрит Пантелеимон донес до нас интересный факт, характеризующий Николая Соболева. «Владыка был в шестом классе семинарии. Все ученики собрались, чтобы изобличить вора М. в их классе. Председатель собрания с кафедры начал обличительную речь. М., поняв в чем дело, сейчас же встал с места и, пройдя через класс, подсел к Соболеву за его парту и опустил голову. Николай стал его тихо утешать: «Ничего, ничего. Не бойся». «Товарищи, – сказал председатель, – Николай Борисович Соболев взял вора М. под свое покровительство, а того не знает, что две недели тому назад М. украл у него новые калоши!» М. еще ниже опустил голову и стал шептать: «Зачем я это сделал, зачем я это сделал?» Николай опять стал его утешать: «Не бойся. Кто без греха?» Председатель еще громче заявил: «Товарищи, Николай Борисович Соболев продолжает утешать М., а не знает, что три дня тому назад он украл у него перчатки». Но Соболев опять стал успокаивать М. Когда класс решил требовать исключения М., как вора, с волчьим паспортом, то Николай горячо защищал его и, преодолев сопротивление всего класса, выхлопотал ему увольнение по собственному желанию и этим спас его от позора на всю жизнь. Впоследствии М.

исправился и стал хорошим священником».

Хотя еще в семинарии Николай Соболев дал обет Богу стать монахом, он не хотел огорчать мать, которая несколько раз пыталась его женить. «Очередной невестой, – писал отец Пантелеимон, – была одна прекрасная девица и умница, средняя дочь Настя. Пока родители сговаривались, Николай, чтобы не присутствовать при этом разговоре, вышел с тремя сестрами пройтись по железнодорожной линии. Во время прогулки Настя спросила его, почему ему не поступить сначала в академию, а потом жениться. Он отвечал, что поступает по воле матери. Тогда невеста спросила: «А вы не желаете жениться?» Николай сказал, что не желает. «Почему?» – спросила она. «Потому что желаю быть монахом», – ответил он. По возвращении младшая сестра сейчас же рассказала все своей матери, а та начала упрекать мать будущего владыки, что привела сватать сына, который желает быть монахом, и всякое сватовство расстроилось. По дороге мать спросила: «Зачем ты, Коля, говорил невесте о своем желании принять монашество?» – «Да, мамочка, что чувствовал, то и сказал», – ответил Николай».

Мария Николаевна впоследствии пыталась женить сына, но потом махнула рукой:

– Теперь ты сам устраивай свою судьбу.

По окончании семинарии Николай Соболев некоторое время не мог решить, как действовать дальше, и предложил матери пойти в собор, где в это время находилась Боголюбская икона из села Зимарово. Подойти к иконе не удалось – ее увезли обратно в Зимарово. Но зато по дороге мать и сын встретили Михаила Смирнова – товарища Николая. Он посоветовал ему поступать в академию и указал на Санкт-Петербургскую, где экзамены были перенесены на конец августа из-за ремонта. Встречу со своим товарищем Николай воспринял как ответ Божией Матери на свою молитву. Не испугало его и отсутствие рекомендации из Рязанской семинарии. Набрав в библиотеке гору книг, будущий иерарх начал готовиться к экзаменам.

Столь неожиданное решение могло помешать поступлению – даже те, кто начал подготовку в июне, катастрофически не успевали, ведь готовиться нужно было по разным дисциплинам, а объем материала был огромен. А были еще и письменные испытания, причем руководство академии специально предлагало темы, которые нельзя было раскрыть на основании семинарских учебников. Делалось это с целью проверить наличие у поступающих способности самостоятельно мыслить. Темы, предлагаемые на экзаменах, поставили бы в тупик многих современных

выпускников семинарии. Так, по основному богословию была предложена тема: «Каким образом истина может делать нас свободными (Ин.8:32), когда уже самим признанием ее мы становимся в подчиненное к ней отношение?» Как отмечали члены совета академии, очень немногим удавалось раскрыть тему, в основном абитуриенты уклонялись в область догматики, нравоучений и благочестивых размышлений.

Кроме сочинения, необходимо было сдать экзамены по Ветхому и Новому Заветам, догматическому богословию, общей церковной истории, греческому и латинскому языкам. Николай чувствовал, что совсем не готов к экзамену по догматическому богословию. Он понял, что хорошо знает лишь одну тему – «История догмата о Святой Троице». Ночью накануне экзамена Николай умолял Бога послать ему именно этот билет. Молился он и в день экзамена. И вот пришла его очередь. Николай взял билет и прочел: «История догмата о Святой Троице». Бог выполнил его просьбу в точности. Экзамен был сдан благополучно.

То же самое произошло и на экзамене по истории. Николай понял, что из 250 билетов он знает только один – «История арианской ереси после Никейского Собора». Всю ночь будущий архипастырь умолял Спасителя, чтобы ему достался этот билет. И снова чудо! Бог услышал молитву юноши, и как и в прошлый раз в точности исполнил ее.

Больше Николай не дерзал прибегать к такой молитве, однако и остальные экзамены были сданы им благополучно. В число первых студентов будущий иерарх не попал, но в академию поступил. Из семидесяти одного абитуриента в тот год в академию было принято пятьдесят человек, а также шесть иностранцев, поступивших по особому распоряжению Синода. В списке поступивших Николай Соболев оказался на сорок восьмом месте.

Впереди была учеба...

Глава 2. Колечка

*Как вполне мы полагаемся на быстроту
электрического тока и его доходчивость,
так совершенно должны полагаться на
быстроту и доходчивость молитвы веры.
Пусти по телеграфу веры прошение к Богу
или святым, и немедленно получишь ответ.
Просты ответные показания телеграфа,
но опытные читают их; просты и действия
на сердце Бога и святых, но опытный
понимает их.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Схиархимандрит Софроний (Сахаров), вспоминая прожитую жизнь, подвел такой итог: Божий Промысл исполнился с математической точностью. Очень часто мы можем понять Божие водительство не в момент того или иного события, а по прошествии времени. И насколько важно осознать Промысл Божий не когда-то в будущем, а именно сейчас. В годы учебы Николай Соболев испытал присутствие Бога в своей жизни неоднократно...

В духовной академии все называли его Колечкой. Митрополит Вениамин (в миру Иван Федченков), учившийся на курс старше будущего архипастыря, вспоминал, что такое обращение было связано с особой добротой, которую Николай проявлял в отношении к своим сокурсникам.

«Идет, бывало, по «занятым» комнатам (где студенты занимались за столами) и вдруг ни с того ни с сего обращается к ним с приветствием: «Здравствуйте, миленькие мои!» Или похлопает по плечу кого-либо, погладит по головке, не справляясь, хочется тому или нет... Или, бывало, скажет мне: «Ванечка! Дай я тебя, миленький, поцелую: ведь я тебя люблю!»

Врагов у Николая Соболева в академии не было, близких друзей он тоже не имел, но все его по-товарищески любили, а некоторые даже злоупотребляли его добротой, питаясь за его счет. И это при том, что Николай не был богат, с трудом мог платить за свое содержание в академии и на четвертом курсе, уже будучи иеродиаконом, задержал выплату за общежитие. В связи с этим он не был допущен к экзаменам и защите кандидатской диссертации вместе со своим курсом.

Любимым времяпровождением Николая Соболева была игра на рояле в семинарском зале и пение молитв, в том числе и собственного сочинения.

По свидетельству митрополита Вениамина, Николай Соболев в годы учебы не проявлял особых успехов, а на экзаменах нередко смущался и отвечал неудачно.

После таких случаев Николай вбегал в комнату Ивана Федченкова:

«Ну, миленький, и провалился я! – И то со смехом, хватая себя за нос и качая головою, то с грустью он рассказывал мне о провале.

Я стал ободрять его, как мог:

– Ну что же! Ну поставят тройку, не пропадешь.

У нас почти не ставили неудовлетворительных отметок: уже четверка считалась слабым баллом.

– Стыдно! – говорит он. – Пусть бы провалился по философии или метафизике, Бог с ними; а тут по патрологии – и оскандалился, оскандалился».

Но вот объявляют общий балл. И Николай снова вбегал к Федченкову и кричал:

«Пять! Пять! Миленький мой! Да что-о ж это такое, Господи! – и опять радостно, как дитя, заливается: – Да мне и тройки нельзя; а они, миленькие мои, пять мне закатили! Спаси их Господи!»

Кроме Ивана Федченкова, товарищем Николая стал Виктор Раев, внешне и внутренне собранный и серьезный, которого все звали не иначе как полным именем – Виктор. Его никогда не видели смеющимся, разве что иногда он как-то искренне, по-детски улыбался. Он был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь преподобного Иоанна Лествичника.

В годы учебы Николай Соболев сблизился с инспектором академии (впоследствии ректором) архимандритом Феофаном (Быстровым) – ревностным монахом, богословом, будущим архиепископом. Его отношение к монашеству было настолько ревностным, что он дважды убежал перед постригом, считая себя недостойным ангельского образа. Архимандрит был постоянно погружен в молитву и пел церковные песнопения даже во сне. Должность инспектора, требовавшая известной строгости, совершенно не изменила отца Феофана. Современники вспоминали, что студенты при нем творили что хотели. Упала посещаемость лекций и богослужений. Если прежде задержка семестрового сочинения серьезно наказывалась, то теперь длительные опоздания стали обычным делом.

– Господин студент, у вас длинные волосы, – смиренно сказал отец

Феофан переставшему следить за собой студенту.

– У вас же тоже длинные, – развязно ответил ему студент. На этом разговор и закончился.

Но желавшие учиться учились и добивались больших успехов. А студенты, хотевшие жить духовной жизнью, обрели в лице архимандрита Феофана учителя и духовного наставника.

По благословению отца Феофана в академии был создан кружок любителей святоотеческого чтения. Прежде всего студенты начали изучать труды святого Иоанна Златоуста, а потому кружок прозвали «Златоустовским». Студенты собирались раз в неделю. Обычно они изучали заданный отрывок, кто-то был докладчиком, потом тема обсуждалась, а итог подводил сам отец Феофан. После творений Златоуста кружок изучал авву Дорофея, затем преподобного Симеона Нового Богослова, но он показался трудным и его труды были заменены более легкими. В кружок принимали только серьезных студентов. Иван Федченков и Николай Соболев, почитавшие архимандрита Феофана и увлекавшиеся творениями святых отцов, вошли в кружок одними из первых.

У студентов постепенно вырабатывалось православное святоотеческое воззрение. И очень скоро деятельность кружка принесла свои плоды. Однажды архимандрит Феофан отправил иеромонаха Вениамина (Федченкова) на пастырское собрание Санкт-Петербургской епархии, где планировалось утвердить и передать в Синод тезисы об «обновлении» христианства, о «сближении» его с жизнью, об избавлении его от «византизмов». Отец Вениамин стал возражать авторам тезисов, опираясь на святых отцов. Это привело к спору, и подготовка нововведений была отложена, а потом и вовсе забыта.

Архимандрит Феофан и Николай Соболев еще не могли знать, что пройдет четверть века и их отношения испортятся. А пока Николай видел в своем инспекторе прежде всего ревностного монаха и смиренного молитвенника.

Отец Феофан, несомненно, повлиял на выбор пути Николая Соболева. Но были и другие замечательные подвижники, общение с которыми оставило у него неизгладимое впечатление на всю жизнь. Среди этих подвижников прежде всего следует назвать святого Иоанна Сергиева. Этот пастырь, которому к тому времени было уже более семидесяти лет, всю жизнь прослужил в Андреевском соборе Кронштадта, в связи с чем отца Иоанна прозвали Кронштадтским. Здесь он основал «Дом трудолюбия», представлявший собой поселок на несколько тысяч человек, где неимущие

обеспечивались работой и жильем. Отец протоиерей боролся еще с одной народной бедой – пьянством. Известны и духовные сочинения отца Иоанна, впоследствии собранные в несколько томов. Но наибольшую славу отцу Иоанну принесли его прозорливость и дар исцеления. За духовным советом к старцу ехали со всей России, письма и телеграммы с просьбами о молитве шли отовсюду.

Николай Соболев посещал отца Иоанна неоднократно. Последнее посещение состоялось весной 1907 г. Вместе со своим другом Виктором Раевым Николай присутствовал на богослужении в Андреевском соборе. Студенты молились и в алтаре храма. Архиепископ Серафим спустя годы часто вспоминал встречи с кронштадтским праведником. «Прощаясь с нами, – рассказывал архипастырь, – отец Иоанн сначала благословил Витю Раева, а затем меня. Витя, обойдя престол, направлялся уже к арке для выхода в центральный алтарь, а я подошел к горнему месту за престолом алтаря. Вдруг отец Иоанн как молния бросился ко мне. Я остановился на горнем месте. Батюшка возложил на мою голову крестообразно руки, поднял очи свои к небу и трогательным голосом произнес: «Да почиет над вами благословение Божие». Я тут же почувствовал, будто огненная искра ниспала на мою голову и прошла до пят. Особенная великая радость наполнила мое сердце и все мое существо. Весь этот день я испытывал благодатную, особенную радость, чувствовал себя окрыленным и как бы носился в воздухе».

Еще одно событие стало для будущего архипастыря неожиданным и также повлияло на выбор дальнейшего пути. Об этом сам архиепископ Серафим рассказывал архимандриту Пантелеимону и монахине Касинии⁵. Это произошло на каникулах по окончании первого курса академии. Вместе с матерью и младшим братом Михаилом Николай гостил у старшей сестры Варвары, которая была замужем за начальником железнодорожной станции Политово.

Николай лежал на опушке и любовался небом, когда к нему подбежал брат:

– Варя умирает!

Николай бросился к дому. Оказалось, что у сестры началось носовое кровотечение и никакие средства не могли его остановить. Набралось почти два таза крови, Варвара была при смерти.

– Вся надежда на твои молитвы, – обливаясь слезами, сказала Николаю мать. – До городов с нашей станции очень далеко и невозможно вызвать вскорости доктора.

Архиепископ Серафим рассказывал, как он подошел к Варваре,

помолился и перекрестил ее. Кровотечение сразу же прекратилось, сестра пришла в себя. Архипастырь всю жизнь вспоминал об этом исцелении, не забывая каждый раз благодарить Бога за чудо исцеления его сестры. Вне всякого сомнения, это событие стало для будущего иерарха еще одним свидетельством того, как близок Бог, как ничтожны перед служением Ему земные блага. И вновь, как и в семинарские годы, задумался о монашеском пути.

Архипастырь рассказывал монахине Касинии, как однажды он и его друг Виктор Раев посетили старца Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры Исидора (Грузинского-Козина, 1824–1908) и задали ему вопрос, принимать ли им монашество. Вместо прямого ответа старец посоветовал им всегда помнить слова апостола Павла: *Аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу (Гал.6:17)*. Пройдет время и друзья, готовя облачения к постригу, прочитают эти слова апостола на парамане. Прочитают и поймут, что означали слова старца Исидора⁶.

А пока Николай Соболев так и не мог решить, какой путь служения Богу ему избрать. Вопрос этот не казался будущему архипастырю простым. Ведь от монашеских обетов нельзя отказаться, а иноческая стезя может оказаться тяжелой. Николай опасался, выдержит ли он монашеский подвиг, и старался отложить решение этого вопроса. Но на четвертом курсе архимандрит Феофан потребовал от Николая скорее решить, в каком качестве он планирует служить Церкви дальше. При этом архимандрит не хотел навязывать студенту своей воли и предоставил ему самому решать, какой путь выбрать. Вопрос нужно было решить быстро, и Николай отправил письма старцу Оптиной пустыни Анатолию (Потапову) и отцу Иоанну Кронштадтскому. Но ответа Николай не получил – отец Иоанн не ответил на письмо, а преподобный Анатолий написал, что не может дать ответ заочно. А ехать к нему времени уже не было.

Таким образом, вопрос оставался без ответа.

И все же Бог указал Николаю Свою волю. Во многом на окончательное решение повлиял Иван Федченков. Впоследствии, уже будучи митрополитом, он расскажет об этой истории в своей книге «Промысл Божий в моей жизни». Митрополит Вениамин вспоминал, что в 1905 г. он ездил в Саровский монастырь поклониться преподобному Серафиму Саровскому, который был причислен к лику святых за два года до этого. Иван знал, что Николай Соболев почитает этого святого, и привез ему небольшую икону преподобного. Митрополит вспоминал, что не имел каких-то особых намерений и не думал о том, что для Николая Соболева этот подарок окажется судьбоносным.

А Николай, не получив ответа от старцев, усиленно молился преподобному Серафиму Саровскому. Помолившись перед подаренной иконой, будущий архипастырь попросил святого дать ответ на тревоживший его вопрос. А затем стал читать его жизнеописание. Текст на открытой Николаем странице, был такой: «В 1830 году один послушник Глинской пустыни, чрезвычайно колебавшийся в вопросе о своем призвании, нарочно прибыл в Сэров, чтобы спросить совета у о. Серафима. Упав в ноги преподобному, он молил его разрешить мучавший его вопрос: есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь? Святой старец отвечал послушнику: «Сам спасайся и брата своего спасай». Потом, подумавши немного, продолжал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезл нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу, и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл». Сказавши это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и продолжал: «Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей». И что же оказалось? Послушник этот, просивший совета у о. Серафима, действительно принял монашество с именем Паисия и в 1856 году был назначен игуменом астраханской Чуркинской пустыни, а через шесть лет возведен в сан архимандрита, получив, таким образом, как предсказал о. Серафим, управление душами братий. Родной же брат о. Паисия окончил свою жизнь в звании простого иеромонаха в Козелецком Георгиевском монастыре».

Слова жизнеописания потрясли Николая – все сомнения рассеялись окончательно. А еще Николай вспомнил, что за своими терзаниями совсем забыл о младшем брате Михаиле. Брат часто болел, в болезни его посещали страшные мысли, и Николай постоянно молился за него. Слова «брата своего спасай» настолько соответствовали жизненным обстоятельствам будущего архипастыря, что он воспринял слова жития как голос самого старца Серафим.

Вскоре после этого, 26 января 1908 г., Николай Соболев, будучи студентом четвертого курса академии, был пострижен в монашество. Его брат Михаил позднее тоже стал монахом и всю жизнь находился при своем брате.

Благословение преподобного Серафима Саровского явилось и во время монашеского пострига. Обычно священнослужитель, совершающий

постриг, не спрашивает послушника, какое имя тот хотел бы получить в монашестве, хотя и бывают исключения. Архимандрит Феофан спросил Николая Соболева, какое имя он хотел бы получить. Николай ответил, что монах должен отречься от своей воли, а потому он готов принять любое имя.

– Ну, смотрите, – ответил отец Феофан, – как бы вам не тягостно было, когда получите некрасивое имя.

Николая планировали наречь Досифеем. Но будущему архипастырю было суждено получить другое имя.

Ректор академии епископ Сергий (Тихомиров) накануне пострига поехал ужинать к купцу Ивану Ивановичу Рубахину – старосте академического храма и почетному блюстителю Санкт-Петербургской академии. Иван Иванович часто помогал бедным студентам академии платить за учебу, а теперь косвенно повлиял и на выбор имени для будущего архипастыря. Во время ужина две дочери купца стали расспрашивать епископа Сергия о завтрашнем постриге и спросили, какое имя получит молодой монах. Имя Досифей девушкам не понравилось, и они стали просить епископа дать монаху более красивое имя. Когда епископ Сергий возвращался домой, он вспомнил, как некоторое время назад присутствовал на открытии мощей преподобного Серафима Саровского. Тогда же он пообещал этому святому, что назовет его именем первого студента, которого будет постригать в монашество. Вопрос с именем был решен.

И как велико было изумление Николая, когда при постриге он услышал имя того святого, который благословил его на монашеский постриг. Через несколько дней епископ Сергий рукоположил монаха Серафима во иеродиакона, а весной того же года – во иеромонаха.

А учеба уже подходила к концу. Общий выпускной балл будущего архипастыря был 4, 509. Этот балл, по меркам академии, был довольно высоким. Предстояло защитить диссертацию. Из-за материальных проблем, а также из-за не сданного вовремя сочинения по пастырскому богословию иеромонаху Серафиму пришлось защищать диссертацию не весной, а осенью 1908 г.

Тема, выбранная будущим владыкой, звучала так: «Учение о смирении по Добротолوبию». Несомненно в выборе темы помогли занятия в Златоустовском кружке, ведь для раскрытия темы необходимо было изучать святых отцов. Для иеромонаха Серафима такая работа была радостью. Будущий архипастырь написал диссертацию так, как будет впоследствии писать свои труды в защиту Православия: просто, по

существованию, ни в чем не отклоняясь от Предания Церкви. Он рассмотрел суть понятия «смирение», исследовал такие его типы, как новоначалное, среднее и совершенное, а затем указал значение этой добродетели в деле спасения. Диссертацию высоко оценил рецензент – профессор А.А. Бронзов.

16 сентября 1908 г. ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии постановил удостоить иеромонаха Серафима (Соболева) ученой степени кандидата богословия с правом получения степени магистра без новых устных испытаний.

Так закончился еще один период жизни будущего архипастыря. Наступило время, когда его духовным водителем и покровителем становился один из самых почитаемых русских святых – преподобный Серафим Саровский.

Глава 3. По молитвам оптинских старцев

При образовании юношества о чем надо больше всего стараться? О том, чтобы стяжать ему «просвещенна очеса сердца» (Еф.1:18).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Не часто случается, что человек на своем духовном пути встречается хотя бы одного, а тем более нескольких святых и подвижников благочестия. Еще реже бывает, когда он не просто встречается их, но находится с ними в тесном общении, набираясь мудрости и опыта. Архиепископ Серафим был одним из немногих, кого на пути ко спасению сопровождало множество опытных подвижников. В годы учебы это были праведный Иоанн Кронштадтский, архимандрит Феофан (Быстрое), старец Гефсиманского скита Исидор. Но сколько встреч со святыми подвижниками еще ожидало отца Серафима...

По окончании академии иеромонах Серафим поступил преподавателем в Пастырское училище, основанное в Житомире архиепископом Антонием (Храповицким). Оно было создано с целью преодолеть вековую проблему Русской Церкви – сословность. В училище принимали не только молодых людей из семей духовенства, но и представителей других сословий. Любой православный юноша, имеющий желание стать священником, имел право поступить сюда. В принципе, это учебное заведение больше походило на современную семинарию, чем на семинарию дореволюционную. Быт был приближен к монастырскому, все преподаватели имели священный сан. Из учебных предметов особое внимание уделялось предметам, нужным в пастырской практике.

На духовную зрелость молодого иеромонаха обратил внимание начальник училища архимандрит Гавриил (Воеводин), который называл его «аввочкой» (уменьшительно от «авва» – «духовный старец»).

Кроме иеромонаха Серафима, в училище стал преподавать и его академический товарищ – иеромонах Иоанн (Раев). К сожалению, оба иеромонаха недолго служили здесь. Вскоре отец Иоанн заболел туберкулезом, был переведен в другую семинарию и умер в полтавской больнице. До последнего дня он надеялся, что вернется к службе: «Вот немного поправлюсь, окрепну и встану», – говорил он.

Туберкулез не пощадил и иеромонаха Серафима. Организм пастыря подорвала усиленная работа – в училище он взял на себя уроки отца

Иоанна, и это оказалось для отца Серафима непосильным. Вскоре иеромонах Серафим подал прошение о переводе, и был назначен помощником смотрителя Калужского духовного училища. В Калужскую губернию переехала и мать архипастыря, которая поселилась в Перемышле.

Отец Серафим очень любил детей, и новое послушание приносило ему радость и утешение. Дети тоже полюбили своего наставника. Когда пастырь проходил по коридору, из классов выбегали ученики и пытались завлечь его к себе.

– К нам, батюшка, к нам зайдите! – кричали дети, любившие беседы с пастырем.

Перевод в Калужскую епархию серьезно повлиял и на дальнейшую духовную жизнь иеромонаха Серафима. Именно здесь находится Оптиная пустынь, известная на всю Россию обитель, сохранявшая традиции древнего монашества. Практикой монастыря, например, было ежедневное откровение помыслов духовнику. Оптиной пустыни принадлежит заслуга открытия для русского читателя многих святоотеческих творений. Сочинения древних отцов, переведенные на русский язык преподобным Паисием Величковским, впервые увидели свет в издательстве Оптиной пустыни.

Но наибольшую известность принесли этому монастырю старцы. В XIX в. в Оптиной пустыни подвизались преподобные Моисей (Путилов), Амвросий (Гренков), Лев (Наголкин), Анатолий (Зерцалов). За духовным советом к ним приезжали русские писатели и философы, в том числе Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, И.В. Киреевский и многие другие.

В XX в. Оптиная пустынь продолжала свою миссию. Вся Россия ездила к преподобным Анатолию (Потапову), Варсонофию (Плиханкову) и Иосифу (Литовкину). Оптину пустынь стал часто посещать и иеромонах Серафим. Особенно близкие отношения сложились у него с иеромонахом Анатолием. Этот подвижник долгое время был келейником у самого известного оптинского старца – преподобного Амвросия, на личном опыте познал его духовную мощь и основы духовничества.

Об отце Анатолии говорили, что по своему радостному и смиренному обращению с людьми он был похож на преподобного Серафима Саровского. В старце отмечали поразительную любовь ко всем приходившим к нему. Он всегда был приветлив, ласков и сердечен. Преподобный Анатолий стал духовником иеромонаха Серафима.

В декабре 1911 г. отец Серафим получил повышение – был назначен инспектором Костромского духовного училища. Но в этой должности он

пробыл всего год и в конце 1912 г. был назначен ректором Воронежской духовной семинарии. Тогда же он был возведен в сан архимандрита.

Начальником архимандрита Серафима стал архиепископ Тихон (Никаноров). Современники помнят его как скромного, тихого и смиренного иерарха. С этими качествами совмещались доброта и молитвенность, никто не видел его разгневанным и раздраженным. К архиепископу Тихону мог прийти любой – никому он не отказывал в просьбе. В лице этого святителя архимандрит Серафим нашел покровителя и молитвенника. А поддержка молодому ректору в тот момент была крайне необходима.

Выше отмечалось, что положение духовных семинарий было печальным. Очень часто ректоры этих учебных заведений были людьми случайными и рассматривали свою должность всего лишь как ступеньку в карьерной лестнице. Как правило, ректоры были для семинаристов не отцами, а начальниками. Семинаристы, часто не помышлявшие о духовной карьере, а мечтавшие устроиться на светскую службу, болели теми же духовными болезнями, что и обычные студенты. И Воронежская семинария не была исключением. Незадолго до назначения архимандрита Серафима в этой семинарии было покушение на инспектора. В 1912 г. здесь произошел настоящий бунт. Архиепископ Антоний (Храповицкий), узнав о назначении сюда отца Серафима, написал ему: «Вы назначены в наиболее надежную и бунтарскую семинарию».

Прибыв к месту своего служения, архимандрит Серафим постарался подойти к студентам по-отечески. Повод появился очень скоро, когда состоялась встреча нового ректора с воспитанниками. Некоторые из них вели себя очень распушенно и даже позволяли себе издевательские выходки. В тот же день инспектор предоставил архимандриту список нарушителей порядка и предложил исключить их. Но отец Серафим решил действовать по-другому. Со всеми нарушителями он побеседовал отдельно и к каждому нашел подход. Семинаристы оценили нового ректора, и дисциплинарные нарушения в скором времени свелись к минимуму.

В 1915 г. ревизия, направленная в Воронежскую семинарию, оставила о ней благоприятный отзыв. Член учебного комитета при Синоде Петр Федорович Полянский (впоследствии митрополит Петр – патриарший местоблюститель и священномученик) назвал семинарию одной из лучших в России. А епископ Острогжский Владимир (Шимкович) сказал отцу Серафиму: «Вы возродили нашу семинарию без каких-либо мер наказания, единственно благодаря вашей любви. Вероятно, скоро вас поставят епископом. Русская Церковь нуждается именно в таких

архиереях».

Популярности архимандрита Серафима у семинаристов способствовало и то, что при нем было открыто братство по оказанию помощи бедным семинаристам, у которых не было возможности платить за учебу. Кроме оплаты обучения, братство помогало средствами на приобретение одежды, лечение, а также оплачивало поездки домой.

Архимандрит Серафим добился и открытия столовой для малоимущих студентов. Эта столовая к 1917 г. кормила тридцать два человека. Но будущий иерарх считал, что этого недостаточно, и стал собирать средства на открытие второй столовой. Это удалось. К весне 1917 г. вторая столовая начала работу. В ней обедало более ста студентов.

Были у отца Серафима и другие послушания. Так, например, он принял участие в подготовке канонизации архиепископа Воронежского Антония (Смирницкого). Архимандрит стал также членом Братства святых Митрофана и Тихона. Братство занималось проведением бесед и чтений, раздачей брошюр и листовок, обучением прихожан общему пению церковных песнопений. С началом Первой мировой войны будущий иерарх стал председателем Комитета по делам беженцев из западных областей России.

По прибытии в Воронежскую епархию отец Серафим получил также должность главного редактора «Воронежских епархиальных ведомостей». Помимо официальной части, в газете публиковалась масса статей – против пьянства, сектантства, неверия.

В Воронеже будущий архипастырь продолжал жить духовной жизнью. Так, ежегодно он ездил в Задонский монастырь для поклонения мощам святителя Тихона Задонского.

Еще одна обитель, которую часто посещал будущий архипастырь, – женский Скорбященский монастырь. Иерарх вспоминал смирение одной из проживавших здесь подвижниц. Это была Лиза, Христа ради юродивая. Архимандрит сам был свидетелем ее благодатных даров, прежде всего исцеления и прозорливости. Владыка Серафим рассказывал, что однажды паломницы, указав на нее, сказали о том, что она прозорлива. Лиза стала ругаться, схватила свою корзинку и побежала жаловаться на крестьянок игумении. Оказалось, что жаловалась она на то, что ее «опозорили» перед архимандритом, сказав о ее духовном даровании.

Помощником отца Серафима стал его младший брат Михаил, постриженный в монашество с именем Сергей и в 1916 г. рукоположенный во иеромонаха в Митрофаньевском монастыре.

Говоря о деятельности архимандрита Серафима, нельзя обойти вопрос

о его отношении к Григорию Распутину. Этот еще не старый человек был сибирским крестьянином, начал странствовать, а затем объявился в Санкт-Петербурге, где приобрел популярность. Распутин вошел в доверие к архимандриту Феофану (Быстрову), а тот ввел его в царское окружение. Вскоре Распутин познакомился и с семьей самого императора. Умение облегчать страдания больного гемофилией царевича Алексея сразу же сделало императрицу ревностной почитательницей Распутина. В восторге была и часть высшего петербургского общества, всюду искавшего «пророчества» и «чудеса».

Но поведение Распутина скоро стало настораживать. Ношение священнического креста, тряска и физическое изнеможение, похожее на экстрасенсорное, во время «сеансов», грубое непослушание архиереям, поддержка имябожнического движения, стремление вращаться среди развращенных петербургских кругов, попытки влиять на государственную деятельность – все это ставило вопрос об истоках духовности этого человека. А имевшие место грехопадения стали к тому же дискредитировать царскую семью. Враги императора воспользовались происходящим, чтобы повести наступление на православную монархию.

Епископ Феофан (Быстрое) полностью изменил свое мнение о Распутине, но повлиять на царя уже не мог. Вместе с отцом Вениамином (Федченковым) епископ собрал массу документов, подтверждающих недостойное поведение временщика. Но императрица не желала ничего слушать. Епископ Феофан впал в немилость и был удален от двора. Что говорить? – царица ради Распутина прекратила общение даже с собственной сестрой – будущей преподобномученицей Елисаветой. Выступивший против Распутина митрополит Владимир (Богоявленский) был переведен из Санкт-Петербурга в Киев. Для некоторых обличение «старца» имело более печальные последствия. Так, Распутин донес на будущего священномученика епископа Гермогена (Долганева), который пытался вразумить его. Архипастырю вся эта история в конечном итоге стоила кафедры – он был отправлен на покой и до 1917 г. проживал в монастыре.

Николай Соболев еще в студенческие годы был убежден, что Распутин несет России беду, и считал, что отчасти в его влиянии на царскую семью виноват архимандрит Феофан.

Архиепископ Серафим вспоминал одну из своих юношеских встреч с праведным Иоанном Кронштадтским в алтаре Андреевского собора. «Отец Иоанн был очень внимателен ко мне. Но когда я сказал великому праведнику, что ему кланяется наш инспектор, отец архимандрит Феофан,

то у отца Иоанна вдруг резко изменилось выражение лица. С недовольным взором он очень резко спросил меня: «Это маленький, черненький, худенький?» Я ответил, что да. Сразу после этого отец Иоанн перестал со мной разговаривать и отошел от меня, не удостоив послать своего привета отцу Феофану. А между прочим, когда пред этим я сказал, что ему кланяется наш ректор, отец Иоанн просил меня передать ему от него поклон. У меня тогда же мелькнула мысль, что это за Распутина. Иной причины и не могло быть для такого отрицательного отношения отца Иоанна к отцу Феофану».

В последующие годы, когда отец Серафим стал тесно общаться с оптинскими старцами, его антираспутинская позиция еще более окрепла.

В 1913 г. «Воронежские епархиальные ведомости», редактором которых был архимандрит Серафим, опубликовали статью священника Петра Петрова «Наши «пустосвяты"». В статье резко критиковались различные аферисты и лжеюродивые, которые под маской Православия наживались на доверчивых или экзальтированных людях. Среди таких аферистов автор статьи дважды упомянул и Распутина, назвав его одним из наиболее известных «пустосвятов-шарлатанов».

В Воронеже архимандрита Серафима и застала революция.

Глава 4. На краю гибели

Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными. Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Русский мыслитель и церковный писатель Сергей Фудель передал в своих воспоминаниях историю из судебной практики конца XIX в.

«Деревенская девочка возвращалась после пасхальных каникул из дома в школу и несла с собой немного денег, корзиночку с домашними пирогами и несколько штук крашенных яиц. На дороге ее убили с целью ограбления. Убийца был тут же пойман, денег у него уже не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему он не съел и яйца, убийца ответил: «Как же я мог? Ведь день был постный»».

Страшно читать эти строки. Но именно они помогают понять, почему пришла на Русь страшная катастрофа, почему тот, кто совсем недавно отстаивал в храмах длинные службы, потом сам же эти храмы разорял и осквернял. К сожалению, как писали еще за десятки лет до революции русские святые, писатели и философы, вера в людях стремительно угасала, а ее проявления часто приобретали извращенные формы. Съесть яйцо в постный день или яблоко до Преображения – недопустимый грех, а убийство – да что ж такого? Всякое бывает, Бог простит...

Архимандрит Серафим ясно понимал, что духовная ситуация в стране близка к кризису. Первую мировую войну он воспринимал как наказание за грехи. В одной из проповедей он прямо сказал, что пока на фронте льется мученическая кровь, масса живет в тылу так, будто ничего не происходит: гремит музыка, кинематограф представляет публике безнравственные фильмы, сады наполнены праздной публикой.

Но самое страшное было еще впереди. В феврале 1917 г. в стране рухнула монархия. Император Николай II передал власть своему брату – великому князю Михаилу Александровичу, но тот власть не принял. Правда, отказывался от нее он условно. В своем манифесте великий князь заявил, что если народ захочет и дальше управляться монархом, то он займет престол.

Итак, восстановить монархию еще было возможно – вопрос о будущем управлении России должно было решить Учредительное собрание. И если бы в него были избраны представители православных и

монархических партий, царь вновь воссел бы на престоле.

Этого не произошло. Народ слишком увлекся идеей земного рая, идеей, куда православная вера и власть помазанника совершенно не вписывались. Даже в действующей армии, где люди могли погибнуть в любой момент, в полковые храмы после февраля 1917 г. ходило не более десяти процентов военнослужащих. А церковные журналы, публикуя манифест великого князя Михаила, предпочитали умалчивать об условности его отречения. Но были исключения. Например, журнал «Воронежские епархиальные ведомости» прямо указал, что отречение великого князя условно. Несомненно, это небольшое, но важное замечание было заслугой редактора – архимандрита Серафима.

Монархические симпатии отца Серафима и его начальника архиепископа Тихона (Никанорова) вызывали у новых властей ярость и раздражение. Летом 1917 г. архиепископ Тихон подвергся унижительному обыску и аресту по обвинению в контрреволюции. У архипастыря изъяли портреты русских императоров, которые висели в его приемной и комнатах. Тогда же был отстранен от редактирования «Воронежских епархиальных ведомостей» архимандрит Серафим.

Неудивительно, что в Учредительное собрание осенью 1917 г. попали не русские патриоты и не монархисты, а в основном социалисты-революционеры (эсеры), коммунисты-меньшевики и, в меньшем количестве, коммунисты-большевики. Русская монархия осталась в прошлом.

А впереди были новые потрясения, самые страшные. Учредительное собрание смогло провести только одно заседание, а затем было разогнано большевиками, к тому времени захватившими власть.

«Россия завоевана большевиками», – не скрывая злорадства, заявил их лидер В. Ленин. В стране на семьдесят с лишним лет установилась коммунистическая диктатура. Для Церкви новые властители места не оставляли. Ленин еще задолго до захвата власти говорил, что вера в Бога является «труположством», а борьба с религией – «азбукой» новой идеологии.

После революции эта идеология стала осуществляться на практике. Газета «Правда» в 1918 г. писала, что капитализм не будет побежден, пока жив последний поп, помещик, офицер. «Провести беспощадный массовый террор против попов, кулаков и белогвардейцев», – телеграфировал новый глава государства в августе 1918 г. «Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», – телеграфировал он же в марте 1922 г.

Естественно, что священнослужители, как и другие «чуждые» слои населения, не только лишались гражданских прав, но и нередко расстреливались без всякой вины. Как не уничтожить врага, если сам глава государства к этому призывает? А потому сплошь и рядом священников казнили по приговору местных «советов» или как заложников, или попросту как социально чуждых. Развернулась и атеистическая пропаганда, одним из проявлений которой стала кампания по повсеместному вскрытию (то есть фактически осквернению) святых мощей. Монастыри либо закрывались, либо преобразовывались в монашеские «коммуны» и «артели» с перспективой последующей ликвидации.

Не стал исключением и Воронеж. Власть большевиков установилась здесь 30 октября 1917 г. А уже 8 февраля 1918 г. в городе был расстрелян крестный ход монахов и прихожан Митрофаньева монастыря.

Архиепископ Серафим рассказывал архимандриту Пантелеимону и монахине Касинии о страшных казнях и изуверских пытках, обрушившихся на священнослужителей в эти дни.

Коснулась воронежской земли и кампания по осквернению святых мощей. 28 января 1919 г. были вскрыты мощи святителя Тихона Задонского, 8 февраля 1919 г. – мощи святителя Митрофана Воронежского.

Разорена была и семинария. В марте 1918 г. почти все здание было занято красноармейцами. Занятия прекратились, а отец Серафим уехал в Задонский монастырь. В апреле семинарские строения пострадали в ходе столкновений между красноармейцами и анархистами, а в июле новая власть объявила, что все помещения у Церкви изымаются. В семинарии разместились различные организации новой власти. Архимандрит Серафим по возвращении в Воронеж пытался отстоять храм, вместе с прихожанами обращался к властям, но все было бесполезно.

Такие ходатайства были сопряжены с большим риском. Смерть поджидала в тот момент за каждым углом. Архимандрит Серафим сам испытал это в 1919 г. Во время одного из крестных ходов он чудом избежал расстрела.

В этом же году с отцом Серафимом произошло очень важное событие – беседа с патриархом Тихоном. Дело в том, что архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров), видя ревность отца Серафима, решил порекомендовать его для архиерейской хиротонии в Московской епархии. Архипастырь изложил свою просьбу в особом письме, а также подготовил отчет о положении в Воронеже. Архимандрит Серафим отправился в

Москву. С собой он вез отчет и переданное архиепископом письмо, содержание которого ему было неизвестно.

Вот и столица. Архимандриту Серафиму удалось встретиться с патриархом и передать ему документы. Прочитав письмо архиепископа Тихона, Святейший передал его содержание отцу Серафиму. Но патриарх Тихон не стал рукополагать архимандрита в викарии Московской епархии, объяснив это отсутствием вакансий. При этом святитель благословил его хиротонию во второго викария Воронежской епархии.

Архимандрит Серафим вернулся в Воронеж, а вскоре, в октябре 1919 г., город был взят частями Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Казалось, теперь можно вздохнуть спокойно. Но свобода длилась недолго – уже в конце октября город снова оказался в руках красных. Архимандрит Серафим колебался, не зная, как поступить – уйти с войсками Деникина или остаться в Воронеже. Последнее было опасно – ведь найти компромат на священнослужителя, находившегося под властью белых, было для большевиков проще простого. На отъезде настаивала и мать архимандрита Серафима, которая понимала, что красные не оставят ее сыновей в живых.

Чтобы окончательно разрешить свои сомнения, архимандрит Серафим обратился к одному подвижнику, старцу Аарону, который жил в хибарке недалеко от Воронежа. Он был разбит параличом и владел только правой рукой, которой осенял себя крестным знаменем. Отец Серафим спросил старца, как ему поступить.

– Не беспокойся, ты попадешь в хорошую сторонушку, – сказал старец Аарон.

– Как же мне понимать ваши слова?

– Попадешь – узнаешь.

Решение было принято. Архимандрит Серафим и его брат иеромонах Сергей покидали Воронеж в последнюю минуту. Мария Николаевна осенила сыновей иконой Богородицы.

– Поручаю тебя покрову Божией Матери, – сказала она своему сыну-архимандриту.

В годы земной жизни отец Серафим и отец Сергей свою мать уже больше не видели – в следующем году, 29 июля, она отошла ко Господу.

На юг братья уезжали в открытом вагоне, груженном углем для паровоза. Отъезд был своевременным. Красная армия, вошедшая в Воронеж, не щадила никого. В ходе расправ было уничтожено около ста шестидесяти священнослужителей. Мученическая смерть ждала и архиепископа Тихона (Никанорова). На третий день Рождества в 1920 г.,

во время литургии, в собор вошла группа красноармейцев. Они прошли в алтарь через царские врата, а их главарь, прикурив папиросу от семисвечника и сев на престол, объявил, что архиепископа Тихона, как «монархиста и пособника белогвардейцев», следует ликвидировать. На глазах у всех молящихся священномученик был повешен на царских вратах. В течение двух месяцев власти запрещали хоронить тело архипастыря и только в марте 1920 г. он был погребен.

Спустя два года не стало и духовника архимандрита Серафима – преподобного Анатолия (Потапова). Оптина пустынь к тому времени была закрыта, монахи арестовывались и ссылались. Пришла очередь и отца Анатолия. Красноармейцы, занявшие корпуса, издевались над старцем, обрили его. Наконец в поруганный монастырь приехала комиссия. Старца долго допрашивали, а потом постановили арестовать. Отец Анатолий смиренно попросил отсрочку до завтра, чтобы подготовиться к отъезду. Ему позволили. В ту же ночь келейник старца отец Варнава, войдя в келью, обнаружил отца Анатолия стоящим на коленях перед иконой. Келейник не сразу догадался, что душа преподобного отошла ко Господу.

Утром 30 июля 1922 г. чекисты вновь пришли к отцу Анатолию.

– Старец готов? – спросили они отца Варнаву.

– Да, готов.

Когда чекисты вошли в келью, то увидели, что он действительно «подготовился». Преподобный лежал посреди кельи в гробу. Бог не попустил поругания богоборцев над этим земным ангелом.

Бог не допустил и убийства отца Серафима, уведя его на безопасный юг России. Для будущего архипастыря начался новый этап служения.

Глава 5. Вместе с Одигитрией

*Если христианин часто с любовью и благоговением
взирает на образ Господа Иисуса Христа или
Пречистой Его Матери и святых Его, то и его душа
приемлет духовные черты любезнозримого лица.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский*

Преподобный Варсонофий Великий (VI век) называл разные дарования, которые подает Христос: дар исцеления, дар изгнания бесов... Но самым главным, высшим дарованием преподобный считал власть отпускать грехи. Такая власть есть только у пастырей. Но насколько выше священнического служения служение архиерейское, какую ответственность оно налагает! Неудивительно, что многие подвижники категорически отказывались от архиерейства, а святые Амвросий Медиоланский, Григорий Чудотворец и Феодор Эдесский даже пытались бежать перед епископской хиротонией – настолько важна подготовка к этому служению, предварительное испытание себя. Но отцу Серафиму трудно было сосредоточиться на этой подготовке – ведь его хиротония должна была состояться в те дни, когда сердце русского человека терзалось от боли за страну, в которой устанавливалась богоборческая тирания. Архиереем он стал в те дни, когда было неизвестно, сколько еще придется прожить на Родине. Но Промысл Божий архипастырь чувствовал как и прежде. Ведь рядом была Одигитрия...

Ко времени прибытия архимандрита Серафима и иеромонаха Сергия на юг России здесь уже существовало временно независимое Высшее церковное управление.

Гражданская война разделила Россию линиями фронтов. Сибирь в 1919 г. контролировалась адмиралом А.В. Колчаком, юг России – генералом А.И. Деникиным. Весной 1920 г. центром антибольшевистского сопротивления стал Крымский полуостров. Во главе Белого движения теперь находился генерал П.И. Врангель. Надеясь на поддержку Англии и Франции, он хотел создать в Крыму независимое и справедливое государство, которое привлекло бы к нему симпатии русского населения. А это привело бы и к падению коммунистической власти в России. Врангелем были запрещены все политические партии, он считал, что до освобождения России политических споров быть не должно. Добровольческая армия при Врангеле стала именоваться Русской армией.

Связаться с патриархом Тихоном духовенству этих территорий было практически невозможно. А срочные церковные вопросы нужно было решать. Для этого на белых территориях и были созданы временные Высшие церковные управления (ВЦУ). Особенно активно действовало ВЦУ на юге России. Оно находилось в Ставрополе, Таганроге, потом переехало в Симферополь. С разрешения ВЦУ на юге России открывались новые епархии, совершались хиротонии архиереев. Все эти решения патриарх Тихон впоследствии признал.

Возглавлял Крымское ВЦУ архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе). Этот архиерей происходил из богатого княжеского рода, окончил Новороссийский Императорский университет. Перед князем открывались широкие перспективы, но он предпочел духовную карьеру, поступил в Киевскую духовную академию, был пострижен в монашество, рукоположен в священный сан. О духовном настрое и вере этого иерарха говорит то, что он бесстрашно ходил в лепрозорий причащать прокаженных, а в годы Первой мировой войны совершил плавание на военном корабле в качестве судового священника.

В Крыму оказались и старые знакомые отца Серафима – архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), а также Вениамин (Федченко), к тому времени ставший епископом Севастопольским и главой военного духовенства Русской армии. Позднее, в сентябре 1920 г., в Крым с Афона приехал митрополит Киевский Антоний (Храповицкий).

Архимандрит Серафим включился в церковную жизнь. В декабре 1919 г. он был назначен ректором Екатеринославской семинарии, но приступить к своим обязанностям не смог – Екатеринослав был захвачен бандами Н. Махно.

В мае 1920 г. архимандрит Серафим стал ректором Таврической семинарии. Трудными были эти дни. Наступление на Крым Красной армии могло начаться в любой момент. Сколько продлится жизнь свободного полуострова, было неизвестно. Но тяжело было и по другим причинам.

С одной стороны, к людям постепенно начинало приходить понимание, что трагедия России стала следствием богоотступничества и цареубийства. В сентябре 1920 г. было решено провести в Крыму специальные дни покаяния с трехдневным постом. Каждый день шли службы, с амвонов читали особое покаянное послание. Молящихся было огромное количество. Но, с другой стороны, даже в столь трагической ситуации не все жители Крыма откликнулись на призыв Церкви. Кто-то встретил известие о покаянных днях со смехом, кто-то – с озлоблением. А

комендант Евпатории, несмотря на запрет увеселений, разрешил таковые в своем городе. Архимандрит Серафим не мог не замечать этого.

Утешением для отца Серафима стало прибытие в Крым чудотворной Курской-Коренной иконы Божией Матери. Это была та самая икона, перед которой когда-то исцелился преподобный Серафим Саровский. Революционеры эту икону почему-то особенно ненавидели. Против нее в 1898 г. был совершен теракт, но, к счастью, икона не пострадала. И крестный ход именно с этим святым образом был кощунственно изображен И.Е. Репиным на его известной картине.

Епископ Курский Феофан (Гаврилов) понимал, что после взятия Курска Красной армией чудотворный образ будет поруган, а скорее всего и уничтожен. Покидая свой город, епископ увез с собой и икону. До сентября 1920 г. она находилась в Сербии, но в дни покаяния была доставлена в Крым. Архимандрит Серафим не мог не видеть особого Промысла в том, что может молиться перед той самой иконой, которую особенно почитал его небесный покровитель – преподобный Серафим Саровский.

В те же дни решался вопрос о рукоположении отца Серафима во епископа. Архиепископ Феофан (Быстров) порекомендовал архимандрита Серафима к архиерейской хиротонии как викария Полтавской епархии. Церковное управление не возражало против этого, но постановило совершить хиротонию после освобождения Полтавской епархии от большевиков. Было решено, что владыка Серафим будет именоваться епископом Лубенским, по городу Лубны Полтавской губернии. Предполагалось, что архипастырь будет при этом настоятелем Крестовоздвиженского монастыря. Однако архиепископ Феофан не хотел откладывать рукоположение. В сентябре 1920 г. по настойчивой просьбе архиепископа Феофана ВЦУ приняло решение об архиерейской хиротонии отца Серафима.

В праздник Покрова Божией Матери в соборе святого Александра Невского архимандрит Серафим был рукоположен во епископа Лубенского. Незадолго до этого из Херсонесского монастыря в Симферополь прибыл митрополит Антоний (Храповицкий). Он и возглавил архиерейскую хиротонию архимандрита Серафима.

До падения Крыма под ударами Красной армии оставалось меньше месяца. В течение этого времени епископ Серафим руководил семинарией. Еще одной задачей архипастыря стало посещение действующей армии для поднятия морального духа войск. В обстоятельствах того времени это было необходимо: предвидя скорые

перемены, само крымское духовенство опасалось вести антибольшевистскую проповедь в действующей армии. В связи с этим в начале ноября епископу Серафиму было поручено объехать позиции войск и разъяснить идеи Русской армии. Вместе с епископом Серафимом воинов посещали архиепископ Димитрий и епископ Вениамин.

Но изменить положение уже было нельзя. В ноябре Красная армия приступила к захвату Крыма. Генерал Врангель, заботясь о людях, прекрасно подготовил армию и флот к эвакуации. Все желающие могли покинуть полуостров.

Епископ Серафим находился в тяжелых раздумьях – остаться в России или уйти в эмиграцию. Архипастырь горячо молился перед Курской-Коренной иконой Божией Матери, а затем отправился за советом к архиепископу Димитрию (Абашидзе), с которым за месяцы пребывания в Крыму особенно сблизился. Но архиепископ не дал своего благословения оставаться на Родине.

– Не могу я этого сделать! – сказал он. – Если потом с вами случится что-нибудь плохое, я буду мучиться, что дал вам свое благословение.

Иерархи решили попросить совета у Самой Божией Матери. На одном листке написали «уезжать», на другом – «не уезжать». После этого иерархи отслужили молебен перед иконой Божией Матери, и архиепископ Димитрий выгадил один из листков. «Уезжать». Все было понятно.

14 ноября 1920 г. на пароходе «Херсонес» епископ Серафим покинул родную землю. Архиепископ Димитрий предпочел остаться. У него впереди был свой путь. Вскоре он принял великую схиму с именем Антоний и удалился от административных дел. Полагают, что от смерти его спасла именно схима и уединенная жизнь. Власти не видели в нем особой опасности и потеряли к нему интерес. Но даже несмотря на это иерарху в 1920–1930-е гг. пришлось хлебнуть немало горя – аресты и заключения он испытал в полной мере. Умер схиархиепископ Антоний в Киеве в годы нацистской оккупации и был похоронен в Киево-Печерской лавре.

Остальные архиереи, находившиеся в Крыму, в 1920 г. покинули страну.

Вместе с иерархами уходила в эмиграцию и чудотворная Курская-Коренная икона Божией Матери. Ей суждено было разделить изгнание с миллионами русских беженцев. Этот святой образ ныне находится в кафедральном соборе Русской Зарубежной Церкви в Нью-Йорке. Эмигранты называют эту икону «Одигитрией русского рассеяния». В переводе с греческого «Одигитрия» значит «Путеводительница».

Этот образ Богородицы стал очень близок владыке Серафиму. Ведь это была любимая икона его небесного покровителя, это была икона-мученица, как и архипастырь чудом избежавшая гибели. Наконец, это была икона-изгнанница. Таким изгнанником становился и епископ. До конца жизни в его комнате помимо Боголюбской иконы всегда находилась и Курская-Коренная икона Божией Матери.

Путеводительница вела епископа Серафима в эмиграцию, вела навстречу новым радостям и скорбям, вела, чтобы никогда не оставить.

Часть 2. Годы изгнания

Глава 1. «Хорошая сторонущка»

*Земная служба есть испытательная,
приготовительная служба к служению
на небесах.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Вот и попали мы, ваше преосвященство, в хорошую сторонущку!

– Постой, здесь же турки, мусульмане, какая же это хорошая сторонущка! Погоди, даст Бог, увидим еще хорошую сторонущку.

Так ответил епископ Серафим священнику, считавшему, что все неприятности позади и лучшего, чем Турция, нельзя и желать. Современники вспоминают, что турки встречали русских беженцев приветливо, не тая зла за недавнюю войну. Немалая масса беженцев, прежде всего из южных губерний России, переселялась в Европу именно через Турцию. Епископ Серафим, покинувший Родину в ноябре 1920 г., также оказался здесь. Вскоре он начал преподавать догматическое богословие в Высшей духовной школе Вселенской Патриархии на острове Халки.

При этом, как и вся русская церковная эмиграция, епископ Серафим остался в подчинении Высшего церковного управления. После отъезда из Крыма оно продолжило свою деятельность сначала в Константинополе, а затем в небольшом городе Сремские Карловцы в Югославии.

Как и предполагал епископ Серафим, в Турции ему пришлось пробыть недолго. В 1921 г. он был назначен в Болгарию. В этой православной стране, столь близкой России, в 1921 г. было тридцать шесть тысяч русских беженцев.

Болгарская Церковь оказала существенную помощь русским эмигрантам. Этим занимался специальный комитет во главе с архимандритом Стефаном (Шоковым) – впоследствии митрополитом Софийским и экзархом Болгарской Церкви. Самой Болгарии после Первой мировой войны было нелегко. Страна переживала экономический кризис, приходилось платить контрибуцию странам-победительницам: Франции и Великобритании. Большой проблемой была безработица – работодатели с трудом устраивали на рабочие места болгар, а русским приходилось куда тяжелее.

Но несмотря на все материальные трудности, русскому сердцу было легко в этой стране. Православие здесь процветало, в стране правил царь, язык был близок к русскому. В центре Софии стоял памятник Царю-

Освободителю Александру II. Улицы и бульвары города носили имена православных святых и героев войны с Турцией, в том числе и русских полководцев – генералов Скобелева, Дондукова, Гурко, Тотлебена... По сравнению с советской Россией Болгария действительно казалась раем, воистину была «хорошей сторонушкой».

В Болгарии к тому времени имелось несколько больших русских общин. В центре Софии возвышался замечательный Никольский храм. Еще одна церковь находилась на Шипке – месте подвига русских воинов, освободивших Болгарию от турецкого ига в 1878 г. В Ямболе действовал русский Спасский монастырь, имевший и второе название – Александро-Невский. Общины русских беженцев были и в других городах. Для управления этими приходами весной 1921 г. в Болгарию и был назначен епископ Серафим. 19 мая епископ Серафим и его брат иеромонах Сергей прибыли в Софию. Патриарх Тихон признал законным назначение епископа Серафима в Болгарию. В том же году Святейший изменил титул епископа Серафима на «Богучарский» по городу Богучар Воронежской области. Этот титул епископ, а затем архиепископ Серафим носил до конца жизни.

Не все были довольны этим назначением. Среди недовольных был протопресвитер Георгий Шавельский, сам рассчитывавший занять место настоятеля Никольского храма и управляющего русскими приходами в Болгарии. Протопресвитер даже не пошел встречать епископа Серафима на вокзал. Протопресвитера Г. Шавельского поддержали и другие священники Никольского храма – протоиереи Василий Флоровский и Александр Рождественский. На вокзале епископа и его брата встречал только архидиакон Иоанникий на извозчике. Но епископ Серафим не хотел конфликта и проявил смирение. На следующий день он лично посетил всех подчиненных священников. Мир удалось восстановить.

Епископ Серафим стал служить в храме святителя Николая на бульваре Царя-Освободителя. Этот храм стал центром русской эмиграции в Болгарии.

А ситуация в стране постепенно ухудшалась.

Как известно, Россия после революции и гражданской войны находилась в полном разорении. Большевицкий эксперимент привел к страшному голоду 1921–1922 гг., в результате которого погибло пять миллионов человек. Несмотря на страшное бедствие, в те же самые годы Советское государство находило огромные средства для организации революций по всему миру. Болгария не стала исключением. В начале 1920-х гг. сюда под видом эмигрантов массово засылались чекисты,

помогавшие в организации мятежей. Болгарские коммунисты, получавшие средства и оружие из советской России, пытались захватить власть. Большими тиражами издавались соответствующие листовки и газеты. Коммунистическая партия не брезговала и террористическими актами. В 1922 г. было устроено крушение поезда, в котором среди совершенно не причастных к политике людей ехала группа врангелевских генералов. По счастливой случайности обошлось без жертв. Другой теракт был совершен в кафедральном соборе Святой Недели⁷. В результате взрыва погибло 150 человек, которые молились в соборе.

Начались и преследования русских эмигрантов, многие из которых бежали в Сербию.

Ситуация изменилась лишь в 1923 г. Болгарская армия сумела взять власть в свои руки и задушить революцию. Но небольшой болгарской армии, находившейся после войны в небоеспособном состоянии, приходилось иметь дело с опытным и жестоким врагом. Болгарии в тот момент помогли русские воины-эмигранты. Они открыли склады, вооружились и дали отпор тем, кто хотел создать здесь подобие советского богоборческого государства. На двадцать лет в стране установился относительный покой.

Епископ Серафим, оказавшийся в эпицентре вооруженных столкновений, избрал правильную тактику. Понимая, что русские беженцы могут попасть под каток репрессий, он полностью отошел от политической деятельности и постарался направить жизнь паствы в духовное русло. Никольский храм стал островком покоя и молитвы среди бушующего моря гражданской войны.

Община активно помогала русским беженцам. Немалую роль здесь играло благотворительное братство, созданное в 1921 г. В русских храмах существовал специальный тарелочный сбор для помощи бедным и нетрудоспособным прихожанам. Епископ Серафим добился у местных властей, чтобы такие денежные сборы на нужды эмигрантов осуществлялись и на улицах Софии. Благодаря собранным средствам удавалось обустроить несколько бесплатных мест в городских больницах.

Едва устроившись в Софии, епископ Серафим стал оказывать материальную помощь своему учителю – архиепископу Феофану (Быстрову), который жил в Сербии практически в нищете. Вскоре епископ Серафим поспособствовал его переезду в Болгарию, а затем добился от Синода Болгарской Церкви и денежного пособия для него.

Иерарх использовал любую возможность, чтобы устроить неимущих эмигрантов либо в больницу, либо в инвалидный дом. Некоторых епископ

кормил у себя.

Архипастырь старался поддерживать и русских монахов на Афоне. Русский Пантелеимонов монастырь на Святой Горе переживал не самые лучшие времена. Греческие власти перестали допускать в русский монастырь монахов из России и русской эмиграции, а потому количество насельников этого монастыря уменьшилось. Сложная политическая обстановка препятствовала паломничествам. Закончилась и помощь благотворителей. В иные годы братия монастыря попросту голодала. Епископ Серафим основал комитет по сбору помощи монахам, постоянно собиравший средства на нужды русского монастыря.

Другой проблемой русской эмиграции были лжеучения и неверие. Выступая на Карловацком Соборе 1921 г., епископ Серафим отмечал увеличение среди эмигрантов последователей баптизма и адвентизма, а также распространение оккультных идей и безбожия. Еще одну проблему архипастырь видел в активной проповеди римо-католичества. Архипастырь обращал внимание на то, что Рим постарался воспользоваться бедственным положением Российской Церкви для своей миссии. Епископ Серафим отмечал, что проповедь римо-католичества направлена не только на Россию, но и на русскую эмиграцию.

Для борьбы с пропагандой римо-католичества и сектантства епископ Серафим предлагал создать миссионерский совет, в который включить опытных священников. Епископ считал необходимым организовывать в эмиграции миссионерские кружки, братства и сестричества.

Довольно часто архипастырь посещал русскую гимназию в Софии. Архиепископ Серафим входил в класс и молился вместе с детьми. Один из учеников гимназии, Петр Иванович Петков, впоследствии иподиакон владыки, вспоминал: «В детстве я страшно заикался. Когда владыка Серафим приходил в гимназию, то всегда заставлял меня вместе с ним петь молитву. «Петрусь! Споем молитву!», – говорил владыка. Речь моя со временем полностью исправилась, но я не считаю это чудом – исправление моей речи было скорее связано с моральным воздействием со стороны владыки».

Архипастырь любил сидеть в классе во время урока, слушать ответы учеников. Иногда он посещал и экзамены. Протопресвитер Г. Шавельский вспоминал, что владыка вопросов не задавал, а только хвалил и отвечавших, и преподавателя. А иеромонах Николай (Шелехов) оставил такую запись: «Владыка мне сам рассказывал, что во время экзаменов он непрестанно и усердно молился за отвечающего ученика»⁸. По окончании занятий все дети собирались в одном из классов, где иерарх произносил

речь. «Деточки мои!» – так обращался архипастырь к детям.

Но главным для владыки было богослужение. Духовные чада говорили, что оно было нужно ему, как воздух. Благодаря иерарху с начала 1920-х гг. и вплоть до 1968 г. службы в русском храме совершались каждый день, утром и вечером. Сам архипастырь неукоснительно служил во все воскресные и праздничные дни, а по четвергам всегда читал акафист святителю Николаю Чудотворцу. Службы епископ Серафим совершал спокойно и благоговейно. Большое внимание епископ уделял живому пастырскому слову. Проповедовал он после каждого богослужения. Проповедь обычно не была слишком длинной, всегда была простой и без внешних эффектов. «Поменьше своеумудрия, побольше простоты», – нередко повторял архипастырь слова праведного Иоанна Кронштадтского.

Но эта простая проповедь оказывала на людей сильнейшее воздействие. Не раз случалось, что после архиерейской проповеди на Прощеное воскресенье старые враги у всех на глазах бросались друг к другу и в слезах просили прощения.

Владыка любил ссылаться в проповеди на жития святых и подвижников благочестия. Вообще «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского были любимым чтением архипастыря. Многотомное собрание «Житий» он в течение жизни перечитал одиннадцать раз. Это произведение иерарх называл благодатным дождем, который освежает, ободряет и радует душу. «Читая жития святых, я как в раю находился», – говорил архипастырь.

Полюбили прихожане и наставления своего владыки. Он обращал внимание, что главное в человеке – смирение.

«Смирение есть якорь спасения, оно является основой всех христианских добродетелей».

«Без смирения ни одна добродетель не имеет для нас спасительной силы».

«Держать себя просто – это значит не допускать искусственности ни в чем и держать себя пред людьми, как пред Богом... Стать простым, в этом заключается перемена жизни. Это и есть *измена десницы Вышняго* (Пс.76:11). Тогда не погибнешь, ибо простота есть смирение. А на смиренных, как на престоле, почивает Своею благодатью Бог».

А вот что говорил архипастырь о любви к ближнему:

«В брате надо видеть Ангела, а на его грех надо смотреть как на болезнь».

«Надо отделять человека от греха. Грех можно ненавидеть, а человека мы должны любить и жалеть».

«Не любить можно только врагов Божиих, по словам Псалмопевца» (см.: [Пс.138:21–22](#)).

Но заглянем в алтарь Свято-Никольского храма. Как правило, вместе с архиепископом служили священники и диакон. На службах помогало и пять-шесть мальчиков. По окончании службы все служители алтаря подходили к архипастырю под благословение. Благословляя ребят, владыка брал горсть денег с блюда, которое держал архидиакон Иоанникий, клал в детские ладошки и слегка шлепал всех по щеке. Но особенно радовались почитатели владыки, если после благословения он кого-то называл «Колей». Архиепископ, хотя и знал имена и отчества многих прихожан, мог назвать «Колей» и ребенка, и мужчину, и почтенную старушку.

По окончании богослужения духовенство и все служившие в алтаре спускались в трапезную. Обстановка на обедах была семейная. После молитвы владыка снимал рясу, и все садились за стол. Перед трапезой архипастырь иногда позволял себе выпить рюмку болгарской водки – ракии или немного вина.

Заботой архипастыря был и церковный хор. Епископ Серафим привлек в Никольский храм самых опытных регентов и очень скоро хор стал одним из лучших в Болгарии.

Пример русского храма был очень важен. Русские эмигранты по прибытии в Болгарию были попросту шокированы некоторыми элементами местной практики. Например, не считалась обязательной исповедь перед причастием, не всегда и не везде совершалось всенощное бдение накануне праздников и воскресных дней, не было традиции причащаться в Великий Четверг и Великую Субботу. Не все священники могли правильно читать по-церковнославянски. Современник вспоминал одного болгарского протоиерея, который на отпуске произносил: «Молитвами Успения Божией Матери», «Молитвами усекновения главы Иоанна Крестителя» и т. д.

Дело епископа Серафима принесло свои плоды. Благоговейные и торжественные службы, уважение к богослужебному уставу, гармоничное пение – все это привело к тому, что на Никольский храм стали равняться. В болгарские храмы стала возвращаться исповедь, а митрополит Софийский Стефан по договоренности с владыкой Серафимом направлял на стажировку в Никольскую церковь молодых священников.

Русская община находилась в Никольском храме на бульваре Царя-Освободителя до 1934 г. В том году Болгария официально признала Советское государство и установила с ним дипломатические отношения.

Советские представители потребовали от Болгарии передать им русское церковное имущество. Для приходов русской эмиграции это была катастрофа. В других странах, где русские храмы уже были переданы Советскому государству, это приводило к их поруганию и разорению. Так было в Иране, где храмы были приспособлены для хозяйственных нужд, а церковное убранство выброшено на улицу, так было в Вене и Константинополе, где храмы также были поруганы.

Епископ Серафим приложил все силы, чтобы спасти русские церкви. Кроме Никольского храма, надо было защитить другую русскую собственность – храм-памятник на Шипке и Спасский (Александроневский) монастырь в Ямболе. Епископ обивал пороги, объясняя болгарским властям, что передача русских храмов Советскому государству будет богохульством. Но доказать это чиновникам, порой симпатизировавшим коммунистам, было непросто. К борьбе за храмы подключилась и Болгарская Церковь.

Сохранить храмы за русской эмиграцией не удалось. Но епископ Серафим и Болгарский Синод все же спасли их от поругания. После длительной борьбы и споров решение было принято следующее. Советское посольство согласилось отказаться от русских церквей и передать их «болгарскому народу». Однако было поставлено условие, что управлять этими храмами и Спасским монастырем будет Болгарская Церковь без участия русских эмигрантов. В результате храмы были включены в состав Болгарской Церкви. Епископ Серафим тяжело переживал потерю русских церквей, но утешался тем, что они не подверглись осквернению, что в них по-прежнему совершается Бескровная Жертва и звучит слово Божие.

Чтобы не оставить русскую паству без помещений, Болгарская Церковь подыскала этим храмам замену. Вместо Никольской церкви на бульваре Царя-Освободителя русской общине был предоставлен Никольский храм на улице Царя Калояна, вместо храма на Шипке – Афанасьевская церковь в Варне, вместо Ямбольского монастыря – Кокалянский монастырь Архангела Михаила.

Нет худа без добра. Беря под свое руководство Кокалянский монастырь, владыка Серафим получил возможность принести традиции русского монашества в еще одну обитель. Синод Болгарской Церкви, передавая архипастырю монастырь, просил епископа, чтобы туда принимались не только русские эмигранты, но и болгары «с целью иметь их как рассадник истинного иночества для болгарских монастырей».

Жизнь русской общины в Софии вскоре наладилась. Храм на улице Царя Калояна был даже просторнее прежнего. Правда, многие болгары

продолжали ходить сюда. А потому в храме всегда было тесно и прихожане страдали от духоты.

В 1935 г. в этом храме торжественно встречали Курскую-Коренную икону Божией Матери. В Болгарию чудотворный образ привез его хранитель – проживавший в Югославии архиепископ Феофан (Гаврилов). 7 июля икона прибыла в Софию. Жители Софии к этому времени заполнили перрон и всю привокзальную площадь. Икону встречал владыка Серафим с сонмом русского и болгарского духовенства. Архипастырь осенил народ иконой, после чего она крестным ходом была доставлена в Никольскую церковь. Икона посетила и другие болгарские города, а 29 сентября покинула страну.

Обычно рабочий день владыки Серафима состоял из молитвенного правила, текущих епархиальных дел, приема посетителей, просмотра корреспонденции. При этом значительную часть времени у иерарха отнимали его богословские сочинения. Отступления от чистоты православного учения требовали скорейшего ответа. Архипастырь взял на себя труд апологета христианства.

«Мои книги – моя кровь», – говорил архипастырь, поскольку работать приходилось и днем и ночью. Более спокойно работа шла летом, когда он переезжал в монастырь. При возникновении затруднений иерарх вставал на молитву. В письме одному духовному чаду он писал, что работая над книгой «Новое учение о Софии», постоянно ощущал помощь Божию. В другом письме архипастырь сказал: «Все мои книги – плод моих усердных молитв Матери Божией».

После признания Болгарией Советского государства епископ Серафим был вынужден покинуть свою небольшую квартиру в посольском доме. С 1934 г. и до самой смерти он снимал очень скромное жилье в доме № 30 на улице Велико Тырново. Квартира была лишена даже элементарных удобств, но архипастырь не хотел ничего иного. Иерарх старался избегать роскоши и пристрастия к вещам, говоря: «Вещи меня обременяют. Они – тяжесть для души».

Следует сказать об одной особенности владыки Серафима, а именно о его любви постоянно поощрять и награждать своих подчиненных и церковных благотворителей. Ни один из архиереев русской эмиграции не подавал в Синод столько ходатайств о награждении духовенства и прихожан. Поощрения были разные – от наградных крестов для протоиереев до грамот, Библий и икон для рядовых прихожан. Архипастырь понимал, что в условиях безработицы и нищеты эти небольшие знаки внимания были для людей утешением, пусть и

небольшим.

В 1934 г. в жизни владыки произошло еще одно событие – Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви возвел его в сан архиепископа. Но для архипастыря это мало что изменило – он продолжал жить в стесненных условиях и по-прежнему не оставлял попечением своих духовных чад.

О некоторых из них нужно сказать подробнее.

Глава 2. Древо и плоды

Не ленись молиться усердно о других по прошению их или сам собою и вместе с ними – сам получишь милость от Бога – благодать Божию в сердце, услаждающую и укрепляющую тебя в вере и любви к Богу и ближнему.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Семья протоиерея Андрея Ливена

Андрей Александрович Ливен (1884–1949) происходил из богатого княжеского рода. В детстве Андрей был глубоко верующим ребенком, помогал вырезать иконостас в строящемся храме, основанном его двоюродной бабушкой – игуменией Магдалиной. Но постепенно юноша стал отходить от веры. В годы учебы в Демидовском лицее он чаще посещал развлечения и театры, чем лекции, а также любил шалости и розыгрыши. Однажды после студенческой вечеринки глубокой ночью он позвонил профессору астрономии и задал вопрос:

– Скажите, профессор, чем вы кормите Большую Медведицу?

– Млечным Путем! – мрачным сонным голосом ответил профессор.

Хуже было то, что Андрей увлекся оккультизмом. Когда игумения Магдалина стала спрашивать, почему он занялся этим антихристианским учением, будущий протоиерей ответил:

– Я ищу истину, и если не найду ее в оккультизме, то оставляю его.

Игумения стала усиленно молиться, и случилось чудо. Руководительница кружка, который посещал Андрей Ливен, наткнулась на книгу «Добротолюбие», прочитала ее и пришла к выводу о бесовской основе оккультизма. Покаяние ее было столь сильным, что она приняла монашество в Шамординском монастыре. Духовный перелом произошел и у всех членов кружка, в том числе и у Андрея. Он закончил образование и получил кандидатскую степень. Впоследствии А.А. Ливен был уездным предводителем дворянства в Коломне. Революция коренным образом изменила жизнь Андрея Александровича. Он вступил в Добровольческую армию, а семью отправил за границу. Сам он оказался в эмиграции позднее и встретился с женой и детьми чудом. Семья поселилась в Болгарии.

Владыка познакомился с А. Ливеном в день своего приезда в Софию и стал его духовником.

В Софии Ливены открыли книжный магазин, но из-за перестройки

здания лишились помещения.

– Не унывай, – сказал А. Ливену епископ Серафим, – у тебя будет магазин лучше и на лучшем месте. Закажи молебен святителю Николаю и скажи мне, когда будете служить. Я буду дома молиться. Святитель Николай тебе поможет.

Через месяц Андрей Александрович действительно нашел помещение в самом центре города напротив Никольского храма. Однажды А. Ливен сказал:

– Владыка, я хотел бы быть священником.

– Очень трудно это, – ответил епископ. – Курить надо бросать.

С этого дня Андрей Александрович не курил⁹.

В 1924 г. Андрей Ливен был рукоположен во священника епископом Серафимом, а затем стал его помощником и секретарем епископского совета. В лице отца Андрея владыка Серафим нашел ревностного сподвижника. Пастырь помогал иерарху в устройстве в больницу больных, в предоставлении работы безработным. Он ходатайствовал и о поддержке афонских монахов, приезжавших в Болгарию в поисках средств. Отец Андрей отличался поразительной нестяжательностью. Случалось, что он кормил голодного на свои последние копейки и оставался совсем без денег.

Отец Андрей всю жизнь старался просвещать неверующих. Бывало, что протоиерей вызывал на разговор атеиста, беседа шла о посторонних вещах, но постепенно пастырю удавалось коснуться его сердца. И светский разговор заканчивался исповедью, причастием и последующей жизнью во Христе.

Когда протоиерей Андрей Ливен шел в храм, дети оставляли свои игры, чтобы взять благословение у «большого батюшки» (отец Андрей был выше двух метров).

Пастырь не лишился и своего веселого нрава. Человек разносторонне одаренный, отец Андрей был известен как музыкант, художник-карикатурист и талантливый поэт. В поэме «Три шага» он вывел образ трех предтеч антихриста – Юлиана Отступника, Лютера и Ленина.

Была близка к владыке Серафиму и многочисленная семья протоиерея Андрея – жена, два сына и четыре дочери. Одна из дочерей, Ольга (1913–2004), окончила богословский факультет Софийского университета, преподавала православное вероучение. В 1948 г. архиепископ Серафим постриг Ольгу вместе с ее подругой Надеждой Ястребовой в монашество. В постриге обе получили имя в честь преподобного Серафима Саровского. Монахиня Серафима (Ливен) стала настоятельницей Покровского

монастыря в Княжево, была возведена в сан игумении. Впоследствии игумения Серафима покинула Болгарскую Православную Церковь из-за ее перехода на новый календарь.

Другая дочь протоиерея Андрея Ливена, Дарья, также приняла монашество с именем Екатерина.

Сам отец Андрей умер вскоре после операции за год до смерти своего духовного отца. По благословению архиепископа Серафима на могиле протоиерея Андрея Ливена была выбита надпись: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Семья протоиерея Всеволода Шпиллера

Еще одна семья, духовником которой был архиепископ Серафим, – семья протоиерея Всеволода Шпиллера (1902–1984).

Всеволод Дмитриевич Шпиллер происходил из дворянской семьи, воевал в Добровольческой армии, несколько раз был ранен, причем никогда не получал ранений в спину. Оказавшись в Болгарии, поручик В. Шпиллер сблизился с епископом Серафимом. А вскоре ему пришлось поддержать его и даже помочь.

В конце 1920-х гг. против архипастыря начались интриги, о которых будет подробнее сказано в следующей главе. В выпадах против архипастыря приняли участие и некоторые русские генералы. Эти люди попытались организовать травлю иерарха в печати. Возмущенный несправедливостью по отношению к владыке, В. Шпиллер на одном собрании горячо поддержал его и поплатился тем, что был уволен из армии.

Русские эмигранты, как правило, нищенствовали. Чтобы заработать, В. Шпиллер согласился на опасную работу – стал обезвреживать снаряды, извлеченные из потопленного транспортного корабля. Пастырь вспоминал, что на этой работе многие погибали. Но Всеволоду Дмитриевичу удалось придумать безопасный способ обезвреживания снарядов, он был поощрен руководством фирмы и принят на престижную должность с хорошим жалованьем. Однако епископ Серафим настоял, чтобы Шпиллер получил богословское образование. Будущий пастырь поступил на богословский факультет Софийского университета, а после вступления в брак был рукоположен епископом Серафимом во священника. Хотя отец Всеволод находился в подчинении Болгарской Церкви, духовно он тяготел к Церкви Русской и поддерживал тесную связь со своим духовным отцом.

Семья протоиерея неоднократно хотела купить квартиру в Софии, но владыка Серафим не советовал этого делать. «Где имущество ваше, там и сердце ваше», – неоднократно отвечал иерарх на вопрос о покупке жилья.

Незадолго до смерти архиепископ Серафим настоял на том, чтобы отец Всеволод переехал в Россию. Неизвестно, что именно ожидало протоиерея В. Шпиллера и его близких, останься они в Болгарии. По-видимому, архиепископ знал, что в России, несмотря на продолжавшиеся репрессии, семье будет безопаснее. Выполняя благословение своего старца-архипастыря, семья отца Всеволода вернулась на Родину. Сын протоиерея Иван Всеволодович Шпиллер вспоминал: «Папа как-то мне сказал: «Все, что с нами произошло, я рассматриваю как чудо». Имелось в виду, что нас не арестовывали, не ссылали, с 1951 года мы получили прописку в Москве, не имея там жилья, и. т. д., и. т. д.»¹⁰.

В течение тридцати двух лет отец Всеволод был настоятелем московского храма святителя Николая в Кузнецях, где был известен как замечательный проповедник и духовник. О Николо-Кузнецком храме говорили, что это был редкий храм, где была настоящая сплоченная община православных христиан. И это была заслуга отца Всеволода.

Протоиерей умер на второй день Рождества Христова, 8 января. Но всех, кто пришел накануне поздравить его с Рождеством, он приветствовал пасхальным возгласом «Христос воскрес!»

Сын протоиерея В. Шпиллера Иван Всеволодович стал известным музыкантом и дирижером. Ему принадлежит книга воспоминаний, немалая часть которой посвящена архиепископу Серафиму.

Семья Зызыкиных

Серьезным испытанием для архиепископа Серафима были его болезни. Еще в России отец Серафим заразился туберкулезом. Эта болезнь преследовала его и в эмиграции. В середине 1920-х гг. лечащий врач архипастыря говорил, что его состояние почти безнадежно. Современники вспоминали, что владыка в те годы был худым, бледным, постоянно с высокой температурой. Туберкулезом страдал и прибывший в Болгарию архиепископ Феофан (Быстров). Казалось, дни учителя и ученика сочтены. Архиереев спасла одна из духовных дочерей епископа Серафима – Варвара Ивановна Зызыкина (урожденная Ряполова).

Дамой она была своеобразной и на улицах привлекала к себе всеобщее внимание. При внушительном росте и весе (160 килограммов) она демонстративно носила одеяния допетровской эпохи – сарафаны, кокошники и т. п. Мужем Варвары Ивановны был профессор Михаил Валерианович Зызыкин, известный историк и канонист. Профессор был автором исследований по вопросам наследия царского престола в России, а также книг о патриархе Никоне, императорах Александре I и Николае I. В семье Зызыкиных было двое детей.

С середины 1920-х гг. архиепископ Феофан, епископ Серафим, семья протоиерея Андрея Ливена и семья Зызыкиных на лето уезжали в Варну, где снимали несколько скромных домиков. Варвара Ивановна решила вылечить архиереев. Каждое утро она шла в их дом для проведения процедур. Зызыкина провела с ними полный курс лечения; следила, чтобы архипастыри выполняли все предписания врачей. Архипастыри слушались Варвару Ивановну. Помогли и морской воздух, и особая диета, принудить к которой архиереев было непросто – оба были строгими постниками и после пострига не ели мяса. Варвара Ивановна из благих намерений взяла на себя грех и пошла на обман. Рассказывали, что она кормила архиереев куриным супом, выдавая его за суп из рыбы. Молитвы и лечение привели к тому, что оба архиерея поправились. Архиепископ Феофан прожил еще 14 лет, а архиепископ Серафим – 24 года. В конце 1920-х гг. семья Зызыкиных переехала в Польшу, а затем в Южную Америку. В.И. Зызыкина отошла ко Господу в 1958 г., М.В. Зызыкин – в 1960 г.

Епископ Парфений

Духовным чадом архиепископа Серафима был епископ Парфений (в миру Стоян Стаматов, 1907–1982). Все, кто знал этого архиерея, отзываются о нем как об очень добром человеке. Его родители содержали гостиницу, но Стояна с детства влекло к монашеской жизни. Постригал его митрополит Неврокопский Борис (Разумов). В 1945 г. архимандрит Парфений был рукоположен во епископа Левкийского, викария Софийского митрополита. Некоторое время иерарх служил в Америке и Испании. Епископ Парфений близко познакомился с болгарской царской династией, именно ему было суждено крестить наследника болгарского престола. Когда сотрудник спецслужб заявил иерарху, что он совершил преступление перед болгарским народом, епископ Парфений ответил: «Я православный епископ, и всякий, кто желает приобщиться к Православной Церкви, не должен быть отвергнут. Не имеет значения, кто хочет прийти к Церкви – генерал, царь или обыкновенный человек, у Бога все равны».

Епископ Парфений оставил после себя несколько книг и множество статей. Он написал службы святителю Евфимию Тырновскому, преподобному Феодосию Тырновскому, преподобному Иоанну Рьльскому, софийским мученикам Николаю, Георгию Новому, Георгию Новейшему и другим. Кроме того, архипастырь переводил на болгарский язык святоотеческие сочинения. Епископ Парфений оставил и краткие воспоминания об архиепископе Серафиме.

Архимандрит Пантелеимон

Одним из близких к архиепископу Серафиму духовных чад был

архимандрит Пантелеимон (в миру Михаил Николаевич Старицкий, 1883–1980). О его авторитете среди русской общины говорит то, что после смерти архиепископа большинство его духовных детей перешло под духовное руководство отца Пантелеимона.

М.Н. Старицкий был военным, участвовал в Первой мировой войне и Белом движении, получил звание полковника. В эмиграции Михаил Николаевич жил в бедности. Не выдержав тягот беженской жизни, супруга ушла от него. Старицкий стал келейником владыки Серафима, им же был пострижен в монашество и рукоположен. За два месяца до своей кончины архиепископ Серафим благословил отцу архимандриту быть духовником Покровского монастыря в Княжево. После смерти архипастыря отец Пантелеимон некоторое время управлял русскими приходами в Болгарии, был настоятелем Кокалянского монастыря. В начале 1950-х гг. архимандрит Пантелеимон был переведен в Рыльский монастырь, а затем в Княжевский монастырь, где продолжал свое духовническое служение до смерти.

Архимандрит Серафим

Архимандрит Серафим (в миру Стоян Алексиев, 1912–1993) был, наверное, одним из самых образованных духовных детей архиепископа Серафима. Он окончил богословский факультет Софийского университета, учился на факультете теологии университета в Берне, где получил степень доктора богословия. По возвращении в Болгарию Стоян стал духовным чадом владыки. В 1940 г. он был пострижен в монашество с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Отец Серафим возглавлял Культурно-просветительский отдел при Священном Синоде, преподавал догматическое богословие в духовной академии. Архимандрит прославился и как духовный писатель, и как поэт. После перехода Болгарской Церкви на новый календарь отец Серафим ушел со своих должностей и переселился в Покровский монастырь, где продолжил свою литературную и научную деятельность. После смерти архимандрита Пантелеимона он стал духовником Покровского монастыря.

Архимандрит Мефодий

Архимандрит Мефодий (в миру Орфан Жерев, 1909–1993) был человеком ученым и молитвенным. Некоторое время он был иподиаконом владыки Серафима. Благодаря общению с русской общиной, Орфан проникся особой симпатией к России. В 1948–1950 гг. архимандрит Мефодий был настоятелем подворья Болгарской Церкви в Москве. К сожалению, его пребывание в советской столице было недолгим. Архимандрит очень переживал свое увольнение с этой должности: «Не

было дня, чтобы я не плакал по Москве. В душе своей я больше русский, чем болгарин. Духом я все время нахожусь в Москве, в моей Таганской церкви, по которой и буду тосковать всю жизнь». В Болгарии отец Мефодий был настоятелем русского Свято-Никольского храма в Софии, затем настоятелем Рьльского монастыря.

Архимандрит занимался переводами русских святоотеческих сочинений на болгарский язык, написал книги: «Отец Иоанн Кронштадтский», «Святой Иоанн Креститель», а также множество статей и брошюр.

Монахиня Касиния

Еще одна духовная дочь архиепископа Серафима – монахиня Касиния (в миру Галина Владимировна Везенкова, 1909–1981). Галина приходилась дальней родственницей святителю Филарету (Дроздову). Ее отец, болгарин, служил в русской армии, дослужился до полковника. Один из братьев Галины был первым офицером русской армии, погибшим в Первую мировую войну. Другой брат умер от тифа в годы гражданской войны.

Вместе с родителями и сестрой Галина переехала в Болгарию, где стала духовной дочерью епископа Серафима. В Софии она училась в университете, но оставила учебу, чтобы работать и кормить престарелых родителей. По ходатайству архипастыря ее взяли на оружейный завод кассиром. А свободное от работы время она проводила в храме. В конце 1940-х гг. у нее начались серьезные проблемы с сердцем и она была уверена, что проживет недолго. Но архиепископ Серафим, как рассказывала монахиня Касиния, вымолил для нее еще «тридцать лет жизни». Владыка благословил ее на монашество, а также предсказал, что со временем у нее будет и «свой монастырь». Так и произошло. Монахиня Касиния некоторое время жила в Покровском монастыре в Княжеве, а затем стала настоятельницей монастыря святых Иоакима и Анны. Правда, монастырь, как и подавляющее большинство болгарских обителей того времени, был малочисленным. Девятнадцать лет монахиня Касиния была в этом монастыре и настоятельницей, и одной-единственной монахиней. Матушка оставила воспоминания о владыке. При невыясненных обстоятельствах она была убита в 1981 г.

Людмила Яковлева

Духовной дочерью архипастыря была Людмила Яковлевна Яковлева. Настоящая фамилия ее была Аронсон, происходила она из семьи богатых варшавских евреев. С детства Людмила увлекалась музыкой. Как-то раз, находясь в Париже, она зашла в русский храм. Шла первая неделя

Великого поста, читали Великий покаянный канон святого Андрея Критского. Людмила была поражена словами молитв – ей показалось, что всё, что говорится в каноне от имени грешника, – о ней. Она уверовала и крестилась. По возвращении в Варшаву в ближайшее воскресенье Людмила стала собираться в церковь.

– Ты куда? – удивилась мать.

– В храм, – прямо ответила дочь.

– Ты что, христианка? -Да.

– Вон из дома!

И Людмила ушла. Неизвестно, как бы сложилась ее судьба, не познакомься она с В.И. Зызыкиной. Та, узнав о тяжелом положении Людмилы, посоветовала ей ехать в Болгарию и найти епископа Серафима. Людмила поступила по ее совету. В Софии она стала духовной дочерью владыки, продолжала музыкальное образование и со временем стала профессором Болгарской государственной консерватории. Одно время Людмила хотела принять монашество, но не пошла этим путем, так как он означал отказ от занятий музыкой.

В 1958 г. в Болгарии начался очередной этап «борьбы с религией», в газетах стали появляться кощунственные антицерковные статьи. Людмила Яковлева, человек живой и искренней веры, отправилась в редакцию одной из газет, где высказала редактору все, что о нем думала. Естественно, вскоре она была уволена из консерватории. Последние годы своей жизни она жила за счет частных уроков. Ученики Яковлевой давали концерты, были известны не только в Болгарии, но и во всей Европе. Умерла Людмила Яковлева в 1979 г., была похоронена на кладбище Покровского монастыря в Княжеве.

В окружении духовных чад, в совершении богослужений, приходских хлопотах и богословских трудах проходило служение архиепископа Серафима в Болгарии. Эта сторона жизни была внешней. Но была и внутренняя жизнь, жизнь сокровенная...

Глава 3. Узреть Бога

*Духа Святого так же легко верующему
привлечь в себя, как воздух.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

В 20–40-х г. прошлого века на улицах Софии каждый день можно было видеть высокого архиерея с внушительной осанкой, длинными русыми волосами и приветливым лицом. Архиепископ Серафим всегда ходил пешком, преодолевая немалый путь от своей квартиры до храма, где служил. Впрочем, в Болгарии такое поведение для архиереев было скорее правилом, чем исключением. Для кого-то архиепископ Серафим не отличался от многочисленных болгарских епископов и священников, также спешивших по своим делам.

Конечно, архипастыря узнавали. Некоторые почитали его как молитвенника и прозорливца. Но вот что стояло за прозорливостью, за силой молитвы? Об этом было известно немногим. Ведь познать глубины чьей-либо внутренней духовной борьбы невозможно – они сокровенны. До нас дошли только крупницы сведений об этом внутреннем подвиге. Судить же о плодах этих духовных трудов мы можем по отдельным свидетельствам его духовных чад, по скорбям, которые выпали на его долю, по его духовным наставлениям, по той благодатной помощи, которую получали люди по его молитвам...

Как уже говорилось, тяжелым крестом для архипастыря были болезни. Несение этого креста само по себе было заслугой. Но не меньшим, а то и большим подвигом является дело служения больным. В Древнем патерике говорится об одном старце, который на вопрос, чей подвиг выше – постящегося шесть дней в неделю или служащего больным, ответил: «Хотя бы тот брат, который держит пост в течение шести дней, за ноздри повесил себя, и тогда он не сможет сравняться с тем, который услуживает больным». Архиепископ Серафим в полной мере совершал и этот постоянный подвиг. Живший с ним брат архимандрит Сергей был человеком крайне болезненным. Он постоянно мучился невыносимыми головными болями и другими недугами, со слезами умолял владыку вымаливать для него облегчение страданий. Архиепископу Серафиму приходилось не только постоянно молиться о брате, но и ухаживать за ним.

Большие скорби доставляли иерарху и неурядицы в приходских делах. Архипастырь высоко ставил священническое и архиерейское служение и

был твердо уверен, что в церковное управление миряне вмешиваться не должны. По этой причине иерарха невзлюбили некоторые члены приходского совета. Усугубляли конфликт и материальные проблемы Никольского прихода. В конфликте принял участие и протопресвитер Георгий Шавельский, который, как уже говорилось выше, хотел занять место настоятеля. В 1926 г. протопресвитер ушел из Русской Зарубежной Церкви в подчинение Болгарской Церкви. До самой смерти, последовавшей в 1952 г., он служил в храме святой Седмочисленницы.

Немало недругов появилось у владыки Серафима и после конфликта между митрополитом Евлогием и Русской Зарубежной Церковью. Епископ Серафим стоял на стороне Зарубежной Церкви и жестко высказывался против тех, кто вносит в нее смуту и разделение. Результатом стали клеветнические статьи против епископа Серафима в некоторых западноевропейских газетах, сочувствующих митрополиту Евлогию. Правда, придумать что-то существенное против епископа Серафима было невозможно, и выпады против него были несерьезны. Но конечно же это доставляло архипастырю немало часов тягостных переживаний.

Но недоброжелатели архипастыря не ограничивались клеветой. Монахиня Касиния рассказывала и о более страшном случае. Архипастырь часто работал над своими сочинениями по ночам. Комнатка владыки находилась на первом этаже, и немногочисленные прохожие могли видеть епископа, склонившегося над письменным столом. Однажды, работая над книгой, епископ почувствовал затруднение и повернулся к иконе Божией Матери для краткой молитвы. И в ту же секунду возле его уха просвистел большой камень. Не обратись владыка к иконе, его жизнь, скорее всего, прервалась бы в эту ночь.

Но владыка старался воспринимать скорби по-христиански. «Скорбей у меня всегда довольно, – писал он Г. Везенковой. – Видно Господь хочет, чтобы я спасся и не попал в ад. Поэтому здесь меня наказывает»¹¹. Духовные чада свидетельствовали, что владыка всегда поминал своих врагов на проскомидии.

Утешением для архипастыря служила молитва. По мысли преподобного Исаака Сирина, вход «во внутреннюю клеть» и вход в Небесное Царство – один и тот же. Архиепископ Серафим прекрасно понимал это.

«Не ищи в селе, а ищи в себе», – любил повторять архипастырь, как бы перефразируя мысль преподобного Исаака.

И иерарх старался следовать путем, указанным Христом, и по которому следовали святые отцы. Известно, что иерарх творил Иисусову

молитву. Тесные связи установились у архипастыря с монахами Святой Горы Афон, в основном из Андреевского и Ильинского скитов. Среди этих старцев были архимандриты Иустин, Митрофан и Иоанн. Духовную связь иерарх поддерживал и со старцами скита Каруля – одного из самых строгих и труднодоступных скитов. На Святой Горе хорошо знали архипастыря. Когда русские афонские монахи проезжали через Болгарию, они всегда ночевали у владыки Серафима, а также часто посещали его для духовной беседы. После отъезда архиепископа Феофана во Францию владыка Серафим исповедовался у святогорцев. Один из них, иеросхимонах Кассиан, часто ездил через Болгарию в Прикарпатье, где был духовником одного из монастырей. Впоследствии старец Кассиан говорил духовным детям архиепископа Серафима: «Ваш владыка – святой жизни. Никогда больше не встречал таких архиереев!»

Но особенно близким архиепископу Серафиму стал афонский старец иеросхимонах Лот из Крестовоздвиженского скита. У него архипастырь исповедовался в течение многих лет.

Покой душе иерарха доставляло и посещение монашеских обителей в Болгарии. Архиепископ Серафим часто бывал в Ямбольском Спасском монастыре, а летом подолгу жил здесь. После передачи монастыря Болгарской Церкви владыка стал посещать Кокалянский монастырь, расположенный совсем недалеко от Софии. Настоятелем монастыря был его младший брат – архимандрит Сергей. Архиепископ Серафим считал, что его брат достоин более высокого служения, и даже ходатайствовал перед Архиерейским Синодом о его архиерейской хиротонии как викария для русских приходов в Болгарии. Но Синод отклонил ходатайство по причине родственных отношений с правящим архиереем, а также из-за небольшого количества русских приходов в Болгарии.

Еще одним любимым местом архипастыря был монастырь святого Иоанна Рыльского. В конце августа 1921 г. он впервые посетил эту обитель для поклонения нетленным мощам преподобного. Архипастырь поднялся на скалу, с которой бесы когда-то столкнули святого Иоанна в пропасть. Там, после молитвы преподобному, епископ Серафим начал писать ему акафист, который был закончен через год.

В ночь на пятое октября 1922 г. архипастырю явились во сне три святых Иоанна – апостол Иоанн Богослов, преподобный Иоанн Рыльский, названный в честь апостола, и праведный Иоанн Кронштадтский, крещенный в честь святого Иоанна Рыльского. Святые явились в неземной славе и благословили архипастыря. Об этом случае владыка рассказал только своему брату, а также старцу, у которого исповедовался¹².

Впоследствии архипастырь часто ездил в Рыльский монастырь, неоднократно вместе с прихожанами Свято-Никольского храма.

Жители Софии замечали прозорливость иерарха. Случалось, что во время исповеди он напоминал людям забытые грехи, а также отвечал на мысленные вопросы, которые ему хотели, но не решались задать. Когда духовные чада выражали свое недоумение, архиепископ говорил: «Это случайно». А когда владыка узнавал, что кто-то пытается записывать подобные случаи, то строго запрещал делать это.

И все же до нас дошло немало свидетельств проявления его духовных дарований.

Митрополит Доростольский Иларион (Цонев), чьи воспоминания приведены в Приложении, вспоминал, что архиепископ Серафим однажды уверенно сказал о нем, тогда еще студенте Димитрии: «Митя будет монахом».

Митрополит говорил, что его однокурсники с тех пор не сомневались, что слова архиепископа Серафима исполнятся.

Часть свидетельств прозорливости иерарха сохранили для потомков сестры Покровского монастыря.

Так, один русский эмигрант, занимавший в России должность доцента, не мог получить работу в Болгарии, где для получения места в университете необходимо было защитить магистерскую диссертацию. Написание ее в условиях эмиграции было затруднительно.

– Стану ли я магистром? – спросил он однажды архипастыря.

– Не скорби, еще четыре года, и станешь, – ответил владыка Серафим. Действительно, через четыре года диссертация была успешно защищена, и доцент получил место профессора в университете.

Одна духовная дочь вспоминала, как, придя к архипастырю на исповедь, подумала: «Владыка наверняка любит русских духовных чад больше, чем болгар». Эти помыслы не имели ни малейших оснований и были явным искушением. Понятно, что сказать об этом помысле она не решилась, но старец, ласково усмехнувшись, сказал:

– Ах ты, радость моя! Я очень, очень люблю болгарских девочек! А затем слегка постучал девушку по голове, как бы прогоняя глупые мысли.

Одна прихожанка русского Свято-Никольского храма рассказывала такую историю. Она только что вышла замуж за неверующего человека и хотела для приобщения его к вере познакомить с владыкой. В воскресенье они пошли в храм вместе. Молодой человек встал возле входа в храм под предлогом, что ему душно. После службы архипастырь пошел к выходу. Молодому человеку не понравилось, что все берут у архиерея

благословение. Он с раздражением подумал: «Владыка – обыкновенный человек. Чего это ему так кланяются?!» А архипастырь, поравнявшись с ним, раздвинул толпу, обнял его, слегка постучал по голове и тихо сказал:

– Я на самом деле обыкновенный человек. А ты более люби свою жену и больше верь ей!

Это произвело на молодого человека очень сильное впечатление, и он с тех пор изменил свое отношение не только к владыке, но и к вере.

Еще один случай. Однажды в апреле 1941 г., на службе, во время чтения паремий, архиепископ подозвал одного из служителей и попросил его закрыть на ключ маленькую комнату сторожа. Комната эта обычно не запиралась. Служитель сказал, что закроет, но забыл. И комнату вскоре обворовали. Когда архипастыря стали спрашивать, как он понял, что комнату надо было закрыть, он ответил:

– Не знаю почему, но я вдруг сердцем почувствовал, что нужно позаботиться о том, чтобы комнату заперли¹³.

Духовные чада рассказывали, что иерарх обладал мудростью в решении самых сложных жизненных обстоятельств. Юрист, помогавший архиерею, вспоминал бракоразводные дела, которые приходилось решать на епархиальных заседаниях. Некоторые дела были столь запутанны, что два юриста, несмотря на образование и семейный опыт, не могли найти правильное решение. И велико было их удивление, когда архиепископ Серафим, не имевший никакого опыта семейной жизни и юридических навыков, каждый раз находил мудрый выход из тупиковой ситуации.

Бывали случаи, когда архипастырь предостерегал людей от губительного духовного пути. К сожалению, прислушивались к его советам не всегда. Об одном таком печальном случае протоиерей Всеволод Шпиллер рассказывал священнику (ныне протоиерею) Владимиру Воробьеву.

Перед войной отец Всеволод дружил с одним богатым англичанином, женатым на русской эмигрантке. Последняя увлекалась спиритизмом и достигла такого совершенства, что научилась выходить из тела. Она заключила контракт с обществом болгарских спиритов. По контракту она должна была, находясь телом в Софии, душой посетить Лондон и передать послание местному спиритическому обществу. Женщину ввели в гипнотический сон, ее душа посетила лондонских спиритов и вернулась обратно. Но вывести ее из состояния сна оказалось делом непростым. Будили ее долго, но все же привели в чувство. Отец Всеволод рассказал об этом случае владыке Серафиму.

– Передай ей, – сказал архипастырь, – если она повторит подобное, то

умрет.

Отец Всеволод передал предостережение иерарха своему другу- Но его жена не хотела терять деньги, полученные за контракт, и повторила свой опыт, вновь посетив душой лондонских «братьев». На этот раз вывести ее из гипнотического сна оказалось намного тяжелее. А еще через два дня у женщины внезапно открылось сильное кровотечение, и она действительно умерла¹⁴.

Вообще, архипастырь считал спиритизм великим грехом. «Оккультизм и спиритизм не есть шарлатанство, но есть реальное общение с бесами и ведет к гибели», – говорил он.

Архимандрит Пантелеимон писал, что все приходившие к архипастырю со своими скорбями уходили от него утешенными и окрыленными.

Примерно так же в одном из писем отзывался об архиепископе протоиерей Всеволод Шпиллер: «Работаю с владыкой часами у него по его труду; и это маленькое участие в огромной его богословской работе – совершенно святоотеческой – дает мне массу. Только сидеть с ним у него в комнате – это уже так бесконечно много. А работать с ним – это такое большое счастье».

Его сын Иван Шпиллер так же отзывался об архипастыре:

«От всего одного лишь того, что владыка рядом, становилось так хорошо, в каком бы состоянии к нему ни пришел человек. Это испытывали все и всегда. Я совершенно уверен, что это состояние совершенно того же свойства и рода, что было у Мотовилова с преподобным Серафимом Саровским. Свидетельствую, дерзая утверждать: владыка Серафим обильно источал благодать Божию, сильнейшим и постоянным носителем которой он был вне всякого сомнения. Ощущение присутствия владыки в доме сохранялось надолго после его отъездов».

Иван Шпиллер упомянул здесь случай, когда Николай Мотовилов, духовный сын преподобного Серафима Саровского, беседуя со старцем, увидел исходящее от него сияние. Подобное произошло и с духовным чадом архиепископа Серафима – Михаилом Валериановичем Зызыкиным. Он рассказывал, что весной 1925 г. поссорился с братом владыки – архимандритом Сергием. Архипастырь просил Зызыкина извиниться перед ним, но тот не соглашался. Однажды он по какому-то делу зашел к епископу Серафиму домой и застал его что-то пишущим за столом. Архипастырь вновь стал уговаривать Михаила Валериановича примириться с отцом Сергием. Духовный сын долго не соглашался. Но взглянув вдруг на владыку, он увидел, что его лицо источает особое

сияние. Сердце упряма тут же смягчилось, Зызыкин пошел к отцу Сергию в соседнюю комнату, попросил у него прощения и сразу ушел. О своем видении он рассказал близким, а затем на исповеди и самому архипастырю. Владыка Серафим запретил ему впредь рассказывать об увиденном. В другой раз свидетелем подобного явления стал протоиерей Андрей Ливен. Случаи были записаны игуменией Серафимой (Ливен) и монахиней Касинией (Везенковой) после смерти архипастыря¹⁵.

За молитвенной поддержкой к архипастырю обращался и Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан.

Часто архиепископ Серафим молился по просьбе обращавшегося к нему человека и затем утешал его, обещая, что все благополучно устроится. Но бывало и иначе. Архимандрит Александр (Петранов) вспоминал, что попросил архипастыря помолиться за больную мать. Архиепископ помолится, в тот же день отслужил молебен, а затем сказал, что на выздоровление матери воли Божией нет. В ту же ночь она умерла.

Очень любили архипастыря софийские студенты, которые не только посещали его службы, но и ходили к нему домой на исповедь. Во владыке многих привлекало отсутствие человекоугодия. Со всеми – и с официальными лицами, и с духовными чадами – он разговаривал одинаково. Так, архипастырь очень любил болгарского царя Бориса III. При встрече с ним архиепископ Серафим сначала благословлял его, а затем обнимал и целовал. Но так же искренне он обнимал и целовал нищих на паперти храма. И не только обнимал их, но и делился, чем мог.

С духовными чадами архипастырь вел переписку. Иной раз из-за занятости он ограничивал ее определенным количеством писем в месяц, но на все письма успевал отвечать. Бывало, что в своих письмах он напоминал своим адресатам о забытых ими грехах или помыслах. Епископ Парфений, например, вспоминал, что однажды у него возник помысел против митрополита Московского Филарета (Дроздова). О своей мысли епископ тут же забыл, а вскоре получил письмо от архиепископа Серафима. Среди прочего там говорилось: «Митрополита Филарета никогда не осуждай. За это Господь может сильно тебя наказать, ибо митрополит Филарет – великий угодник Божий и святой отец».

О благоговейном отношении архиепископа Серафима к памяти митрополита Филарета свидетельствовал и иеромонах Николай (Шелехов). Однажды он поспорил с другим духовным чадом владыки относительно богословия московского святителя. За разрешением спора решили обратиться к архиепископу Серафиму. «Мы должны стать на колени и поклониться ему в ноги, – сказал владыка о митрополите

Филарете, – потому что он великий угодник Божий, тот же Иоанн Златоуст»¹⁶.

Напомним, что митрополит Филарет еще не был причислен к лику святых и о его канонизации в годы разорения Русской Церкви, казалось, нельзя и мечтать.

Сам архиепископ Серафим чувствовал близость Бога, Его присутствие.

– Когда умрем, тогда пойдем, насколько близки нам были Спаситель, Божия Матерь и все святые, как сходили к нашим немощам и как исполняли наши молитвы, – говорил архипастырь.

А вот еще любимая фраза иерарха:

– Господь близко; если позовешь Его, Он сразу откликнется.

Часто владыка совершенно искренне, можно сказать по-детски, записывал свои просьбы и молитвы к Богу, Божией Матери и святым, чувствуя их близость.

Перед началом богословского сочинения, направленного против учения протоиерея Сергия Булгакова о Софии, архипастырь написал такую молитву: «Господи, Матерь Божия, Ангел Хранитель мой, святой Николай Угодник, святой Серафим Саровский, не надеюсь на свои силы, чувствую себя недалеким. Помогите мне основательно раскритиковать учение о. Булгакова. Исполни на мне слова Твои, Господи: *Сила бо Моя в немощи совершается*».

На полях его рукописей, а также в дневниках множество кратких записей: «Господи, помоги!», «Матерь Божия, Радость моя, благослови успешно начать дело. Обрадуй меня!», «Спаситель мой, не оставь меня!» Владыка обращался к Богу, Божией Матери и святым так, как мы разговариваем с живущими рядом друзьями и соседями.

Такое общение с Богом, общение как бы лицом к лицу, было присуще архипастырю до конца его дней.

Глава 4. Между Москвой и Карловцами

*Говори и делай всякую правду без сомнений,
смело, твердо, решительно.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

В 1939 г. к Советскому Союзу были присоединены обширные территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Среди живших здесь архиереев был и архиепископ Пантелеимон (Рожновский). В течение последующих полутора лет он как минимум дважды посетил главу Русской Церкви митрополита Сергия (Страгородского).

Вот как архипастырь вспоминал эти встречи.

«Наш Сергей – это пленник безмолвный. Молитесь о нем и о всей страдалнице Церкви. Церковь пленена, но враги боятся ее и в поверженном состоянии.

Приехал я в первый раз. Сидим мы с митрополитом Сергием после официальных встреч и приемов, беседуем, но что это – беседа происходит в письменной форме. Он пишет вопросы, я на них отвечаю письменно. Что это? – то ли по глухоте старец Сергей боится громко говорить – за стеной подслушивают? Или же, быть может, повел он разговор в письменной форме, чтобы легче было перед «недремлющим оком» хозяев – компартии – отчитываться».

Но вторая встреча поразила архиепископа Пантелеимона еще больше.

«Раздается стук в дверь. Входит инок, на вид инок, а кто он в действительности? – знает один Господь.

– Владыка, автомобиль ожидает вас, – промолвил инок и удалился.

– Ах да, пойдём осматривать наши храмы московские, – сказал мне митрополит Сергей и, подойдя вплотную ко мне, продолжал тихонько на ухо: – Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... куда нас завезут, сам не знаю».

Так, в постоянном страхе, и проходила жизнь митрополита Сергия. К тому времени против него, как «японского шпиона», уже завели дело, было почти полностью уничтожено его окружение. Прислуживавшие старцу монахини опасались ночевать с ним в одном доме, чтобы не быть арестованными заодно с ним. В случае сердечного приступа митрополиту даже некого было позвать на помощь...

Накануне революции в Русской Церкви было более семидесяти тысяч храмов и часовен, более трехсот духовных учебных заведений, более

тысячи монастырей и сто тридцать архиереев. За последовавшие двадцать с небольшим лет эти цифры изменились. В 1939 г. в Русской Церкви осталось около двухсот приходов, ни одного монастыря, ни одной духовной семинарии. На кафедрах находилось всего четыре архиерея. К концу 1930-х гг. Церковь в России была разгромлена полностью. Оставалась «мелочь» – закрыть оставшиеся храмы, ликвидировать остатки духовенства. Для этого все было готово.

Нет необходимости доказывать, что Церковь в России не могла выступить против богоборческого режима – это означало бы ее окончательное уничтожение. Но кто же тогда мог поднять свой голос против творившихся на Родине беззаконий?

Зарубежные государства? – Они были заинтересованы торговать с большевиками, получать прибыль. Со временем все страны Запада признали Советское государство.

Поместные Православные Церкви? – Они не имели большого международного веса. К тому же у них было достаточно своих проблем: отношения с правительствами, внутренние конфликты, церковный модернизм.

Инославные? – Но проблемы России для них были далеки и непонятны. Да и не имели серьезного резонанса издаваемые ими протесты. А Римско-католическая Церковь одно время даже пыталась воспользоваться русской бедой для своей пропаганды.

Эмигрантские политические партии? – Они были малочисленны, бедны и враждовали между собой.

Оставалась одна Русская Православная Церковь Заграницей. К этой Церкви вплоть до 1945 г. и принадлежал епископ Серафим.

Началом Русской Зарубежной Церкви стало Высшее церковное управление на юге России. Оно продолжило свою деятельность и после своего отъезда за границу. В Константинополе Зарубежную Церковь возглавил митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) – один из самых популярных и любимых архиереев, инициатор восстановления патриаршества, а также один из претендентов на патриарший престол. В эмиграции оказалось также около тридцати русских архиереев и несколько сот священников.

В 1921 г. русское церковное управление переехало из Константинополя в г. Сремские Карловцы в Сербии. Собор Сербской Церкви разрешил русским архиереям продолжить свою деятельность. Патриарх Тихон в тот момент, безусловно, признавал законность Русской Зарубежной Церкви.

Православная эмиграция (а это, как минимум, два миллиона человек) без всяких сомнений подчинилась зарубежному церковному управлению, справедливо полагая, что оно является единственным связующим звеном с патриархом.

В делах Русской Зарубежной Церкви принимал активное участие и архиепископ Серафим.

К сожалению, с 1922 г. ее отношения с Церковью в Отечестве были непростыми. Для коммунистического государства Зарубежная Церковь была серьезной помехой – ведь в отличие от многочисленных эмигрантских партий она была единственной структурой, которая могла сплотить русское рассеяние. А потому дискредитировать, расколоть, уничтожить Зарубежную Церковь было для большевиков важной и ответственной задачей. В качестве орудия спецслужбы попытались использовать патриарха Тихона. От святителя требовали анафематствовать зарубежное духовенство, а также передать заграничную церковную собственность Советскому государству. Эти требования патриарх не выполнил, но все же был вынужден заявить о закрытии Зарубежного ВЦУ и передаче власти митрополиту Евлогию, который управлял русскими приходами в Западной Европе. Но на следующий день после издания указа патриарх был арестован, по всей стране прокатилась очередная волна репрессий против духовенства, а власть в Синоде при поддержке государства захватила группа церковных авантюристов, положивших начало обновленческому расколу.

В течение года в Зарубежной Церкви шли споры о том, выполнять или не выполнять указ патриарха. Участие в этих спорах принимал и епископ Серафим. Архипастырь напоминал, что подобный случай в истории был – во Франции при Наполеоне. Тогда французский император лишил свободы римского папу Пия VII, находившегося в оккупированной французскими войсками Италии, и добился для себя права самостоятельно назначать епископов. Часть католического епископата отказалась исполнять эти распоряжения как вырванные у папы силой. Когда же власть Наполеона пала и римский папа был освобожден, он одобрил поведение тех иерархов, которые отказывались выполнять его решения. Епископ Серафим был уверен, что патриарх Тихон закрыл Зарубежное ВЦУ под давлением. Только спустя десятилетия после открытия архивных документов стало известно, что епископ Серафим был абсолютно прав.

Архипастырь не допускал и мысли об осуждении Святейшего, догадываясь, в каком тяжелом положении он находится. Но все же епископ Серафим настаивал, что упразднение единой Зарубежной Церкви

закроет путь к защите гонимой Русской Церкви и спасению русского народа. «Можем ли мы, – писал епископ Серафим, – не испытывая такого насилия над собою, какое терпит сейчас патриарх Тихон, отказываться от этого?»

Архипастырь склонялся к тому, чтобы перевести Русскую Зарубежную Церковь на соборное управление и вообще призывал отнестись к патриаршему указу «с мудростью змеиной и кротостью голубиной».

Русская Зарубежная Церковь продолжила свое существование. Иерархи считали, что в случае ликвидации Церкви в Отечестве они должны сохранить хотя бы часть законной Русской Церкви, пусть и в изгнании. С 1923 г. вместо Высшего церковного управления во главе Зарубежной Церкви стоял Архиерейский Синод.

Патриарх Тихон был освобожден из-под стражи в июне 1923 г. и руководил Русской Церковью до самой смерти, последовавшей на праздник Благовещения в 1925 г. После смерти святителя Тихона государственная власть не позволила Русской Церкви созвать Собор для избрания нового патриарха, и впоследствии, вплоть до 1945 г., власть передавалась по завещанию. Преемником патриарха Тихона стал священномученик митрополит Петр (Полянский). После его ареста в конце 1925 г. во главе Русской Церкви встал заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский).

Русская Зарубежная Церковь поначалу признавала митрополита Сергия своим главой. Не был исключением и епископ Серафим.

В 1926 г. Зарубежная Церковь испытала серьезное потрясение – из нее ушли митрополит Евлогий (Георгиевский) с частью западноевропейских приходов и митрополит Платон (Рождественский), возглавлявший епархию в Северной Америке. Доподлинно известно, что их уход провоцировали советские спецслужбы, заинтересованные в ослаблении русского зарубежного Православия. Начальник 6-го («антицерковного») отделения ОПТУ Е. Тучков в 1931 г. получил государственную награду в том числе и за то, что расколол Зарубежную Церковь.

Епископ Серафим смотрел на уход двух митрополитов как на катастрофу. Архипастырь считал, что Зарубежная Церковь должна быть единой до тех пор, пока не соединится с Церковью в Отечестве. При этом архипастырь был убежден, что вопрос необходимо обсудить с митрополитом Сергием. В том же 1926 г. архиепископ Феофан и епископ Серафим обратились для разрешения спора именно к нему. Митрополит Сергий фактически разрешил Зарубежной Церкви действовать

самостоятельно.

В том же году, когда Архиерейский Синод был готов признать независимость Польской Церкви, архиепископ Феофан и епископ Серафим снова запротестовали. Иерархи заявили, что без московской церковной власти Зарубежная Церковь не может решать такие вопросы.

Наконец, когда Архиерейский Синод попытался заменить катехизис митрополита Филарета катехизисом митрополита Антония, архиепископ Феофан и епископ Серафим вновь возвысили свой голос и настояли, что менять катехизис можно только с разрешения Церкви в Отечестве.

Ударом по взаимоотношениям между Московской Патриархией и Русской Зарубежной Церковью стала «Декларация» митрополита Сергия 1927 г. Митрополит Сергий заявил о лояльности государственной власти, однако на деле за этими словами стояла не только лояльность, но и согласие на вмешательство безбожной власти во внутреннюю жизнь Церкви. Более того, митрополит Сергий потребовал от зарубежного духовенства подписок о том, что они прекратят высказывания против большевистского правительства.

Пойти на это эмиграция не могла. В обличении коммунистического безбожия Русская Зарубежная Церковь видела свою пастырскую задачу.

Действительно, со стороны Зарубежной Церкви шли постоянные призывы ко всему миру воспрепятствовать творящемуся на Родине беззаконию. В 1927 г. Русская Зарубежная Церковь заявила, что «Декларация» – не церковный, а политический документ. Кроме того, Архиерейский Синод прекратил административное подчинение заместителю патриаршего местоблюстителя. В 1931 г., после интервью митрополита Сергия об отсутствии гонений, Зарубежная Церковь разорвала с ним и евхаристическое общение. Со своей стороны в 1934 г. заместитель запретил в священнослужении главу Зарубежной Церкви митрополита Антония и еще семь архиереев. Сербский патриарх Варнава, под чьим покровительством находилась Зарубежная Церковь, заявил о незаконности этого запрещения. Не признали этих прещений и другие Поместные Церкви, которые продолжали сослужить с духовенством Зарубежной Церкви. А в ее храмах продолжали поминать патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, скитавшегося по тюрьмам и ссылкам вплоть до расстрела в 1937 г.

Архиепископ Серафим не мог остаться в стороне от всех этих потрясений. Архипастырь был категорическим противником коммунистической власти, в проповедях прямо называл ее бесовской и призывал молиться о ее свержении.

С большевиками все понятно. Но как относиться к митрополиту Сергию? Исповедник он или враг? Руководство Зарубежной Церкви отзывалось о нем отрицательно, и епископ Серафим в целом разделял общую точку зрения и некоторое время довольно резко высказывался против митрополита Сергия.

Владыка Серафим настаивал, что подчинение безбожной власти является более страшным грехом, чем ересь. Это отразилось, например, в его письме к старому другу – архиепископу Вениамину (Федченкову). Последний после колебаний все же подчинился Московской Патриархии и власть большевиков признал. Епископ Серафим писал другу: «Этим признанием Ты сознательно и свободно санкционируешь бесчисленные злодеяния советской власти по уничтожению ею нашего русского православного народа и нашей Русской Православной Церкви, осуждаешь бесчисленный и доблестный сонм новых мучеников и исповедников, пострадавших от советской власти как кровавой гонительницы не только веры нашей, но и всего доброго на земле, и предаешь всю нашу Русскую Церковь во власть сатаны, ибо советская власть служит не Богу, а сатане, являясь властью безбожною и богоборческою».

И все же не будем спешить с выводами. Хотя епископ Серафим и считал признание большевистской власти грехом, он все-таки был далек от того, чтобы отождествлять преступления Советского государства и позицию митрополита Сергия, который путем тяжелых жертв хотел сохранить хотя бы малый остаток Церкви.

В том же письме архиепископу Вениамину епископ Серафим искренне просил его молитв за себя и за своего брата. Все-таки у еретиков молитв не просят. Наконец, надо обратить внимание на слова владыки, что грехом является именно добровольное, «свободное и осознанное» признание большевиков. А ведь это не одно и то же с вынужденным признанием, на которое митрополит Сергей пошел ради своей паствы и ради сохранения Церкви.

Понимание тяжелейшего положения, в котором находился митрополит Сергей, к архиепископу Серафиму безусловно пришло.

– Я не могу осуждать митрополита Сергия, – говорил владыка, – так как если бы я был на его месте, я бы, может быть, гораздо хуже поступил.

Архиепископ говорил, что митрополит Сергей, находящийся на свободе, но постоянно ожидающий ареста, может быть намного больше мучается, чем арестованный патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский).

В 1938 г. архиепископ Серафим участвовал в Архиерейском Соборе

Зарубежной Церкви. На этом Соборе было принято решение принимать священников Московской Патриархии, бежавших из Советского государства, без покаяния. Архиепископ Серафим не возражал против этого решения.

Болгарские архиереи впоследствии подтверждали, что отношение владыки Серафима к Московской Патриархии было даже более мягким, чем отношение Зарубежной Церкви в целом.

Очень важно, что митрополит Сергей в 1934 г. не запретил епископа Серафима в священнослужении. Конечно, архипастырь не избежал бы прещений, если бы был известен как активный противник Московской Патриархии.

В тридцатые годы архиепископ Серафим поддерживал связь не только со своим академическим товарищем архиепископом Вениамином, но и с митрополитом Литовским Елевферием (Богоявленским), который также подчинялся Московской Патриархии. Через этих архипастырей и через Сербского патриарха Варнаву в 1935–1936 гг. архиепископ Серафим отправил в Россию три экземпляра своей книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией». Архиепископ хотел предупредить Церковь в Отечестве о новом опасном учении, изложенном в трудах протоиерея С. Булгакова.

Очень важно, что архипастырь отправил свои книги именно митрополиту Сергию, фактически признав тем самым его авторитет, как руководителя Русской Православной Церкви.

Таким образом, еще до начала Второй мировой войны архиепископ Серафим смягчил свою позицию относительно митрополита Сергия и склонялся к его признанию как главы Русской Церкви.

Глава 5. Торжество справедливости

*Живите как члены одного тела, как чада Божий,
в любви и согласии, в мире и тишине, друг друга уважая,
друг другу снисходя, как Господь снисходит нам.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

В начале XX в. в Русской Церкви шли бурные споры по поводу перевода богослужебных текстов на русский язык. Противники этого нововведения справедливо отмечали, что авторам переводов придется сочетать в себе поэтический талант Пушкина и Лермонтова со святостью древних отцов. Только в этом случае молитвы и песнопения смогут тронуть душу. Действительно, в древности богослужебные тексты составляли, как правило, люди блестящего образования и при этом великой святости – Василий Великий, Иоанн Златоуст, Иоанн Ламаскин и многие другие.

Но не меньшим талантом и благочестием обладали переводчики этих текстов на церковнославянский язык. Именно в Болгарии ученики равноапостольных Мефодия и Кирилла работали над переводами. Это были святые Климент, Горазд, Наум, Ангеларий и Савва. Эти ученые подвижники вместе с Мефодием и Кириллом именуется в Болгарской Церкви святой Седмочисленницей. Труды болгарских переводчиков и христианских просветителей превратили языческую Русь в православную державу.

Но пришло время, когда Русской Церкви пришлось оказать помощь Церкви Болгарской. Архиепископ Серафим приложил к этому немало усилий.

XIX век был для Болгарии непростым. Великим и радостным событием была победа России в Русско-турецкой войне в 1878 г., после чего Болгария стала фактически самостоятельной от Османской империи. Национальный подъем шел параллельно со стремлением к церковной независимости от Константинопольского патриарха. Но здесь не все было гладко. Болгарские иерархи обращались в Константинополь с просьбой о предоставлении самостоятельности. Просьбы были тщетны, и Болгарская Церковь сама объявила себя автокефальной. Это привело к тому, что в 1872 г. Поместный Собор Константинопольского Патриархата объявил Болгарскую Церковь расколом (схизмой). Это решение Вселенского Престола возмутило тогда многих. С Константинополем не согласился

Иерусалимский патриарх Кирилл П. Фактически отвергли решение Собора архиереи Антиохийской, Сербской и Румынской Церквей. Святейший Синод Российской Церкви неоднократно заявлял, что не признаёт Болгарскую Церковь расколом. Полностью поддержал православных болгар русский святитель Феофан Затворник. Он писал, что болгары не виноваты, а Константинопольский Патриархат поступил несправедливо. Такую же позицию занял и святитель Филарет Московский.

В последующие годы Болгарская Церковь получала Святое Миро от Румынской, Сербской и Российской Церквей. Студенты из Болгарии, в том числе и в священном сане, часто получали образование в России. При этом они имели право сослужить с русским духовенством. Частым явлением были и совместные молебны. Проявлением единства между русским и болгарским духовенством стало совместное освящение храма-памятника на Шипке в 1902 г., и все же, чтобы не портить отношения с Константинополем, Российская Церковь отказывалась от официального признания Болгарской Церкви.

Когда в Болгарию стали прибывать русские эмигранты, вопрос о том, можно ли принимать Таинства в болгарских храмах, стал весьма актуальным. Конечно, все понимали, что Болгарская Церковь благодатна, что Таинства в ней совершаются. Но заявить об этом официально Русская Зарубежная Церковь не решалась – она находилась в сложном положении и опасалась идти против Вселенского Престола. Руководство Зарубежной Церкви соглашалось лишь на сослужение священников с епископами, но не епископов с епископами.

Такое положение мешало нормальным взаимоотношениям между Церквями. Особенно тяжело переживал это разделение епископ Серафим, который постоянно общался с болгарским епископатом и прекрасно понимал, что болгары никакие не раскольники. Архипастырь постоянно настаивал, чтобы Зарубежный Синод разрешил сослужить русским архиереям с болгарскими. Находясь в Рыльском монастыре в августе 1921 г., иерарх слезно молил преподобного Иоанна Рыльского, чтобы тот помог восстановить полное евхаристическое общение с Болгарской Церковью.

Настойчивость епископа Серафима очень скоро принесла плоды. 29 декабря 1921 г. митрополит Антоний (Храповицкий) благословил зарубежным иерархам сослужить с болгарскими архиереями. Днем начала евхаристического общения между Русской Зарубежной и Болгарской Церквями стало 9 января 1922 г. Это был настоящий праздник. В этот день епископ Серафим совершил с болгарскими епископами литургию в русской Свято-Никольской церкви.

Архипастырь продолжал укреплять взаимоотношения с Болгарской Церковью. Понятно, что многие случаи сослужений не были записаны, до нас дошли только отрывочные сведения. Но и того, что сохранилось, достаточно, чтобы понять – единство Русской Зарубежной и Болгарской Церквей стало прочным. 2 июля 1922 г., например, митрополит Стефан (Шоков) и епископ Серафим совершили литургию в кафедральном соборе святой Недели, 9 января 1923 г. эти же иерархи сослужили в русском Свято-Никольском храме. В том же году епископ Серафим вместе с болгарскими архиереями участвовал в хиротонии Знепольского епископа Паисия (впоследствии митрополита Врачанского).

Вместе с болгарскими архиереями начали служить и другие иерархи Русской Зарубежной Церкви, например архиепископ Александр (Немоловский), епископ Дамиан (Говоров).

Но епископ Серафим понимал, что фактическое сослужение с болгарскими архиереями еще не означает окончательного снятия с православных болгар несправедливого клейма «раскольников». Тем более, что и Архиерейский Синод Зарубежной Церкви старался особо не декларировать сослужение русского и болгарского епископатов, объясняя такие случаи неким снисхождением.

Архипастырю пришлось возобновить свои усилия по улучшению взаимопонимания между Церквями. Епископу помогло то, что в 1924 г. резко ухудшились отношения между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольским Патриархатом. В декабре 1923 г. Вселенским патриархом стал Григорий VII. Этот иерарх был послушным орудием турецкого правительства, которое недавно установило дипломатические отношения с Советским государством. Потому патриарх очень скоро признал российских раскольников-обновленцев и даже посоветовал святителю Тихону оставить патриаршество. Патриарх Григорий начал выступать и против Русской Зарубежной Церкви. Из Стамбула были изгнаны русские архиепископы Анастасий (Грибановский) и Александр (Немоловский). Константинопольский патриарх попробовал надавить и на Сербского патриарха Димитрия, требуя от него запретить деятельность Зарубежного Синода. Естественно, что со стороны патриарха Димитрия Константинопольская Патриархия получила жесткий отпор. Естественно, что в этих условиях Зарубежная Церковь уже не чувствовала себя обязанной оглядываться на Константинополь.

В сентябре 1924 г. болгарские архиереи вместе с иерархами Русской Зарубежной Церкви совершили освящение Александро-Невского собора в Софии. К сожалению, главный инициатор сослужения с болгарским

духовенством, епископ Серафим, не смог принять участие в этом торжестве – он в тот момент тяжело болел. Но дело, начатое епископом Серафимом, уже нельзя было остановить. 22 октября 1924 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви во всеуслышание разрешил русским архиереям служить вместе с болгарскими архипастырями.

До примирения Болгарской Церкви с Константинопольской еще должно было пройти время. Окончательно Церкви восстановили общение в 1945 г., когда посредником выступил патриарх Алексий I. А архиепископ Серафим остался в истории как один из самых активных защитников законности Болгарской Православной Церкви.

Глава 6. Протоиерей Сергей Булгаков и «ведьма» с площади Независимости

*Кто всем истинам здраво учит, да погрешит
в одной какой-либо, тот против всех виноват.
Погрешающий в истине догматов погрешает
против Того, Кто сказал о Себе: «Аз есмь истина».
Святой праведный Иоанн Кронштадтский*

В центре болгарской столицы с недавних пор стоит интересная статуя – женщина с золотым ликом в черном плаще. С одной стороны, это изваяние символизирует город, а с другой стороны – премудрость. В подтверждение того, что эта женщина является именно Софией, что в переводе с греческого значит «Премудрость», скульптор поместил на ее руке сову. Если бы речь шла о мудрости человеческой, символизм этой скульптуры был бы понятен. Но София – Премудрость Божественная, и изображение ее в таком виде вызывает по меньшей мере недоумение. А пока факт остается фактом – власти города понимают Божественную Премудрость именно так. Правда, местные жители ничего особо премудрого в статуе не видят, а некоторые попросту называют ее «ведьмой».

К сожалению, установка этой скульптуры лишний раз показывает, что понятие Софии – Премудрости Божией современными христианами потеряно, хотя у христиан первых веков оно смущения не вызывало. Они понимали под Премудростью Второе Лицо Святой Троицы – Бога Слова. Храмы и соборы в честь Софии строились повсюду. Но понятное древним ныне для многих туманно. Некоторые полагают, что Софийские соборы и храмы освящены в честь святой мученицы Софии. Настоятели храмов в честь Премудрости, идя навстречу этому ложному мнению и невольно потакая ему, часто вывешивают поблизости от входа икону мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии.

Прискорбно, но утрата понимания идеи Софии в XX в. была присуща не только простецам, но и церковным интеллектуалам. Одним из них был протоиерей Сергей Булгаков, попытавшийся богословски обосновать понимание Софии как некоей жены, особой личности. Неудивительно, что на этом пути протоиерея поджидала ересь.

Попытку заглянуть в Божественные тайны, узреть в них некое тайное учение, увидеть в Библии зашифрованное «знание» предпринимали еще древние еретики-гностики, в чьих писаниях София часто фигурировала в

различных образах.

Интерес к Софии возобновился в новое время, когда православное понимание Софии как Бога Слова стало постепенно стираться. Некоторые мыслители стали усваивать Софии новое значение, а именно значение «мировой души». Протоиерей Сергей Булгаков пошел по этому пути значительно дальше.

Отец Сергей родился в 1871 г. в семье священника, в юности отошел от христианства, увлекся марксизмом, но впоследствии вернулся к вере, был рукоположен во священника патриархом Тихоном. В годы гражданской войны отец Сергей оказался в Крыму, затем выехал за границу. С 1930 г. протоиерей С. Булгаков преподавал в Свято-Сергиевском институте в Париже.

Как отмечал митрополит Сергий (Страгородский), главной проблемой философии протоиерея Сергея Булгакова было пренебрежительное отношение к Священному Преданию. А это постоянно приводило протоиерея к сомнительным, а то и еретическим высказываниям. Он, например, был приверженцем апокатастасиса – ереси, подразумевающей спасение абсолютно всех, в том числе и бесов. Еще одно лжеучение, которое разделял протоиерей Сергей, – хилиазм. Эта ересь проповедовала, что после Второго Пришествия Христа наступит земное «тысячелетнее царство» Божие, а затем сатана будет освобожден. В конфликте между православными и римо-католиками протоиерей стоял на стороне последних и одно время тайно поминал на службах Римского папу. В эмиграции отец Сергей предлагал вступить в немедленное евхаристическое общение с англиканами.

Но наиболее известным отступлением протоиерея Сергея стало его учение о Софии.

Протоиерей С. Булгаков учил, что между Богом и сотворенным миром есть «Ангел твари» или София, допущенная в замкнутый мир внутри Святой Троицы. Не называя Софию Богом, автор нового учения тем не менее называл ее «идеей Бога», «именем Бога» и даже «четвертой ипостасью». Более того, София для протоиерея С. Булгакова является «Вечной Женственностью», «Небесной Афродитой», «богиней», а творение мира – своеобразным «зачатием».

Методы доказательства протоиерея Сергея были своеобразны. Автор нового учения о Софии не смущался, если его мнение не подтверждалось святыми отцами. В таких случаях протоиерей ссылался на древних философов, каббалу, видения Владимира Соловьева, а когда и этого не доставало, то попросту опирался на собственные умозаключения. Свое

учение протоиерей С. Булгаков изложил в книге «Свет Невечерний». Особенностью трудов отца Сергия было то, что в них можно встретить разные высказывания по одному и тому же вопросу. Почитатели протоиерея пользовались этим и часто выводили его труды из-под ударов критики.

Против нового учения выступили архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Серафим (Соболев). Владыка Серафим написал несколько трудов на эту тему: «Новое учение о Софии Премудрости Божией», «Защита Софианской ереси протоиереем Сергием Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви» и «Протоиерей Сергий Булгаков как толкователь Священного Писания».

Архиепископ Серафим был убежден, что софианство – закономерный итог богоборческого гуманизма, столь популярного среди интеллигенции XIX – начала XX вв.

Иерарх не стал вдаваться в дебри измышлений протоиерея. Архипастырь не планировал создать новый богословский труд, а намеревался всего лишь оградить православную веру от ереси. Метод иерарха был прост и понятен – показать, что учение протоиерея С. Булгакова не имеет основания в Предании Церкви. Архипастырь настаивал, что догматы, лежащие в основании церковного учения, богодухновенны, как и Священное Писание. Очень важно, что владыка Серафим никогда ничего не говорил от себя, никогда не выдвигал собственных богословских версий. Если он видел чье-то заблуждение, он соотносил его с Писанием и творениями святых отцов. Имея Предание Церкви основой своих трудов, архипастырь был безупречен в критике лжеучений, в том числе и софианства.

Иерарх считал, что на первом месте для богослова должна быть духовная жизнь. «Православное богословие прямо пропорционально целомудрию», – говорил архипастырь.

Архиепископ Серафим подверг серьезной критике определения, которые протоиерей С. Булгаков давал Софии: «четвертая ипостась», «идея Бога», «мысль Бога», «богиня», «душа мира» и другие. Архипастырь обращал внимание на то, что свойства, которые протоиерей С. Булгаков приписывал Софии, являются свойствами Самого Бога.

Блестящий знаток святоотеческих творений, архиепископ Серафим настаивал на том, что ни один из отцов не толковал упоминающуюся в Библии *Премудрость* (Притч.8:12, 22–31) так, как это делал протоиерей С. Булгаков. Архипастырь настаивал, что Церковь всегда понимала под Премудростью Второе Лицо Святой Троицы – Бога Сына.

Высказанную протоиереем С. Булгаковым идею о посреднике между Богом и тварным миром архиепископ Серафим оценил как гностическую – осужденную еще в первые века христианства. Архиепископ привел множество свидетельств святых отцов, подтверждающих, что Богу при творении мира не нужен посредник. Если же отцы и говорят о посреднике, то имеют в виду Бога Слова, а не некую новую ипостась.

Вместе с тем архиепископ Серафим подверг критике идеи отца Сергия об «имяславии», учившем, что имя Божие есть Бог. Это лжеучение архипастырь прямо называл «имябожнической ересью».

Выступления архиепископа Феофана и епископа Серафима против учения протоиерея С. Булгакова привели к тому, что в 1927 г. Русская Зарубежная Церковь подготовила послание, где осуждалось «новое догматическое учение» о Софии. Вместе с тем неправославные утверждения протоиерея подверглись критике со стороны митрополита Антония (Храповицкого) и иеромонаха Иоанна (Максимовича).

Против софианства выступила и Московская Патриархия. Анализ нового учения провел проживавший в Париже русский богослов В.Н. Лосский, написавший сочинение «Спор о Софии». Против учения протоиерея С. Булгакова высказался еще один представитель Московской Патриархии в эмиграции – митрополит Елевферий (Богоявленский).

Таким образом, и Московский Патриархат, и Русская Зарубежная Церковь в вопросе осуждения софианства оказались едины.

24 августа 1935 г. Московская Патриархия постановила считать учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии чуждым учению Церкви, искажающим догматы православной веры и опасным для духовной жизни.

В том же году против софианства снова выступила Русская Зарубежная Церковь. В своем докладе, прочитанном на Архиерейском Соборе, архиепископ Серафим призвал немедленно осудить неправославные взгляды протоиерея Сергия. Вопрос рассматривался специальной комиссией из четырех архиереев. В результате Собор постановил осудить софианство. 30 октября 1935 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви постановил признать учение протоиерея С. Булгакова о Софии еретическим. Об определении было решено сообщить митрополиту Евлогию, в чьем ведении находился протоиерей Сергий.

Архиепископ Серафим принял известие об осуждении софианства с радостью. «Слава Тебе, Пречистая Матерь Божия, Пресвятая Дево! – записал он в дневнике. – Сегодня, в 8.30 вечера, в присутствии чудотворной Курской-Коренной иконы Божией Матери, на основании доклада и книги, подготовленных мной, Собор осудил учение о. Сергия

Булгакова как ересь. Так исполнилось желание мое».

Протоиерей С. Булгаков пытался оправдаться от обвинений и подал митрополиту Евлогию докладную записку.

Архиепископ Серафим тут же отреагировал на это. В течение месяца, до начала нового Архиерейского Собора, архипастырь должен был подготовить ответ на записку протоиерея С. Булгакова. Иерарх принялся за работу, отнимавшую у него все небогослужебное время, дни и ночи. Неудивительно, что архипастырь даже заболел от предпринятых трудов. Но цель была достигнута. К осени 1936 г. увидело свет новое сочинение – «Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви».

Когда архиепископа Серафима спрашивали, стоит ли бороться с новым учением и не лучше ли его забыть как малозначительное явление, владыка отвечал, что книги отца С. Булгакова уже получили распространение и в некоторых кругах даже пользуются популярностью.

«Да, эта ересь абсурдна, – говорил архиепископ, – и мало она имела последователей. Но все ереси были абсурдны, однако колебали Святую Церковь до самого ее основания».

Архиепископ Серафим нашел поддержку и у архиепископа Анастасия (Грибановского). Он обратил внимание, что ересь всегда зарождается в узком кругу, а затем, если проповедь ереси не пресекать, начинает свое развитие.

Архиерейский Собор 1936 г. в очередной раз обсудил учение о Софии и вновь нашел его еретическим. Некоторые иерархи, например архиепископ Серафим (Лукиянов), даже настаивали на анафематствовании самого протоиерея С. Булгакова. Все же Собор не пошел на столь крайние меры, а только в очередной раз заявил о еретичности его учения.

Однако на пути всеправославного осуждения софианства встало серьезное препятствие – разделение православной русской эмиграции. Руководство Западноевропейского округа, с 1927 по 1930 г. подчинявшееся Московской Патриархии, а затем Константинополю, встало на защиту протоиерея С. Булгакова. Апология его учения выглядит странной, ведь в некоторых вопросах его неправота была очевидной.

Из клириков Западноевропейского округа лжеучение критиковали протоиереи Георгий Флоровский и Сергий Четвериков, протопресвитер Иаков Смирнов.

Однако возглавлявший Западноевропейский округ митрополит Евлогий поддержал протоиерея С. Булгакова. Комиссия, созданная митрополитом для изучения его трудов, фактически оправдала его. О его

измышлениях говорили как о допустимом частном мнении. Указывали, что он благочестивый пастырь, хороший проповедник и духовник, любящий Церковь. «Очень трудно представить, – говорили о нем, – чтобы этот ревностный пастырь мог быть еретиком».

Читая это определение, вспоминаются слова чеховского персонажа: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Но дело здесь было не в том, еретик протоиерей Сергей или нет, а в том, насколько православно его учение. Ведь анафем в его адрес Зарубежная Церковь не требовала. Но по логике Западноевропейского округа получалось, что если протоиерей был хорошим человеком, то не может быть и речи о ложности его учения. Руководство округа настолько уцепилось за апологию софианства, что даже отказалось от объединения с Русской Зарубежной Церковью в 1935 г. Во всяком случае и митрополит Сергий (Страгородский), и В.Н. Лосский были убеждены, что в Париже отказались от единства именно из-за опасения, что придется осудить учение протоиерея С. Булгакова.

Сложно сказать, с чем на самом деле связана столь ревностная защита ереси. Возможно, причина здесь была в материальной помощи, которую оказывала Западноевропейскому округу и Свято-Сергиевскому институту ИМКА¹⁷. Как писал русский историк Н.Д. Тальберг, эта организация требовала назначить протоиерея С. Булгакова преподавателем догматического богословия, хотя высшего богословского образования он не имел.

Еще один «метод» защитников софианства состоял в нападках на архиепископа Серафима. Митрополит Евлогий и протопресвитер Георгий Шавельский, не оставившие никакого следа в догматическом богословии, тем не менее отзывались о трудах архиепископа Серафима как о научно незначительных.

Отвечая на это возражение, прежде всего отметим, что архиепископ и не стремился стать философом или богословом, а хотел лишь оградить Церковь от ереси. И со своей задачей он блестяще справился. Его аргументы до сих пор никто опровергнуть не смог.

Далее, многие богословы и церковные историки высоко оценивали труды архиепископа. «Протоиерею Булгакову потребуется двадцать лет для изучения святых отцов, чтобы опровергнуть архиепископа Серафима», – сказал на одной из лекций в софийском университете профессор Н.Н. Глубоковский.

Положительно отзывались о трудах архиепископа Серафима профессора В.Н. Лосский, Св. Троицкий, Н.С. Арсеньев, М.В. Зызыкин,

А.К. Свитич.

1 января 1938 г. за сочинение «Новое учение о Софии Премудрости Божией» архиепископ Серафим был удостоен ученой степени магистра богословия.

В результате шума, поднявшегося вокруг софианства, Западноевропейский округ все же был вынужден отметить, что богословские взгляды протоиерея С. Булгакова «нуждаются в исправлении». Пусть отчасти, пусть с трудом, но и здесь дело архиепископа Серафима восторжествовало.

С момента победы Православия над софианством прошли десятилетия. Но установленная в Софии статуя лишней раз показывает, что вопрос этот так до конца и не решен. И кто знает, не возникнут ли на почве непонимания Премудрости новые лжеучения. Правда, теперь, в отличие от начала XX в., у Церкви есть оружие против подобных ересей. Это оружие дал Церкви архиепископ Серафим, вернувший взор человечества в сторону правильного понимания Софии.

Глава 7. Если учитель не прав

*Избегай сомнений, робости, вялости
и нерешительности.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Обличать ложь, высказанную малознакомым человеком, несложно. А если неправда, затрагивающая учение Церкви, исходит из уст твоего учителя? Или от человека, которому ты многим обязан? Согласитесь, ситуация неприятная.

В этой ситуации оказался и владыка Серафим, когда два близких ему человека, два его наставника высказали идеи, с которыми не позволяла смириться его совесть. Одним из них был митрополит Антоний (Храповицкий), другим – архиепископ Феофан (Быстров). Высказаться или смолчать? Эта дилемма вставала перед архиепископом Серафимом неоднократно...

Серьезным ударом по русскому богословию стали репрессии против Церкви со стороны атеистического государства. Разгром духовных учебных заведений привел к упадку богословской науки в России. На протяжении нескольких десятилетий русское богословие развивалось в эмиграции. И ошибки, возникающие в ходе богословских изысканий, также приходилось разбирать эмигрантам. Заблуждения проникли и в учение митрополита Антония (Храповицкого) об искупительной жертве Христа. Свой взгляд на искупление митрополит излагал еще в России, однако основные его труды на эту тему увидели свет в изгнании. Это были книги «Догмат искупления» (1917) и «Опыт Христианского катихизиса» (1924).

Напомним, что вплоть до конца XIX в. русские богословы рассматривали искупление человечества Христом с юридических позиций. Эта теория состояла в следующем. Адам нанес Богу оскорбление. Как все понимают, одно и то же оскорбление, нанесенное царю или бездомному бродяге, будет иметь для человека самые разные последствия. Адам оскорбил Бесконечного Бога, а значит, и наказание делалось для человека бесконечным. Для выкупа или искупления человечества нужна была бесконечная жертва. Ее и принес Сын Божий.

Теория эта нравилась не всем. Говорили, например, что она навеяна западным богословием. Среди критиков этой теории был и глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний. Этот иерарх не любил понятий «искупление», «оправдание», считал их римо-католическими, а потому

предлагал свое понимание подвига Спасителя. В основу своего учения митрополит положил элемент пастырского богословия, а именно «сострадательную любовь» пастыря к пастве. Митрополит склонился к мысли, что соединение Христа с верующими тоже происходит через «сострадательную любовь». По мнению главы Русской Зарубежной Церкви, наивысшее состояние такой любви Христос испытал во время своей молитвы в Гефсиманском саду. Душевные муки Христа в Гефсимании и стали нашим искуплением. Страдания на Кресте для митрополита Антония оказались как бы заслоненными гефсиманским молением. Кроме того, о крестных, физических муках Спасителя митрополит Антоний рассуждал как о страданиях второстепенных, нужных, прежде всего, для того, «чтобы верующие оценили силу Его душевных страданий».

Спорным было и понимание митрополитом первородного греха. Иерарх писал, что Адам был не столько виновником нашей греховности, сколько первым по времени грешником, что если бы люди даже не были потомками Адама, они все равно согрешили бы.

Подвиг, совершенный Христом, был для митрополита Антония не искуплением от адамовых клятв – греха и смерти, а избавлением от проклятий, которые закон налагал на убийц, идолопоклонников, прелюбодеев и прочих преступников (см.: Втор.27:15–26). Наконец, для достижения спасения, по митрополиту Антонию, человеку нужно не столько искупление Христом, сколько Его «соучастие».

Учение митрополита Антония было оригинальным и казалось блестящим вызовом римо-католической схоластике. У новой теории появились и сторонники, например патриарх Антиохийский Григорий и митрополит Евлогий (Георгиевский). Сочинения митрополита Антония переводились на разные языки, включались в программы духовных школ. Более того, в 1926 г. Зарубежная Церковь планировала даже заменить книгой митрополита Антония катехизис святителя Филарета (Дроздова)!

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы не протест двух архипастырей – все тех же архиепископа Феофана (Быстрова) и епископа Серафима (Соболева). Безусловно, со стороны последнего выбор не был легким – митрополит Антоний всегда благоволил ему. В 1920 г. он содействовал архиерейской хиротонии епископа Серафима, в эмиграции назначил его управляющим русскими приходами в Болгарии. Тем не менее епископ Серафим не мог смолчать, видя неправоту митрополита Антония.

И архиепископ Феофан, и епископ Серафим настаивали на том, что решение об одобрении «Катехизиса» митрополита Антония необходимо

отменить как не соответствующее учению святых отцов. Основная критика шла со стороны архиепископа Феофана, в то время как епископ Серафим некоторое время находился в тени. Свой ответ архипастырь готовил постепенно.

Епископ Серафим утверждал, что человечество ответственно за грех Адама и жертва Христа была именно искупительной жертвой всего человечества.

Далее, архипастырь не соглашался с тем, что самые сильные муки Христос испытал в Гефсиманском саду. Страдания на кресте куда значительнее как физически, так и душевно. Ведь в Гефсимании Спасителя укреплял Ангел, а на Кресте Господь претерпел чувство богооставленности – то есть самую страшную из душевных мук. Владыка считал, что учение митрополита Антония приводит к отказу от значимости Голгофы.

Наконец, епископ Серафим отмечал, что такого понятия, как «сострадательная любовь», нет ни в Писании, ни у святых отцов. Никто из святых не говорил о спасении человечества только душевными муками Христа. Епископ утверждал, что усвоение человеком спасительной Жертвы, существо которой совершилось на Голгофе, происходит благодатью Святого Духа через участие в Таинствах Церкви, особенно в Божественной Евхаристии, а вовсе не «сострадательной любовью».

Закипели споры. Правда, спорить нашим апологетам приходилось не столько с митрополитом, сколько с Архиерейским Синодом. Сам митрополит Антоний не хотел конфликта и 22 апреля 1926 г. попросил не заменять его книгой Филаретовский катехизис. Однако Синод по-прежнему настаивал на этой замене.

Архиепископ Феофан и епископ Серафим тоже не сдавались и требовали более четкого решения по поводу «Катехизиса» митрополита Антония. Они доказывали, что катехизис митрополита Филарета освящен авторитетом Всероссийской Церкви и Зарубежный Синод не имеет права совершать его замену. Результатом противодействия стало то, что Синод отступил. «Окружное послание» Архиерейского Собора 1926 г. отметило, что митрополит Антоний не настаивает на своей правоте. Первоиерарх Зарубежной Церкви отказался и от распространения своих идей.

Казалось, что вопрос решен, а конфликт исчерпан. Но для епископа Серафима наступило время нового искушения. Дело в том, что архиепископ Феофан не желал останавливаться на достигнутом и требовал, чтобы учение митрополита Антония было анафематствовано как ересь. Естественно, что архиепископ ожидал поддержки от владыки

Серафима. Но архипастырь задумался. Как поступить? Поддержать своего учителя по академии или поступить по совести, не обрушивая страшных обвинений на старца-митрополита?

Против совести епископ Серафим не пошел. Выбрав второй путь, он руководствовался высшей мудростью, которая *скромна... полна милосердия... беспристрастна и нелицемерна (Иак.3:17)*. Архипастырь помнил и другие слова апостола: *Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир (Иак.3:18)*. В 1927 г. на заседании Синода епископ Серафим высказал свою позицию: учение митрополита Антония не совпадает со святоотеческим, но называть его ересью было бы опрометчиво. Архиепископ Феофан остался без поддержки. Вскоре он удалился от дел, переехал во Францию, где остаток дней прожил в уединении. Архиепископ отошел ко Господу в 1940 г.

Епископ Серафим, признавая ошибочными отдельные элементы учения митрополита, понимал, что его заблуждения искренни. В кругу архиереев или наедине с первоиерархом Русского Зарубежья епископ Серафим старался доказывать свою правоту.

Некоторое время митрополит Антоний за глаза ворчал на епископа Серафима, но длилось это недолго. Глава Зарубежной Церкви отличался добрым характером и не затаил зла на епископа, понимая его стремление к чистоте Православия. На Архиерейском Соборе 1934 г. именно митрополит Антоний добился возведения епископа Серафима в сан архиепископа. Возводя владыку Серафима в этот сан, митрополит Антоний произнес: «Преосвященный Серафим не может быть поставлен наряду с другими архиереями. Он истинный православный архиерей, который ставит Священное Предание выше своей карьеры».

К сожалению, после смерти митрополита Антония (1936) разработанное им учение стали распространять его последователи. Это вызвало новую волну полемики. Против мнений митрополита Антония выступил святитель Иоанн (Максимович), написавший статью «О чем молился Христос в Гефсиманском саду?» В последующие годы новый «догмат искупления» критиковали епископы Леонтий (Филиппович), Нектарий (Концевич), Савва (Сарачевич), а также иеромонах Серафим (Роуз).

Издан свою книгу против учения митрополита Антония и архиепископ Серафим. Книга «Искажение православной истины в русской богословской мысли» увидела свет в 1943 г. Но опровергнув неправильные мысли иерарха, указав, что новое учение нельзя считать православным, архиепископ Серафим по-прежнему был далек от того, чтобы называть

митрополита еретиком. Архиепископ объяснял это так.

Во-первых, признать учение митрополита ересью может только Собор, а такого Собора не было.

Во-вторых, догматические заблуждения были иногда даже у великих святых, что не мешает Православной Церкви почитать их.

В-третьих, митрополит Антоний не отвергал Крестной Жертвы, а лишь сместил акценты в сторону Гефсиманского моления.

В-четвертых, митрополит не настаивал на своей правоте и согласился на обсуждение своего учения Православной Церковью.

Заслуга архиепископов Феофана и Серафима в деле обличения нового учения без преувеличения неоценима. Ведь если бы в 1926 г. катехизис митрополита Антония был отнесен к символическим книгам, у недругов Русской Зарубежной Церкви (да и Русской Церкви вообще) появился бы блестящий повод обвинить ее в ереси. Напомним, что в те годы от Зарубежной Церкви отделились Западноевропейский и Североамериканский округа, резко ухудшились и отношения с Московской Патриархией. Противники Зарубежной Церкви, не разбираясь в том, что на самом деле имел в виду митрополит Антоний, кричали в прессе о новом лжеучении и называли старца еретиком. Представьте себе, что бы произошло в случае, если бы владыкам Феофану и Серафиму не удалось отстоять свою правоту.

В настоящее время учение митрополита Антония об искуплении не столь актуально, как это казалось в первой половине XX в. Архиепископ Серафим указал последующим поколениям православное понимание искупительного подвига Христа. Но архипастырь был далек и от слепых обвинений. Он заботился лишь о правде Божией, избегая человекоугодия и принимая порой тяжелые решения, грозившие разрывом с близкими ему людьми.

Глава 8. Были ли добрыми «добрые самаряне»?

*Горе удаляющимся от Церкви: их совсем обуяет
дух мира, дух злобы.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Как-то на Афоне болгарские священники заспорили о том, откуда узнавала будущее известная прорицательница Ванга. Кто-то говорил, что от Бога, кто-то – от беса. Один священник, склонный оправдывать Вангу, сказал:

– Что вы спорите? Ведь примерно семьдесят процентов ее слов – правда!

И тут один молодой монах, сидевший в стороне и до того молчавший, произнес:

– А разве Бог только на семьдесят процентов правду говорит?

И все сомневающиеся будто прозрели. *Прав Господь Бог наш, и несть неправды в Нем (Пс.91:16)*. Как можно было забыть эти слова Псалмопевца?! Даже самые активные защитники прорицательницы расхотелись, полностью пересмотрев свое мнение.

К сожалению, очень часто антихристианские явления умело маскируются под Православие, и даже духовенство иногда не может понять, где истина, а где подделка под нее. Помимо явных сектантов, не скрывающих своего враждебного отношения к Церкви, существуют течения, которые прячут свою сущность, внешне выставляя себя православными.

С этим явлением архиепископу Серафиму приходилось сталкиваться неоднократно, в том числе и в Болгарии.

Наиболее активную деятельность здесь вело общество «Добрый самарянин», лидером которого был Стефан Денев. Добросамаряне заявляли, что являются членами Православной Церкви, досаждали Синоду просьбами о регистрации их «особого устава», говорили, что их задачи – исключительно благотворительные. А на самом деле проповедовали ересь, навеянную хилиазмом. Добросамаряне учили, что до пришествия антихриста на земле установится тысячелетнее Царство Христа. Сектанты были убеждены, что в этом Царстве они займут главные места.

Была у добросамарян и своя «пророчица» – Бона Велинова (баба Бона), которую адепты почитали как «живую святую». Она утверждала, что получает откровения непосредственно от Бога. Занималась она предсказаниями и целительством. «Почти каждую ночь она впадает в

транс и ей являются разные святые, каждый из коих дает ответ на тот или другой вопрос. При всем том баба Бона очень злобно относится к инакомыслящим, не разделяющим ее хилиастического учения, давно осужденного Церковью. Она со своими последователями даже называет обличителей добросамарян еретиками», – так писал о бабе Боне архиепископ Серафим, видевший в новой секте большую опасность.

В некоторых районах Болгарии было распространено еще одно религиозное течение – нестинарство. Большое значение в этом движении придавалось хождению по раскаленным углям. Доведя себя до состояния экстаза, последователи этого учения исполняли на углях своеобразный танец и не испытывали боли. Добросамаряне сблизились с последователями нестинарства, а хождение по углям считали Божиим чудом.

Добросамаряне распространяли свое лжеучение через проповедь. Они издавали литературу, собственные толкования Библии, а также газету «Утеха».

Борьбе с добросамарянами мешало то, что его последователи, хотя и ругали Православную Церковь, все же участвовали в ее Таинствах. Среди сектантов встречались монахи и даже священнослужители. Иногда лжеучением заражались целые монашеские общины. Еще одной проблемой было то, что немалое количество православных священнослужителей, в том числе и архиереев, не видели опасности со стороны сектантов. Имел место случай, когда один иерарх Болгарской Церкви пригласил бабу Бону в свою епархию для поднятия религиозного духа местной паствы. Это серьезно усложняло борьбу с сектой. Между прочим, сохранились сведения, что добросамаряне собирали компромат на архиереев Болгарской Церкви и угрожали в случае необходимости обнародовать его. Именно этим объясняли непонятную пассивность в деле борьбы с сектантами со стороны иерархов.

По подсчетам архиепископа Серафима, число добросамарян в Болгарии достигало двадцати тысяч человек.

Попытки архиепископа добиться от Болгарской Церкви официального осуждения добросамарянства, как ереси, успехом не увенчались – инициатива не была поддержана епископатом.

Единственным путем борьбы с ересью остались проповедь и обличение. По благословию архиепископа Серафима в борьбу с ересью включились его ученики. Архимандрит Мефодий (Жерев), бывший очевидцем «огненных танцев», разговаривал как со сторонниками, так и с противниками нестинарства и вынес твердое убеждение, что «чудо» имеет

бесовскую основу и сходно с экстазом, в который впадают шаманы. Свои выводы архимандрит изложил в статье «Нестинарские игры – языческая бесовщина», опубликованной в журнале «Православный миссионер». Архимандриту Мефодию принадлежали труды не только против нестинарства, но и против добросамарянства. Критике ересь подверглась и в трудах других духовных чад архиепископа Серафима. Так, епископ Парфений написал книги «Добросамарянство без маски» и «Добросамарянство и Православие», а архимандрит Серафим (Алексиев) опубликовал статью «Православны ли добросамарянские вожди?»

Глава 9. Когда возродится Россия

Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, доколе она будет могущественна и непоколебима.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Далекий 1917 год! Сколько было надежд, сколько планов! Армия уже обеспечена всем необходимым. Отступления, неудачи и нехватка снарядов – все это осталось позади. Прошлогоднее Брусиловское наступление показало, что Германия уже совсем не та, что в 1914 г. Победа над ней – дело ближайшего времени. Казалось, вот-вот осуществится многовековая мечта славян – освобождение Константинополя. Министры и чиновники уже обсуждают вопросы о новых территориях, духовенство рассуждает об отношениях с Вселенским патриархом, который теперь будет находиться в подчинении обер-прокурора Святейшего Синода. Казалось, сбываются слова генерала А.Х. Бенкендорфа: «Прошлое России удивительно, настоящее более чем великолепно, будущее – выше всяких представлений...»

Вместо всего этого Россия получила богоборческую власть, потерю исконно русских земель, царубийство, кровавые репрессии, голод...

К сожалению, новомученики и исповедники Русской Церкви почти не оставили после себя крупных трудов, в которых анализировались бы причины катастрофы, постигшей Россию в 1917 г. Не появилось и исследований, где намечались бы пути России после ее освобождения от большевиков. Понятно – было попросту не до того. Позиция архипастырей и пастырей, оставшихся на Родине, как правило, была близка к позиции первых христианских апологетов – доказать, что христиане не являются врагами государства, и тем самым дать православным возможность молиться без опасений за свою жизнь.

В целом рассмотрение причин русской катастрофы легло на эмиграцию. Ей же предстояло указать принципы, на которых должна строиться жизнь России после падения коммунистической власти. Среди церковных исследований, посвященных этим вопросам, на первом месте стоит книга «Русская идеология» архиепископа Серафима.

Понять причину случившегося в 1917 г. невозможно без осознания всех неправд и ошибок, сопровождавших монархическое правление на протяжении нескольких веков. Будучи монархистом, архиепископ Серафим настаивал на том, что смысл православной монархии был утерян

задолго до трагического XX века.

Архипастырь был уверен, что в основе существования православного государства должна лежать идея симфонии властей – церковной и царской. Задача царя – заботиться о Церкви, помогать ей в проповеди слова и закона Божиего. Со своей стороны Церковь должна поддерживать государство духовно, подавать ему высшее, Божественное, одобрение. Общая задача и государства, и Церкви – вести народ к Небесному Царствию. Государство, которое мешает идти к вечной жизни, становится антигосударством, не имеет ничего священного. Эта теория, изложенная в VI в. святым императором Юстинианом, была близка сердцу архиепископа Серафима.

Но была ли симфония в России? Архипастырь был уверен, что до XVII в. была, хотя первые признаки будущего разлада стали проявляться еще при великом князе Иване III.

Концом симфонии архиепископ считал «Соборное уложение» 1649 г., принятое при царе Алексее Михайловиче. А настоящим ударом по Церкви, окончательно разрушившим симфоничность, стало правление царя Петра I. По мысли архиепископа, военные, технические и политические заслуги императора были велики, но к ним можно было прийти без слома русского национального самосознания, без разрушения Церкви. Петр заменил симфонию абсолютизмом, превратив Церковь в один из механизмов государственной машины. Следствием стало то, что Церковь постепенно переставала восприниматься народом как святыня, как Тело Христово. И кто же в таком случае должен был благословлять государство от имени Бога? Государственное ведомство, в которое цари превратили Церковь? Неудивительно, что унижение Церкви со временем привело и к падению авторитета царской власти. «В уничтожении Петром симфонии властей и была заложена причина гибели России», – так охарактеризовал архиепископ Серафим правление этого императора.

Дальнейшее падение веры и благочестия было для архиепископа Серафима естественным – ведь менять то, что учинил Петр, никто не стал. Наоборот, в годы правления Анны Иоанновны и Екатерины II Церковь была еще более принижена. Свято место пусто не бывает. А потому в XVIII в. Русь захлестнул поток лжеучений – масонства, сектантства, атеизма, нигилизма, социализма и пр.

К началу XX в. идея о высоком назначении царя как помазанника Божия была практически утрачена в русском обществе. Императору Николаю II повиновались уже не по причине осознания высокого назначения царской власти, а скорее по привычке. Отсюда – стремление

ограничить царскую власть, отсюда – и ее свержение. Но архипастырь был далек от того, чтобы возлагать вину лишь на правителей XVIII в. Архиепископ прямо говорил, что вина за 1917 год лежит и на церковном руководстве, и на народных массах.

Грех бунтарства против царя иерарх считал страшным грехом русского народа. Но этот грех был столь тяжелым для России еще и потому, что отвержение монарха шло параллельно с удалением от Церкви, фактически с отказом от Бога. Именно поэтому революция привела к тому, что и Бог отверг Россию. Следствием этого отвержения стали неслыханные в мировой истории бедствия.

Итак, причина ясна. Но есть ли выход? Архипастырь был уверен, что есть.

Как и преподобные оптинские старцы Амвросий (Гренков), Анатолий (Потапов) и Нектарий (Тихонов), архиепископ Серафим считал, что Россия сохранится. Она станет последней православной державой и «самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с самим антихристом». Иерарх был убежден, что великое будущее ожидает и Русскую Церковь. В январе 1927 г. епископ писал, что ее гибели Господь не допустит, так как именно ей по преимуществу принадлежит обетование Христа: *созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф.16:18)*. Иными словами, Русская Церковь, по мысли иерарха, будет основой малого остатка верных и останется таковой до конца времен. Особое значение Русской Церкви архипастырь видел в ее безукоризненном Православии.

Но архиепископ Серафим оговаривал будущее величие России важными и обязательными условиями. Первое из них состояло в возвращении народа к православной вере, второе – в покаянии за бунтарство против царя, третье – в восстановлении монархии. Иерарх считал, что истинно верующие люди, знакомые с Писанием и творениями отцов, не могут не быть монархистами. А потому возвращение России к вере обязательно приведет и к возвращению царской власти.

Слова апостола *нет власти не от Бога (Рим.13:1)* архипастырь относил исключительно к монархии. Личность царя для архиепископа Серафима была священной по причине совершаемого над ним священного миропомазания, которое дает монарху особую благодать для управления страной. Если архипастырю говорили, что сейчас другое время, что царская власть не более чем пережиток прошлого, он отвечал, что Священное Писание, где говорится о священном служении царя, остается незыблемым. Царь для архиепископа Серафима и есть тот самый

удерживающий, о котором писал апостол Павел (2Фес.2:7).

Архиепископ указывал, что христиане первых веков ждали установления власти православных царей, и приводил в пример пророчество священномученика Аполлинария Ровеннийского, сказавшего, что на смену языческим царям придут цари христианские.

Вслед за святителем Филаретом (Дроздовым) архиепископ Серафим утверждал, что царская власть идет от Адама, а последующие формы власти, в том числе правление судей Израильских, являются разновидностями монархии.

Размышляя о царской власти, архиепископ нередко полемизировал со своими оппонентами. Известно, например, что часть толкователей считает переход Израиля от власти судей-пророков к власти царей признаком упадка, говоря, что до поставления царя евреи имели более высокую форму правления. Архиепископ не соглашался с этим толкованием и говорил, что монархическая власть была предсказана Богом Моисею еще за четыреста лет до поставления первого израильского царя. А слова Господа пророку Самуилу *не тебя они отвергли, но отвергли Меня* (1Цар.8:7) иерарх относил не к изменению государственного устройства, а к общему упадку веры у евреев.

Таким образом, по глубокому убеждению архиепископа Серафима, России нужен царь. И только его власть способна сплотить русский народ.

Но какое место в будущей России должна занимать Церковь? Дореволюционный абсолютизм, сопряженный с подчиненным положением Церкви, иерарх полностью отвергал. Большое уважение у архиепископа вызывали архиереи, выступавшие против несправедливости государственной власти, например патриарх Никон, митрополит Стефан (Яворский), архиепископ Феофилакт (Лопатинский). Архипастырь почитал и пострадавших за права Церкви святителей Павла (Конюсевича) и Арсения (Мацеевича).

Доминирование Церкви над государством архиепископ также отвергал, но все же настаивал, что царская власть должна согласовывать свои действия с Церковью. Подтверждение тому он находил в словах таких святых, как Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин и Иоанн Рильский.

Симфония Православной Церкви и монархии – вот основы русской идеологии. Так понимал ее архиепископ Серафим.

Своих идей архипастырь не скрывал. В ноябре–декабре 1921 г. он принял участие во Всезарубежном (Карловацком) Соборе Русской Зарубежной Церкви. Среди решений этого Собора было осуждение

социализма как антихристианского учения. Собор известен также своим «Посланием к чадам Русской Церкви», где содержался призыв молиться о воцарении в России монарха из династии Романовых. Этот призыв вызвал серьезные споры и разногласия среди делегатов, но был принят большинством голосов. Среди голосовавших «за» был и епископ Серафим (Соболев).

Социализм архипастырь называл «дьявольским учением» и считал, что Церковь должна осудить его как антихристианское явление. Другого пути, кроме монархии, иерарх для России не видел. Вне всякого сомнения, архиепископ с большим воодушевлением голосовал на Втором Всезарубежном Соборе 1938 г., где о монархии говорилось как о будущей форме правления освобожденной России.

О царе-страстотерпце Николае II архипастырь всегда отзывался с большим уважением, которое заметно и в его сочинениях. Нужно отметить, что довольно долгое время владыка Серафим, как, впрочем, и некоторые другие архиереи русского зарубежья, не верил в гибель семьи императора. Действительно, в это бесчеловечное убийство поверить было трудно. Тем более в эмиграции постоянно возникали слухи, что кто-то из царской семьи сумел спастись. Карловацкий Собор 1921 г. не назвал имени будущего императора только из-за неизвестности судьбы членов царской семьи.

Среди тех, кто верил в ее спасение, были императрица Мария Феодоровна и сестра императора Ольга Александровна. До 1927 г. обычным делом было подавать записки о здравии царской семьи, а епископ Берлинский Тихон (Лященко) в марте 1927 г. не только молился о здравии императора, но и публично выражал надежду, что его семья выжила. До конца дней своих в спасение царской семьи верил и архиепископ Феофан (Быстров). Некоторое время такие надежды теплились и у членов Архиерейского Синода Зарубежной Церкви. Только в 1927 г. Синод запретил служить молебны о здравии царской семьи, причем запретил только архиереям, а не священникам.

Попытки совершить заочное отпевание императора и пострадавших с ним Зарубежный Синод предпринимал неоднократно, но каждый раз отпевание отменяли из-за протестов живших в эмиграции царских родственников. В 1938 г. решение об отпевании царской семьи принял Архиерейский Собор, однако и это решение не было исполнено. Отпевание в результате было совершено в Русской Зарубежной Церкви лишь в 1968 г., то есть через пятьдесят лет после цареубийства.

Что касается епископа Серафима, то он служил молебны о здравии

царской семьи до 1927 г., хотя вера в ее чудесное спасение в нем жила еще долго. И даже в своей книге «Русская идеология», написанной в конце 1930-х гг., архипастырь старался не говорить о гибели императора, а писал лишь о его великих нравственных страданиях.

Но и архиепископу Серафиму пришлось смириться с гибелью Помазанника Божия. В 1939 г. иерарх принял участие в Архиерейском Соборе, который фактически признал великого князя Владимира Кирилловича единственным лидером русской эмиграции. Тем самым было констатировано, что надежд на чудесное спасение императора Николая больше не осталось. В последние годы жизни, если речь заходила о царемученике, архипастырь не мог скрыть своей душевной боли, своего волнения...

Глава 10. Конфликтуют ли святые?

Я, грешный иерей, пример тебе: как я ни согрешу иногда по действию дьявольскому, например иногда со враждою к брату отнесешься из-за чего-нибудь, хоть бы даже из-за правого дела, и весь расстроишься, и брата вооружишь на себя, и Таинство святое совершишь недостойно, однако по раскаянии всё, всё Владыка прощает, особенно по достойном причащении Святых Тайн.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Ты будешь низложен и отправлен в ссылку!

– А ты не увидишь больше своего Отечества!

Такой диалог, может быть, не привлек бы особого внимания, если бы не был пророческим и не состоялся между великими святыми – Епифанием Кипрским и Иоанном Златоустом. Действительно, один из них, Златоуст, был несправедливо лишен кафедры и отправлен в ссылку, а другой, Епифаний, умер по дороге на Кипр... Нет-нет, не подумайте, что здесь речь идет о взаимных проклятиях. Перед нами все та же прозорливость, которая не покинула двух чудотворцев даже в момент их конфликта.

Читая о подобных случаях, кто-то смутится. Но ненадолго, ведь данный случай, как и множество других, говорит нам, что даже величайшие святые не обладали абсолютной безгрешностью, свойственной одному лишь Богу. К тому же оба святителя были уверены в том, что их позиция правильна и полезна для Церкви.

Было бы удивительно, если бы жизнь архиереев, живущих среди мирской суеты, проходила без конфликтов и ошибок. Архиепископ Серафим не стал исключением. К сожалению, наиболее печальными были трения, возникшие между архиепископом Серафимом и другим проживавшим в Болгарии архиереем-эмигрантом – архиепископом Дамианом (Говоровым).

Епископ Царицынский Дамиан еще в России был известен как активный миссионер и просветитель. Находясь в Крыму, он создал Свято-Владимирское братство, которое проводило лекции и организовало школу для детей беженцев в Новом Херсонесе. В ноябре 1920 г. епископ Дамиан покинул Крым и более года жил в Константинополе. Архипастырь считал, что русское рассеяние не является случайным, что Бог попустил его для

проповеди православной веры. Душа епископа требовала деятельности. После прибытия в Константинополь он возобновил работу Свято-Владимирского братства. Благодаря американским гуманитарным организациям иерарху удалось открыть интернат для русских детей-сирот, которых набралось около пятидесяти человек. Чтобы интернат не нуждался, епископ Дамиан устроил при нем прачечную и рыбокоптильню. Таким образом, обитатели интерната через некоторое время стали обеспечивать себя сами, не обращаясь к чьей-то помощи.

Архиерей был противником бюрократизма и настаивал, что главная задача священнослужителя – практическая деятельность. Он возмущался тем, что Зарубежное русское церковное управление, прежде чем открыть новый приход, братство или училище, начинало нудную переписку и споры. В то же самое время римо-католики без всяких разрешений и переписки открывали курсы, приюты и т. д. В результате русские беженцы, чтобы не оставлять детей без Закона Божия, нередко отдавали детей учиться в католические школы.

Свою задачу епископ Дамиан видел в открытии духовного училища для русских эмигрантов. В Константинополе осуществить задуманное не удалось, и епископ решил переехать в Болгарию.

Здесь идея архипастыря была встречена с восторгом. Страны Балканского полуострова нуждались в духовенстве. Особенно высоко ценились образованные священнослужители из России. Епископ Дамиан изначально хотел открыть училище на Шипке, превратив находящийся здесь русский храм и принадлежащие ему здания в русский духовно-просветительский центр. Но эти здания Зарубежный Синод уже использовал для инвалидного и детского домов.

В результате переговоров епископу Дамиану удалось получить от Болгарской Церкви монастырь святых Кирика и Иулитты. Здесь он и открыл училище. В январе 1922 г. Зарубежное ВЦУ благословило создание нового учебного заведения, но поставило условие, что деньги на его содержание епископ Дамиан будет изыскивать сам.

В успех начинания многие не верили. Проживавший в Болгарии профессор М.Э. Поснов считал, что это дело не может быть успешным из-за отсутствия средств, преподавателей и книг. Такого мнения поначалу придерживался и епископ Серафим. Не были уверены в успехе и болгарские архиереи. И правда, училище заработало в полную силу не сразу. Поначалу епископ Дамиан читал лекции один. Но вскоре в училище стали приходиться преподаватели и ситуация наладилась. Епископу Дамиану удалось получить субсидию от болгарского правительства.

Доходы стали приносить и сдаваемые монастырем земли.

Учеба в училище не была простой. Связано это было не с трудной программой, а с проблемами материальными. Расходы учебного заведения совершенно не покрывались его доходами. К концу 1920-х гг. прекратилась выплата пособия от правительства. Не оказывал помощи и Болгарский Синод. Училище выживало за счет благотворителей. Но денег все равно не хватало. Преподаватели были вынуждены работать за небольшую плату, что, в принципе, не было чем-то исключительным и для русской эмиграции в целом, и для Болгарии в частности. Монастырь из-за своей бедности не мог предоставить преподавателям жилье, и они были вынуждены приезжать для лекций издалека, порой один раз в неделю, а иногда и раз в две недели.

Архипастырь был вынужден ограничить число воспитанников, так как монастырь мог прокормить только восемнадцать человек, и то от их собственных трудов.

Труд был для учащихся обязательным. Все заботы по хозяйству и уборке лежали исключительно на воспитанниках. Все они обучались различным ремеслам. Третью часть монастырской земли учащиеся обрабатывали самостоятельно. Монастырь имел виноградники, за которыми ухаживали воспитанники. Они же производили на продажу вино и ракию. Учащимся разрешалось подрабатывать и в окрестных селениях.

«Часто, ложась спать, они не знают, будут ли иметь пропитание на будущий день», – говорил о студентах училища архиепископ Анастасий (Грибановский).

Большое внимание уделялось в училище богослужению. Все воспитанники должны были присутствовать на нем ежедневно.

Всего за годы своего существования, с 1922 по 1936 г. Пастырско-богословское училище окончило более пятидесяти человек. Некоторые из выпускников продолжили учебу в других богословских учебных заведениях, например в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Окончивших училище и рукоположенных епископом Дамианом воспитанников охотно принимали на службу в Болгарскую Православную Церковь. В училище получали образование не только русские и болгары, но и представители других национальностей, например немцы. Среди учащихся были также те, кто перешел в Православие из римо-католичества и лютеранства.

Епископ Серафим, изначально не веривший в успех этого учебного заведения, вскоре поменял свое отношение к нему. В 1925 г. архипастырь

посетил училище и засвидетельствовал, что занятия у воспитанников идут на высоком уровне. Епископ Серафим писал в Синод, что дело епископа Дамиана надо признать полезным для Церкви и заслуживающим поддержки. В 1930 г. епископ Дамиан был возведен в сан архиепископа Архиерейским Собором РПЦЗ. А царь Борис III наградил архипастыря орденом «За гражданские заслуги».

Почему же возник конфликт между двумя достойными архипастырями – Серафимом и Дамианом? Разве и тот, и другой не были деятельны, нестяжательны? Разве не трудились они на благо Церкви?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно учитывать противоречивое положение, в котором оказались два иерарха по отношению друг к другу. Хотя епископ Дамиан проживал в Болгарии, он подчинялся не епископу Серафиму, а непосредственно Архиерейскому Синоду.

Рассчитывая на большие доходы от монастыря святых Кирика и Иулитты, епископ Дамиан не предполагал, что в скором времени будет нуждаться в дополнительных средствах. Чтобы поправить финансовое положение монастыря, он пытался получить в свое ведение Спасский (Александро-Невский) Ямбольский монастырь, который находился в подчинении епископа Серафима. Последний увидел в этом вмешательство в дела подчиненных ему приходов. Вопрос о принадлежности Ямбольского монастыря неоднократно обсуждался Архиерейским Синодом и даже Архиерейским Собором. Дважды, в 1924 г. и в 1926 г., Русская Зарубежная Церковь принимала решение оставить монастырь в ведении епископа Серафима. Чтобы не оставлять училище без средств, Архиерейский Синод поручил епископу Серафиму перечислять ему часть доходов от Ямбольского монастыря. Но выполнить это решение было невозможно. Ямбольский монастырь практически не давал никакой прибыли и долгое время находился на грани закрытия. Епископ Серафим сетовал, что может держать в монастыре только шесть человек (настоятеля, двух послушников и трех рабочих). Во избежание закрытия монастыря епископ Серафим даже добивался у министра внутренних дел Болгарии Русева разрешения на проведение денежных сборов.

Неудивительно, что средства на Богословско-пастырское училище перечислялись владыкой Серафимом неаккуратно. Архиерейскому Синоду неоднократно приходилось разбирать жалобы епископа Дамиана и давать предписания епископу Серафиму погасить задолженности.

Ситуацию усугубил спор иерархов о миссионерском стане, который епископ Дамиан пытался открыть при монастыре святых Кирика и Иулитты. Этот миссионерский стан являлся базой для поездок иерарха по

русским приходам в Болгарии. Епископ Серафим выступил против инициативы епископа Дамиана, видя в ней нарушение канонов и вмешательство в чужую юрисдикцию.

Архиерейский Синод пытался примирить епископов. При этом если в вопросе о Ямбольском монастыре Синод занял сторону епископа Серафима, то в вопросе о миссионерском стане поддержал епископа Дамиана.

Одним словом, без трений не бывает. Не будем гадать, кто и насколько был неправ в этих спорах, ведь оба святителя ревностно служили Церкви. Натянутые отношения между архипастырями не перерастали в открытую вражду. Так, епископ Серафим посещал монастырь святых Кирика и Иулитты, где иерархи сослужили, а также присутствовал на экзаменах и выпускных актах училища.

Наступило и окончательное примирение. Правда, произошло это незадолго до смерти архиепископа Дамиана. Тяжело больной иерарх был помещен в госпиталь в Асеновграде. Здесь его на Рождество 1936 г. посетил архиепископ Серафим. «В первое мое посещение, – писал архипастырь, – я вручил владыке Дамиану небольшую сумму денег из своих на лечение и испросил у него себе прощение за все причиненные ему мною огорчения. В ответ он мне сказал: «Никаких огорчений вы мне не делали. Я хорошо к вам относился. Я только шел напролом"». На второй день Пасхи архиепископ Серафим вновь посетил владыку Дамиана. Это было за пять дней до его смерти.

Архиепископ Дамиан умер в больнице 19 апреля 1936 г. Стремительно угасло и его детище – Богословско-пастырское училище. Архиепископ Серафим тщетно пытался спасти его. К сожалению, поддержки со стороны государства и Болгарской Церкви училище больше не имело. Наоборот, Синод Болгарской Церкви предписал архиепископу Серафиму не рукополагать его выпускников.

Попытался спасти училище и собравшийся в том же году Архиерейский Собор Зарубежной Церкви. Руководство Болгарской Церкви на словах согласилось с существованием училища, но поставило условие, что обучаться в нем могут только русские с последующей хиротонией в Зарубежной Церкви. Но для ее приходов в Болгарии большого количества священников не требовалось, а эмигранты, жившие в других странах, могли получить образование в местных семинариях и на богословских факультетах. Училище прекратило существование.

Сложные отношения между архиепископами Серафимом и Дамианом заставляют вспомнить разногласие между двумя апостолами – Павлом и

Варнавой (см.: [Деян.15:36–41](#)). Это стало причиной того, что земные пути апостолов разошлись. Святитель [Димитрий Ростовский](#) объяснял это разногласие Божиим Промыслом – оно было нужно, чтобы апостолы, действуя порознь, спасли больше душ. Разве не подходит этот случай к объяснению конфликта между архиепископами Серафимом и Дамианом?

Глава 11. «Адвокаты дьявола»

*Ты говоришь: в этом святом отце или в этом
благочестивом человеке есть такие и такие грехи.
Что же? Он – человек, а никто из людей не
безгрешен.*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

В Римско-католической Церкви на протяжении нескольких веков существовала такая должность – «адвокат дьявола». Задача священнослужителя, назначаемого на этот пост, несмотря на жутковатое название, была интересна и полезна. Обязанностью «адвоката» был розыск аргументов против святости человека, которого готовят к канонизации. Такое исследование помогало застраховаться от возможной ошибки. Зато если «адвокату» не удавалось найти чего-то серьезного, это становилось серьезным аргументом к прославлению подвижника.

Недоброжелатели архиепископа Серафима, критиковавшие его, выполнили именно такую роль. Стараясь выискать у архипастыря всевозможные грехи, внимательно следя за его жизнью и высказываниями, эти люди серьезно облегчили работу его биографам. Могут возразить, что выражение «адвокаты дьявола» не подходит к критикам архиепископа Серафима. Во-первых, католические «адвокаты» были непредвзяты, во-вторых, изучали жизнь подвижника уже после его смерти и т. д. И все же сравнение напрашивается. Уж слишком активно недруги архиепископа Серафима собирали на него компромат.

В предыдущей главе говорилось о трениях архипастыря с владыкой Дамианом. Но конфликты между праведниками, как правило, заканчиваются примирением. Куда хуже разногласия с теми, кто к миру не стремится. А если недоброжелатель еще и лжет, а то и открыто клеветает?

Скорбей такого рода в жизни архиепископа Серафима было немало. Это неудивительно – кто-то был недоволен его критикой софианства, кого-то не устраивала его позиция в защиту Русской Зарубежной Церкви, кто-то не терпел его монархических идей.

В 1927 г. в Эстонии вышла брошюра «Карловацкая смута», автор которой укрылся под псевдонимом «П. Попов». Брошюра была направлена прежде всего против Русской Зарубежной Церкви, но автор не обошел вниманием и наиболее яркого ее апологета – епископа Серафима. Предъявить архипастырю серьезные обвинения было практически невозможно. А потому Попов, явно выполняя чей-то заказ, попросту

обвинил его в неканоничности, ссылаясь на то, что он был рукоположен во епископа в Крыму, но как викарий Полтавской епархии. Конечно, такой выпад не был серьезным. Епископ Серафим хотя и был рукоположен в Симферополе, но хиротонию, помимо симферопольского преосвященного, совершал правящий архиерей Полтавской епархии – архиепископ Феофан (Быстрое).

Пасквиль был издан. А вскоре секретарь Архиерейского Синода Е.И. Махароблидзе в печати прямо объявил «Попова» лжецом и клеветником, заметив, что если автор брошюры честный человек, он должен обратиться в суд. Естественно, «Попов» не объявился.

Обиднее были наветы со стороны своих же собратий. Пожалуй, главным недоброжелателем архипастыря стал проживавший в Болгарии бывший глава военного духовенства протопресвитер Георгий Шавельский. Можно предположить, что проскальзывавшие в западноевропейской прессе обвинения против епископа Серафима шли именно со стороны протопресвитера. Именно к такому выводу нас приводит тот факт, что высказывания прессы совпадают с тем, что излагал в своих письмах протопресвитер Г. Шавельский.

Что представлял собой отец Георгий?

Вне всяких сомнений, человек он был яркий и деятельный. Сын бедного сельского дьячка, он благодаря своим дарованиям сумел успешно окончить семинарию и получить место священника. Свою пастырскую деятельность он начал на бедном приходе Полоцкой епархии. Потеряв жену, умершую при родах, оставив дочь на попечение родственников, отец Георгий поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, блестяще окончил ее и вступил в ряды военного духовенства. В годы Русско-японской войны отец Георгий прошел путь от простого полкового пастыря до главного священника 1-й Маньчжурской армии. На этой войне протоиерей Георгий был ранен, перенес тиф. А в 1911 г. отец Георгий стал протопресвитером военного и морского духовенства. Положение отца Георгия стало очень высоким – его должность была равна званию генерал-лейтенанта или сану архиепископа. Свое высокое положение отец Георгий старался использовать, чтобы максимально улучшить положение военного духовенства. Но, с другой стороны, высокий статус отца Георгия сыграл отрицательную роль после его переезда в Болгарию, помешав пастырю установить нормальные отношения с русским зарубежным епископатом. К тому же протопресвитер был убежден, что белое духовенство и миряне должны наравне с архиереями участвовать в церковном управлении.

Протопресвитер не скрывал своих симпатий к модернизму. Именно

отец Георгий положил начало карьере священников Александра Введенского и Александра Боярского – будущих идейных лидеров обновленческого раскола. Впоследствии протопресвитер всячески защищал их в своих мемуарах. Неудивительно, что протопресвитер выступал за переход на новый календарь, а также мог при случае ввернуть циничную фразу, что «земные перегородки между религиями до неба не доходят».

Монахов и архиереев протопресвитер не любил и даже говорил о монашестве, что оно отжило свой век. Иноческое житие протопресвитер оценивал с точки зрения практической пользы, которую оно может принести земной Церкви. Созерцательное монашество он и вовсе именовал «святым эгоизмом».

Мемуары и письма протопресвитера Георгия Шавельского – увлекательное чтение. За строками угадывается бесспорно верующий, прелюбопытный, но своеобразный человек. В записях протопресвитера постоянно прослеживается стремление уколоть монашествующих. За очень редкими исключениями монахи показаны в мемуарах людьми, заботящимися лишь о своих благах и удовольствиях. Обращает на себя внимание, что в воспоминаниях протопресвитера практически ничего не говорится ни о монастырях, ни о подвижниках. И это в те годы, когда на церковном небосклоне сияли такие звезды, как преподобный Варнава Гефсиманский, оптинские и зосимовские старцы... Неблагоприятные отзывы оставил протопресвитер практически обо всех современных ему архиереях.

Закономерно, что еще до революции протопресвитер испортил отношения с епископатом. Иерархи платили ему той же монетой. На Московском Соборе 1917 г. архиепископ Антоний (Храповицкий) сказал, что военное духовенство не имеет пастыря и управляется простым священником. Протопресвитер в долгу не остался и после избрания патриарха Тихона, облачаясь в соборной ризнице, громко сказал: «Теперь я вижу, что любит Господь нашу Церковь: не допустил Он архиепископа Антония до патриаршего престола!»

Но особенно доставалось в мемуарах и письмах протопресвитера тем людям, которые когда-либо перешли ему дорогу или просто ему не нравились.

Как относился протопресвитер к оппонентам, видно на примере товарища обер-прокурора Святейшего Синода Н.Д. Жевахова, которого протопресвитер по поводу и без повода называл то «умственно и нравственно ничтожным», то «убогим», а то и «обезьяновидным

князьком». Причина такого отношения хорошо известна – в своих «Воспоминаниях» Н.Д. Жевахов несправедливо выставил протопресвитера Георгия Шавельского чуть ли не безбожником, помешавшим крестному ходу вдоль линии фронта с Песчанской иконой Божией Матери. С подачи Жевахова протопресвитера стали считать главным виновником поражения России и революционной кровавой смуты.

В эмиграции протопресвитер хотел принять участие в работе Высшего церковного управления. В 1921 г. епископ Серафим даже ходатайствовал о въездной визе для отца Георгия в Сербию. Визу отец Георгий так и не получил и на Всезарубежный Собор не прибыл. Это было к лучшему – на Соборе против бывшего главы военного духовенства звучали обвинения. Например, епископ Вениамин (Федченков) заявил, что революцию в России устроила «паства» протопресвитера Георгия.

Недоброжелательное отношение Архиерейского Синода не осталось без ответа со стороны протопресвитера. Обиду на отвергших его архипастырей отец Георгий пронес через всю жизнь.

Оказавшись в эмиграции, протопресвитер Георгий Шавельский занялся преподавательской работой. Служить же отец Георгий стал в Никольской церкви, где планировал стать настоятелем. Однако зарубежное церковное руководство решило иначе, назначив в Софию епископа Серафима.

Можно себе представить, какой была реакция отца Георгия, когда он, равный генералу царский протопресвитер, был обойден малоизвестным викарным епископом. Более того, начальником над отцом Георгием стал строгий монах, человек мистического настроения, противник вмешательства священников и мирян в церковное управление, противник реформ, нового календаря и компромиссов с инославными.

Даже близко не зная епископа Серафима, протопресвитер заранее был враждебно к нему настроен. Отец Георгий не стал встречать епископа на вокзале, а когда владыка сам посетил его, посчитал это не проявлением смирения, а всего лишь «красивым жестом».

На время епископу Серафиму удалось нормализовать отношения. Но постепенно недовольство нарастало. Его апогей настал в 1926 г., когда протопресвитер Георгий Шавельский поддержал отделившихся от Архиерейского Синода митрополитов Евлогия и Платона. Отец Георгий стал опасаться прещений со стороны Зарубежного Синода и в декабре 1926 г. подал епископу Серафиму прошение об увольнении. Архипастырь отпустил протопресвитера, который ушел в Болгарскую Православную Церковь.

В последующие годы отношения между архипастырем и протопресвитером не выглядели как конфликт. Они обменивались поздравительными письмами, иерарх посещал возглавляемую отцом Георгием русскую гимназию. Архиепископ Серафим и протопресвитер Г. Шавельский даже сослужили, например при отпевании архиепископа Дамиана (Говорова) в русском храме на улице Царя Калояна.

Но обид протопресвитер не забывал. Несмотря на ровное общение, протопресвитер не упускал случая обвинить как Архиерейский Синод, так и епископа Серафима.

Свои выпады против епископа Серафима протопресвитер Георгий излагал, например, в письмах митрополиту Евлогию, для которого в своих воспоминаниях он также не пожалел грязи. Но излить недовольство за увольнение из Русской Зарубежной Церкви хотелось. И митрополит Евлогий оказался нужен как адресат. В письмах к нему протопресвитер ругал Зарубежный Синод, советовал митрополиту создать параллельную Русскую Зарубежную Церковь. «Досталось» и владыке Серафиму, которого протопресвитер обвинил, во-первых, в честолюбии, а во-вторых, в том, что он окружил себя «распутинской кликой» и создал «распутинско-святошескую обстановку».

Почему архиерей показался отцу Георгию честолюбивым, хорошо понятно. Протопресвитер вообще не любил начальства и обо всех своих руководителях отзывался отрицательно. Коснулось это и епископа Александра (Заккиса), который когда-то рукоположил отца Георгия, и главы военного духовенства (1890–1910) отца Александра Желобовского, и митрополита Софийского Стефана (Шокова), да и всех остальных. Ни один из начальников отца Георгия для него не был хорош.

Не стал исключением и епископ Серафим. Он был архиереем, а протопресвитер Георгий – священником. Существовавшее когда-то равенство отца Георгия с генералами и архиепископами теперь, в эмиграции, ровным счетом ничего не значило. Тем более что для паствы архиерей всегда значит куда больше, чем любой даже самый заслуженный священник. Епископу Серафиму всегда доставались почести, а отец Георгий оставался в стороне.

Не наносит ущерба репутации архипастыря и обвинение в «распутинско-святошеской обстановке». Что имел здесь в виду протопресвитер, понять сложно. Можно лишь вполне определенно сказать, что оправдания Распутина со стороны владыки Серафима не было и быть не могло. Выше уже говорилось, что еще в России будущий архипастырь считал Распутина шарлатаном. В эмиграции он не изменил

своих взглядов и прямо говорил о Распутине как об орудии, с помощью которого врагами России разрушались и Церковь, и монархия.

Слова протопресвитера о «распутинщине», по-видимому, подразумевали либо мистическую атмосферу, нетерпимую отцом Георгием, либо экзальтацию и лицемерие части прихожан. О мистической атмосфере на Никольском приходе писал в воспоминаниях и митрополит Евлогий (Георгиевский). Однако его слова нужно воспринимать осторожно. Во-первых, сам митрополит Евлогий в Никольском храме не служил и писал, по-видимому, со слов того же протопресвитера Г. Шавельского. Во-вторых, митрополит был обижен на архиепископа Серафима. В 1926 г. владыка Серафим резко осудил разрыв митрополита Евлогия с Зарубежной Церковью, а впоследствии подверг критике учение протоиерея С. Булгакова, которому митрополит Евлогий покровительствовал.

Было и еще одно обвинение протопресвитера Г. Шавельского в адрес архипастыря. Отец Георгий указывал, что владыка находился под влиянием своего окружения, и прежде всего Варвары Ивановны Зызыкиной. Протопресвитер дал ей такую характеристику: «Богомольная, умная и хитрая, пронырливая и настойчивая, лукавая и льстивая, она совсем овладела и умом, и волей епископа Серафима – он жил ее советами, руководился ее указаниями. Очень скоро она стала оказывать большое влияние и на Карловацкий Синод, где каким-то образом епископ Серафим приобрел большой вес. Я знал, что она тайно восстанавливает против меня и епископа Серафима, и Карловцы».

Однако протопресвитер явно перегнул палку, написав, что Зызыкина влияла на Зарубежный Синод, особенно на предмет козней против протопресвитера. Более того, сам епископ Серафим в Синоде особого влияния не имел, особенно в 1920-е гг., когда он еще был молодым епископом. До нас дошли протоколы заседаний Архиерейского Синода, подтверждающие, что даже в конце 1930-х гг., когда владыка уже был архиепископом, к его мнению прислушивались не больше, чем к мнению других архиереев.

Но влияла ли на иерарха Зызыкина? Она ревностно служила ему, относясь, по-видимому, к категории церковных женщин, которых архимандрит Киприан (Керн) иронично именовал «мироносицами». Такие дамы действительно искренни в почитании старца или архиерея, действительно ревностно служат ему, но также зорко следят за тем, чтобы на старца не начал влиять кто-то другой. Зызыкиной это, по-видимому, удавалось. Учитывая, что в свое время она спасла архиепископа Феофана и

епископа Серафима от смерти, вылечив их от туберкулеза, такое можно допустить.

Но даже если Зызыкина допускала злоупотребления, это не может быть поставлено архиерею в вину. Случаи, когда доверчивых праведников окружают сомнительные личности, не так уж редки.

Отдельным пунктом обвинений были финансовые проблемы Никольского прихода. Протопресвитер говорил, что епископ Серафим не знал «церковных законов и, когда ему напоминали о них, не находил нужным считаться с ними; он, например, считал излишним ведение церковных приходо-расходных книг».

В ответ на это можно сказать, что ведение расходных книг не является «церковным законом». А что касается действительных законов, или канонов, то архиепископ Серафим знал их прекрасно, что неоднократно подтверждал, как только появлялась необходимость защитить права Церкви.

Финансовая путаница в Никольском приходе действительно была. Но не будем ставить это архипастырю в вину – очень редко кому удается быть одновременно подвижником, хорошим духовником, защитником Православия и при этом талантливым администратором и хозяйственником. Наконец, надо добавить, что после переизбрания приходского совета все финансовые недоразумения были решены.

Были со стороны отца Георгия и совсем нелепые обвинения, будто все доходы храма уходили на ублажение епископа Серафима. Единственный пример такого «ублажения» – летний отдых архипастыря на «дорогом Варненском курорте». На самом деле архиепископ Серафим до конца дней своих жил в бедности и не имел собственного жилья. Непорядочным со стороны протопресвитера выглядит и обвинение в посещении Варны. Эти поездки в середине 1920-х гг. объясняются тяжелым состоянием здоровья архипастыря, находившегося на грани смерти.

Стремясь максимально очернить архипастыря, протопресвитер дошел до того, что поставил ему в вину нелюбовь к пению петухов и празднование его именин, дня преподобного Серафима Саровского, два раза в год – 15 января и 1 августа.

Какой вывод можно сделать из сказанного?

Прежде всего, обвинения в адрес архиепископа Серафима принадлежат его недоброжелателям. Эти обвинения пристрастны и, как правило, неосновательны.

Но, как это ни покажется странным, хочется поблагодарить

недоброжелателей. Обнародовав сведения, якобы свидетельствующие против архиепископа Серафима, они оказали Церкви и почитателям архипастыря огромную услугу. Ведь данных, свидетельствующих против него, оказалось ничтожно мало.

Глава 12. Между двух огней

Люби Отечество земное...

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Как только темнело, отец Адриан уходил в сад. Стоял за деревьями, вспоминал детство, студенческие годы, своих наставников – оптинских старцев Анатолия и Нектария. Вспоминал аресты и допросы «с пристрастием». Молился... Только под утро он возвращался в дом своих духовных чад, где жил в углу, отгороженном шкафами. Здесь он сидел весь день. А вечером – новый уход в сад, еще одна бессонная ночь... и так каждый день, неделя за неделей, месяц за месяцем, в любую погоду. Спросите, зачем? Ответ прост – аресты проходили в основном по ночам и отец Адриан надеялся, что, обыскав дом, чекисты не догадаются заглянуть в сад. А днем, сидя за шкафами, пастырь старался не шуметь, чтобы бдительные соседи не сообщили в органы, что в доме скрывается посторонний. Да и не просто посторонний, а священник – классовый враг, мракобес и контрреволюционер! Неизвестно, сколько бы еще продлилась такая жизнь, если бы не война. Только после оккупации Киева германскими войсками он смог выйти «из-за шкафов» и вздохнуть свободно.

Божий Промысл сохранил отца Адриана Рымаренко. Он был одним из немногих выживших в годы дьявольского разгула советской антицерковной политики, перед которой меркнут гонения первых веков христианства. Бог сохранил его для дальнейших пастырских трудов, для архиерейского служения. Но сколько было убито, сколько сгинуло в лагерях? Только по религиозным делам за годы большевизма пострадало около пятисот тысяч человек. Примерно половина из них была расстреляна или погибла в лагерях и тюрьмах.

Умирали не только за веру. Были еще «враги народа», члены семей «врагов народа», классово чуждые, социально опасные, раскулаченные, умершие от голода и т. д., и т. д. Количество невинно погибших до сих пор точно не определено, а трагедия XX века русским народом еще не осознана. Но страшнее всего то, что власть не только уничтожала людей физически, но и убивала их духовно – воинствующая атеистическая политика обрекала десятки, сотни миллионов душ на вечную погибель...

В таком состоянии была страна накануне военных потрясений. И насколько непросто было, осознавая богоборческую суть правящего режима, сохранить любовь к Отечеству, понять, что античеловеческая

власть – это одно, а Россия – совсем другое.

Русскую эмиграцию война разделила на две части. Одни считали эту войну продолжением гражданской, мечтали с помощью Германии освободить Отечество от коммунистов, а затем создать новое, свободное государство. Позиция сторонников победы Германии подкреплялась тем, что вплоть до 1943 г. советское руководство не ослабляло гонений. Расстрелы духовенства и мирян продолжались и в первые годы войны. Храмы, открытые при гитлеровцах в Московской, Калужской, Смоленской и других центральных областях, были закрыты после их освобождения советскими войсками в конце 1941 – начале 1942 г. Вплоть до 1943 г. советские партизаны уничтожали не только оккупантов и их пособников, но и священников, служивших в открывшихся храмах.

Другая часть эмиграции воспринимала эту войну как отечественную. Среди эмигрантов было немало тех, кто понимал, что в планы Гитлера не входило сохранение единой России, а Православие было нужно ему лишь для привлечения симпатий населения. Надо помнить, что храмы и монастыри на оккупированных территориях открывались, как правило, не немцами, а местными жителями, которые просто сбивали замки с заколоченных церквей и возобновляли богослужения. Довольно скоро стало известно о страшных зверствах, которые творили нацисты в отношении мирных жителей и военнопленных.

Неудивительно, что отношение Русской Зарубежной Церкви к войне не было однозначным. Сатанинскую основу германского национал-социализма, а также его истинные планы зарубежные иерархи поняли не сразу. Некоторые из них не скрывали своей радости по поводу нападения Гитлера на Советский Союз. «Да погибнет дьявольская шайка злодеев, распявшая Россию. Да исчезнут с лица земли масонская звезда, серп и молот. Да воссияет на родной Земле и во всей Вселенной Крест Христов. Да здравствует Великая Национальная Россия». Так писал проживавший в Париже митрополит Серафим (Лукьянов). Да что говорить, если даже такой великий святитель и чудотворец, как Иоанн (Максимович), некоторое время после начала войны молился за победу Германии и изменил позицию лишь в начале 1943 г.? Впоследствии святитель собирал деньги на военные нужды России и совершал благодарственные молебны после побед над германскими войсками.

Но некоторые архиереи и священники Зарубежной Церкви молились за победу Германии до самого 1945 г. Конечно, они не были ни приверженцами нацистской политики, ни сторонниками расчленения России. Их чаяния были связаны лишь с уничтожением коммунистической

власти, которую они считали опаснее гитлеровской.

И все же на официальном уровне Русская Зарубежная Церковь так и не выразила своего отношения к войне. Митрополит Анастасий (Грибановский), возглавивший Зарубежную Церковь после смерти митрополита Антония (Храповицкого), отказался обратиться к русскому народу с призывом поддержать Гитлера. Архипастырь объяснил это тем, что подлинные планы фюрера в отношении Отечества неизвестны. За все годы войны Архиерейский Синод не издал указаний молиться за Германию, наоборот, такие молитвы запрещались. Правда, Архиерейский Синод, изолированный в Белграде, не мог контролировать выполнение своих указаний, и молитвы за Германию или за Россию оставались на совести архиереев и священников, разбросанных по всему миру.

Архиепископ Серафим (Соболев) был одним из тех, кто не питал иллюзий относительно целей нацистов. 9 ноября 1941 г. он записал: «Ах, Царице Небесная, как скорбит моя душа, скорбит смертельно. Раньше надеялся, что отстрадается Россия и увидит спасение и возрождение. Ныне новому рабству подпадает – немецкому».

13 ноября того же года архипастырь оставил такую запись: «О России очень сокрушаюсь... Умоляю Божию Матерь не допустить гибели России. Под высоким предлогом борьбы с Коминтерном хотят совершить величайшее злодеяние. Убить весь народ и навсегда»¹⁸.

В отличие от некоторых своих современников, в письмах и проповедях архипастыря нет ни слова ни о свержении «жидо-масонского ига», ни о «доблестных германских войсках». Архипастырь теперь видел свою цель в возрождении Православия на оккупированных территориях. Для этого он сразу же решил организовать специальную духовную миссию для проповеди в России. 28 октября 1941 г. архиепископ обратился к наместнику-председателю Болгарского Синода митрополиту Неофиту (Димитрову) с просьбой помочь в организации духовной жизни в занятых Германией областях. Синод Болгарской Церкви оказал архипастырю поддержку и был готов направить в Россию группу духовенства, снабженную литературой, облачением и богослужебной утварью для восстановления церковной жизни на оккупированных территориях. Подразумевалось, что эту миссию возглавит сам архиепископ Серафим.

Но планы архипастыря не осуществились.

Дело в том, что сохранение единой Русской Церкви на оккупированных территориях Германией не планировалось. Не исключено, что после окончательного разгрома Красной армии немцы развернули бы преследования православных христиан. Гонения на

Православие в Чехии подтверждают такое предположение. Во всяком случае, максимально расколоть русское православное население было одной из важнейших задач Гитлера. Понимая, что древний лозунг «разделяй и властвуй» является единственно действенным для победы над Россией, фюрер не скрывал, что хотел бы видеть в каждой русской деревне независимую секту. В занятых Германией русских областях независимо друг от друга действовали приходы разных Поместных Церквей – Константинопольской, Румынской, а также Московской Патриархии. Существовали Украинская автономная, Украинская автокефальная, Белорусская Церкви. Никуда не исчезли и обновленцы. Но такого разделения Гитлеру было мало. Уже 2 июля 1941 г. германское руководство предписало организовывать на оккупированных территориях религиозные секты и препятствовать образованию единой Православной Церкви. В указе прямо говорилось, что не может быть и речи о поддержке Православия и воссоздании Патриаршей Русской Церкви.

Понятно, что Русская Зарубежная Церковь, ратующая за восстановление сильной и свободной России, в планы Гитлера не вписывалась. Поэтому 6 августа 1941 г. германскими властями было издано распоряжение, отказывающее в допуске на оккупированные русские территории священников из-за границы.

Архиепископу Серафиму, как и всем остальным священнослужителям Русской Зарубежной Церкви, пришлось отказаться от поездки на Родину. Оставалось заниматься изданием литературы и сбором богослужебных предметов для открывавшихся там приходов. Только весной 1942 г. в Болгарии было напечатано десять тысяч молитвословов для оккупированных территорий. Но германские власти препятствовали и здесь. В результате все изданное и собранное приходилось отправлять на Родину контрабандным путем.

Архиепископ не соглашался и с политикой болгарских властей. Болгария официально считалась союзницей Германии, и ее посольство серьезно влияло на жизнь страны. В честь Гитлера была даже названа одна из улиц болгарской столицы. На некоторых русских приходах в Болгарии в эти годы даже молились за победу Германии. Соответствующие молебны периодически совершал и протоиерей русского Свято-Никольского храма в Софии Николай Владимирский.

Сам архиепископ Серафим не имел права запретить служение таких молебнов, но сам никогда их не служил. На литургии в русских храмах молились так же, как и до войны, – о страждущей стране Российской. В частных же молитвах архиепископ, как видно из его дневников, просил

Божию Матерь избавить Россию и от немцев, и «от Сталина со всей его бандой и всеми комиссарами».

Но как бы ни относился иерарх к коммунистическому государству, Россию он с ним не отождествлял. Нужно сказать, что архиепископ Серафим не разрешал русским эмигрантам вступать в антисоветские вооруженные формирования. Архипастырь прямо говорил, что воевать против своей Родины – грех. Некоторые эмигранты были недовольны такой позицией архиерея, но повлиять на него не могли. Позицию архиепископа Серафима разделяли и его ученики. Архимандрит Пантелеимон также не позволял русским эмигрантам вступать в германские подразделения, а архимандриты Парфений и Мефодий сотрудничали с болгарским антифашистским подпольем.

В годы войны русская эмиграция столкнулась и с другой проблемой – как относиться к Церкви в Отечестве, которая стала понемногу восстанавливаться. Летом 1943 г., когда стало понятно, что Германия войну проиграла, советское руководство всерьез задумалось о боевых действиях в Европе. Идти сюда под атеистическими знаменами было бы безумием. Из политических соображений пришлось дать Русской Церкви немного видимой свободы. В сентябре 1943 г. оставшимся в живых православным архиереям было разрешено формально избрать патриарха, которым стал митрополит Сергий (Страгородский). Было открыто несколько духовных учебных заведений и небольшое число церквей. Храмы и монастыри, открытые при немецкой оккупации, теперь, как правило, не закрывались.

Иерархи Русской Зарубежной Церкви встретили избрание патриарха Сергия по-разному. Некоторые сразу же стали поминать его на богослужениях, некоторые с этим не спешили. Уже в сентябре 1943 г. митрополит Анастасий заявил об отказе признать нового Всероссийского патриарха. В октябре того же года в Вене состоялось архиерейское совещание. В нем приняли участие шесть иерархов Русской Зарубежной Церкви и два архиерея Белорусской Церкви. Совещание заявило, что патриарх Сергий избран незаконно, так как избрание состоялось по указанию богоборческой власти, без необходимого в таких случаях Поместного Собора.

Но зарубежные противники патриарха Сергия остались в меньшинстве. Новый патриарх был признан и Поместными Церквями, и немалой частью русских архипастырей, находившихся в эмиграции.

Как отнесся к происходящему архиепископ Серафим? Формально он находился в подчинении Русского Зарубежного Синода вплоть до осени

1944 г. Выезжать как прежде в Белград на заседания Синода архипастырь не мог, хотя вел с ним переписку, отправлял свои отзывы по обсуждаемым вопросам и получал извещения о принятых решениях. В августе – сентябре 1943 г. архиепископ даже заочно выполнял обязанности секретаря Синода. В ноябре 1943 г. он обратился в Синод с ходатайством о возведении игумена Пантелеимона (Старицкого) в сан архимандрита и получил согласие.

К новости о состоявшемся в Москве избрании нового патриарха архиепископ Серафим отнесся неоднозначно. Архипастырь не доверял советскому руководству, видя ложь в его заигрывании с Церковью. Свое недоверие архиепископ переносил и на новоизбранного патриарха. Кроме того, архиепископ Серафим был ревнителем канонов. Он попросту не мог закрыть глаза на избрание патриарха с нарушением установленных Поместным Собором 1917–1918 гг. процедур. Архиепископ даже задумывался, не перейти ли ему в непосредственное подчинение Болгарской Церкви, чтобы избежать влияния Московской Патриархии и коммунистической власти.

Приглашение принять участие в Венском совещании архипастырь воспринял без энтузиазма. 19 октября 1944 г. он писал: «Митрополит Анастасий пригласил меня на собор в Вену, где соберутся 6 архиереев. Я не поеду. Да и поздно. Только вчера получил известие, а выезжать надо было тоже вчера. Очевидно немцы требуют высказаться против П[атриарха] Сергия. Как скорбно, что Церковь лишена свободы и здесь, и там»¹⁹.

Последние годы войны были для русской общины особенно тяжелыми. София подвергалась бомбардировкам со стороны англичан и американцев. Особенно запомнилась жителям болгарской столицы бомбардировка 10 января 1944 г. Множество домов было разрушено. Среди погибших был русский священник Леонид Леонченко. Серьезные повреждения получил и храм святителя Николая на улице Царя Калояна. Но архиепископ Серафим не прекращал ежедневных служб, а община сразу стала восстанавливать здание церкви.

Люди, знавшие архипастыря, вспоминали, что он предупреждал о наиболее опасных бомбардировках. Скрывая свою прозорливость, иерарх использовал слово «говорят». Накануне опасных дней он предупреждал: «Говорят, в этот день будет бомбардировка». Многие жители Софии в те дни скрывались за городом, в том числе и в монастырях.

Архипастырь не хотел покидать Болгарию, верил, что беда не коснется Никольского храма на улице Царя Калояна.

«Надеюсь, что слова праведного старца Аарона о хорошей сторонужке сбудутся и над моими духовными чадами и мы проживем в Болгарии безбедно», – говорил архиепископ Серафим.

Но беда все же пришла в храм. 30 марта 1944 г. авиабомба полностью разрушила здание. Погиб настоятель храма – протоиерей Николай Владимирский. Архиепископ Серафим совершил его заочное отпевание. Спустя полгода, в сентябре 1944 г., были разобраны завалы на месте храма. Тело протоиерея было обнаружено и предано земле на центральном кладбище Софии. Со временем на месте разрушенного будет построен другой храм, меньшего размера. А пока русская община в Софии снова осталась без своего помещения.

Только в мае 1944 г. Болгарская Церковь решила этот вопрос. Русской общине передали небольшую церковь святой великомученицы Екатерины в пригороде Софии – Княжеве. Для общины это помещение было совсем невелико, и поэтому позднее ей предоставили еще один храм – крошечную, но зато древнюю и намоленную церковь преподобномученицы Параскевы Самарджийской на бульваре Марии Луизы. В этих храмах и служил архиепископ Серафим.

Тем временем советские войска подходили к границам Болгарии. Архипастырь осознавал, что вместе с новой властью сюда придут и репрессии, и атеистическая пропаганда. Не собираясь покидать свою паству, архиепископ понимал, что риторику придется сменить. Накануне вступления в страну советских войск архиепископ Серафим заново отредактировал готовившийся к изданию сборник проповедей, убрав из него антикоммунистические выпады.

Архипастырь обратился также к своим духовным чадам с просьбой уничтожить все его письма. Очень немногие перед их уничтожением сделали выписки, скопировав для себя наставления своего духовника.

Понятно, что пребывание в лоне Русской Зарубежной Церкви было теперь невозможно. Дальнейшее служение архиепископа Серафима проходило под омофором Московского патриарха.

Часть 3. Под патриаршим омофором

Глава 1. Встреча с Родиной

Всякую неприятность Господь удобно может претворить в счастье и радость.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Кому вы подчиняетесь?

– Заграничному Синоду Русской Церкви.

В разговоре с сотрудником советских спецслужб архиепископ Серафим не скрывал своей юрисдикционной принадлежности. В октябре 1944 г., когда в Болгарию уже вошла Советская армия, архипастырь не планировал переходить в Московский Патриархат. Но подчинение Зарубежному Синоду, который в коммунистическом государстве клеймили как профашистский, могло стоить дорого...

Летом 1944 г., когда советские войска приближались к Болгарии, в стране резко активизировалось партизанское движение. Можно сказать, что страна в этот момент вступила в новую гражданскую войну. Когда 8 сентября в страну вошла Советская армия, сопротивления ей не было. Русских встречали как освободителей. Параллельно с вступлением в страну советских войск болгарские коммунисты готовили государственный переворот.

Иван Шпиллер вспоминает, что к радости в те дни примешивалось чувство тревоги. Архиепископ Серафим, отрицательно относясь к нацизму, не видел ничего хорошего для своей паствы и в приходе советских войск. 12 июля 1944 г. он записал свою просьбу Пресвятой Богородице: «Грозные тучи нависли над Болгарией: большевики приближаются к Болгарии. Сделай так, чтобы их не было здесь или чтобы они не сломали режима правительства. Ах утешь нас! Ах обрадуй нас!»

Но все сложилось иначе. Освободившись от нацистов, страна на долгие годы оказалась под властью коммунистической партии.

Разумеется, независимая Русская Зарубежная Церковь была для советских идеологов серьезным препятствием. Созданный в 1943 г. Совет по делам РПЦ должен был полностью контролировать жизнь Русской Церкви как на Родине, так и за границей. Но Советское государство было заинтересовано, чтобы переход клириков Зарубежной Церкви в Московский Патриархат выглядел добровольно. Была привлечена пропаганда, трубившая о свободе Церкви, о десятках тысяч открытых храмов и сотнях монастырей. В болгарской печати сообщалось, что в скором времени Русской Церкви будут переданы Исаакиевский и

Казанский соборы, а патриарх Алексей при посещении Болгарии даже назвал Сталина своим «большим приятелем». Имели место и подтасовки. Так, в 1945 г. во французской газете «Советский патриот» приводились слова об отсутствии гонений на Церковь в СССР, будто бы сказанные архиепископом Александром (Немоловским). Возмущенный архиепископ Александр, никогда ничего подобного не говоривший, пытался протестовать, но опровержение газета так и не напечатала.

На самом деле количество приходов в Русской Церкви к 1949 г. едва достигло 14,5 тысяч. Но откуда появились все эти храмы? Вот примерные цифры.

3,3 тысячи храмов оказались на территории СССР в результате присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики в 1939–1940 гг.

9,5 тысяч храмов было открыто при немецкой оккупации.

3,2 тысячи храмов оказались в Русской Церкви после воссоединения с ней украинских униатов в 1946 г. (К сожалению, это соединение зачастую осуществлялось не путем церковной проповеди, а путем государственного насилия.)

Несложно посчитать, что в Русской Церкви после 1946 г. должно было быть не 14,5 тысяч приходов, а около 16 тысяч. Объясняется это несоответствие тем, что еще в годы войны по мере изгнания оккупантов атеистическая власть закрывала храмы, открытые при немцах. Таких закрытых приходов к концу войны было около двух тысяч.

Храмы в середине 1940-х годов все-таки открывались Советским государством. Но таковых было совсем немного. При этом подавляющее число прошений об открытии церковью органами власти отклонялось. Более того, очень часто местные власти возвращали верующим здания церковей не в больших населенных пунктах, а в удаленных селах. Делалось это с расчетом на будущее закрытие – ведь в глухом селе храм легче закрыть, чем в городе или большом поселке.

Между собой вожди своих планов не скрывали. Председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов, разрешая открытие нескольких храмов в Вологодской области, написал на полях для своего начальства: «Потом закроем».

Еще одной особенностью русской церковной жизни послевоенных лет стало то, что большая часть приходов и монастырей оказалась в западных областях СССР. И если в некоторых украинских областях было по 400–500 храмов, то в областях Сибири, Поволжья и Дальнего Востока их количество порой не превышало четырех.

Что касается монастырей, то они также вошли в состав Русской Церкви вместе с западными областями либо были открыты при немцах. Причем закрывать их Советское государство начало уже в победном 1945 году. Если в 1945 г. монашеских обителей было 104, то в 1947 г. их стало 99.

Единственным монастырем, который действительно был передан государством Русской Церкви, была Троице-Сергиева лавра. Причем восстанавливать поруганный монастырь Церкви пришлось за свой счет. Патриархия даже строила дома, чтобы переселить проживавших на территории лавры городских жителей.

Троице-Сергиева лавра должна была служить витриной «свободного Православия» для иностранцев. Все другие попытки открыть монастыри оканчивались неудачей. Так, патриарх Алексей I пытался возродить женскую монашескую обитель в московском Новодевичьем монастыре и переселить сюда монахинь из Лесненского монастыря в Югославии. Но советское руководство не разрешило открыть монастырь, а югославские власти фактически выдворили монахинь из страны. В результате сестры уехали во Францию, где были приняты в Русскую Зарубежную Церковь.

То, что коммунистическая партия не изменила своей сути, было видно и на примере Болгарии.

Начиная с осени 1944 г. болгарское духовенство стало подвергаться арестам. Уже в первые дни после переворота было арестовано несколько болгарских архиереев. Массы священников и монахов оказались в концлагерях и тюрьмах. Всего за годы коммунистической власти в Болгарии было убито 120 священнослужителей. Различными репрессиям подверглось около 600 клириков Болгарской Церкви.

Самостоятельная и сильная Церковь новым болгарским властям была не нужна. Правительство стало вытеснять из школ преподавание Закона Божия. Параллельно с этим в том же 1944 г. была создана детская организация «Септемврийче», одной из целей которой было атеистическое воспитание молодежи. В 1945 г. утратил юридическую силу церковный брак.

Пришло время репрессий против русских эмигрантов. Выслеживали и, как правило, расстреливали прежде всего тех, кто воевал в эмигрантском корпусе на стороне немцев, хотя этот корпус никогда не участвовал в боях против России.

Но чекисты разыскивали в Европе не только тех, кто воевал против коммунистического государства с оружием в руках, но и своих старых врагов, участвовавших в Белом движении. Арестовывались порой и

совершенно невинные люди. Были случаи, когда старые офицеры кончали жизнь самоубийством, но не сдавались советским представителям. За молитвенной помощью люди нередко обращались к архиепископу Серафиму.

Духовная дочь архипастыря рассказывала об одном таком случае. Был арестован один из членов епархиального совета, и дело могло принять печальный оборот. Жена арестованного в отчаянии обратилась к архипастырю. Владыка горячо помолился Божией Матери, повернулся к женщине и твердым голосом сказал, что с ее мужем не случится ничего плохого. Через два дня стало известно, что у генерала, который вел дело и был очень суровым и жестким человеком, в России умер сын. Генерал покинул Болгарию, а на его место был назначен другой следователь, который вдумчиво подошел к делу и освободил арестованного²⁰.

Был и другой случай. Однажды к одной духовной дочери архипастыря приехала подруга, болгарка Анна М. Ее муж был русским эмигрантом, воевал в антисоветском корпусе и теперь разделил трагическую судьбу других арестованных. Тогда же местная власть конфисковала все их имущество. Женщина осталась одна, и жить ей было негде. Со своей скорбью она приходила к разным священникам, но никто не смог ее утешить. Она впала в отчаяние, хотела покончить с собой, выкрикивала хулы на Бога. Видя состояние своей подруги, духовная дочь владыки заставила сходить ее к архипастырю домой.

Было около восьми часов вечера. Когда женщины вошли, архиепископ читал молитвы, но прервал чтение, принял женщин, а затем попросил духовную дочь подождать за дверью. Сам архипастырь остался с Анной. Через десять минут он попросил духовную дочь войти. Войдя, та увидела, что Анна стоит на коленях, а слезы из ее глаз льются, как дождь. Лицо ее было другим – смягченным и умиленным. На прощание архиепископ сказал ей: «Не отчаивайся!»

Потом Анна поделилась с подругой, что архиепископ Серафим был первый, кто утешил ее. С тех пор она очень почитала его. А жизнь ее со временем наладилась. В 1950 г., когда готовилось открытие Покровского женского монастыря, она шила облачения и днем и ночью – в благодарность владыке.

Архипастырь помогал людям, хотя сам находился под угрозой ареста. Так что скорби, обрушившиеся на русскую общину в Болгарии, коснулись и его. Уже в сентябре 1944 г. начались визиты к нему сотрудника НКГБ майора Звонецкого. До иерарха дошли сведения о некоем распоряжении не трогать русских священнослужителей, за исключением случаев

антибольшевистских выступлений с их стороны. Тем не менее такие посещения были неприятны. «Матерь Божия, – записал архиепископ Серафим, – нельзя ли повелеть, чтобы енкаведиеры не ходили ко мне. Ох, мне это тягостно».

Одной из целей майора Звонецкого было добиться от иерарха добровольно перейти в Московский Патриархат. Посетитель доказывал владыке, что примирение между Церковью в Отечестве и Церковью за границей – дело самого ближайшего будущего. Со стороны казалось, что это действительно так. В конце войны очень многие заграничные архиереи были убеждены, что Зарубежный Синод прекратил свое существование, и активно присоединялись к Московскому Патриархату. Архиепископ Серафим все же не спешил принимать такое решение.

10 декабря в пять часов утра в квартире архипастыря на улице Велико Тырново и одновременно в Кокалянском монастыре был проведен обыск. Иерарх был убежден, что новая власть в живых его не оставит. Опасения имели под собой почву. Так, например, был арестован и заключен в тюрьму архимандрит Парфений. Хотя вины за ним не было, его продержали в заключении сорок дней. Оказался в тюрьме и митрополит Кирилл, будущий патриарх Болгарский.

Архиепископ Серафим понимал, что его дальнейшее пребывание вне единства с московской церковной властью невозможно. Как уже говорилось выше, он не испытывал личной вражды к иерархам Московской Патриархии, находился с ними в переписке, а митрополиту Сергию высылал свои сочинения. Поэтому было бы неправильно считать, что архиепископ Серафим в данном вопросе шел на сделку со своей совестью. Даже в частных разговорах архипастырь говорил, что оснований для разделения с Московским Патриархатом больше нет.

В 1944 г. почил Святейший Патриарх Сергей. Когда-то архиепископ Серафим колебался в вопросе признания его патриаршества. Теперь в своих письмах архипастырь всегда называл его патриархом.

Несмотря на государственный контроль, жизнь Русской Церкви после 1943 г. стала входить в рамки канонов. Патриарх Алексей был избран Поместным Собором с участием других Поместных Церквей. В Соборе приняли непосредственное участие три патриарха (Александрийский, Антиохийский и Грузинский), два представителя патриархов (Константинопольского и Иерусалимского), а также делегации Сербской и Румынской Церквей.

Другое дело, что, согласившись на объединение с Московским Патриархатом, архиепископ должен был заявить и о лояльности

Советскому государству. Иллюзий относительно коммунистов он не питал и прекрасно понимал, что давления со стороны атеистического государства он не избежит. И все же архипастырь пошел на эту жертву. По-видимому, он руководствовался следующим мотивом.

Оставить паству иерарх не мог, тем более что в архиепископе, как в молитвеннике и наставнике, нуждались многие. Неизвестно было и то, кого поставят вместо него. А потому ради паствы архиепископ готов был остаться в Болгарии и склониться под ярмо безбожной власти. Тем более что представители СССР не требовали от него явной просоветской деятельности и не заставляли идти на сотрудничество с госбезопасностью.

В середине февраля 1945 г. архиепископ Серафим направил приветствие Собору, созванному в Москве для избрания патриарха. Митрополиту Алексию, будущему патриарху, архипастырь передал свои книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией» и «Протоиерей С. Булгаков как толкователь Священного Писания».

Через полтора месяца в Болгарию прибыла делегация в составе четырех человек во главе с архиепископом Григорием (Чуковым). Делегация пребывала в Болгарии с 6 по 23 апреля. Архиепископ Григорий в письме патриарху охарактеризовал архиепископа Серафима как человека высоко духовного, уважаемого приходом, но «политически тупого». Мы не знаем, что имел в виду архиепископ Григорий. Скорее всего, московский посланник просто спасал своего собрата от возможных репрессий, объясняя его политическую позицию неведением.

Во время этого визита, 15 апреля, архиепископ Серафим направил патриарху Алексию письмо, где кратко излагал свою биографию, просил принять его в Московский Патриархат и оставить в Болгарии. Архиерей объяснял это тем, что он сроднился с паствой и должен заботиться о своем больном брате – архимандрите Сергии. Архипастырь просил также принять в Московский Патриархат и русское духовенство в Болгарии. Вместе с духовенством Русской Зарубежной Церкви в Московский Патриархат хотели перейти и некоторые пастыри, состоявшие в подчинении Болгарской Церкви, в том числе и протоиерей Всеволод Шпиллер.

А затем наступил период неопределенности. В течение полугода архиепископ не знал, какое решение приняли в Москве по его прошению. Ходатайствовать за архиепископа Серафима стал даже экзарх Болгарской Церкви Стефан (Шоков). Иерарх указывал на необходимость оставить архиепископа Серафима в Болгарии и подчеркивал его теплое и искреннее отношение к московской церковной власти. Только 30 октября 1945 г.

архиепископ Серафим и семь русских приходов в Болгарии были приняты в Московский Патриархат. Управление приходами поручалось архиепископу Серафиму с непосредственным подчинением Патриарху Московскому и всея Руси.

И все же отношение к архиепископу Серафиму в Москве было настороженное. Возможно, это было связано с сообщениями об антисоветских высказываниях архипастыря. Один из клеветников, например, писал, что архиепископ не поминал на проскомидии патриарха Алексия I и превратил русские приходы в «неприступные крепости контрреволюции». Но клеветник перестарался. В том же письме он, например, сообщил, что архипастырь «безобразно сокращал службы». Конечно, это обвинение в адрес такого ревнителя устава, как архиепископ Серафим, нельзя читать без улыбки, а само письмо воспринимать всерьез. Тем не менее Москву такие письма настораживали. Вплоть до апреля 1946 г. положение архиепископа Серафима в Патриархате рассматривали как временное.

Отношение к архиепископу изменилось после двух событий. Во-первых, в июне 1946 г. он получил советское гражданство, что успокоило государственную власть. Во-вторых, в мае 1946 г. Болгарию посетил патриарх Алексий. Здесь архипастыри смогли пообщаться друг с другом. К тому времени русская община вернулась в храм святителя Николая на бульваре Царя-Освободителя. Поврежденная при бомбардировках церковь была восстановлена, в Лазареву субботу освящена, а в Вербное воскресенье здесь состоялось первое после долгого перерыва архиерейское богослужение.

22 мая, в праздник перенесения мощей святителя Николая, патриарх совершил литургию в Никольском храме. Патриарху сослужил сонм архиереев, в числе которых был и архиепископ Серафим. На этом богослужении архипастырь произнес проповедь.

– Двадцать пять лет, – сказал архиепископ Серафим, – мы были в разобщении с матерью нашей – Церковью Российской. Но это разобщение было чисто внешним явлением, ибо в сердцах наших было полное единение с вами, со всеми братьями нашей Родины, с теми, которые признают Патриаршую Церковь в России. С нами было то, что наблюдается на поверхности и в глубине океана. На поверхности его от внешних и случайных причин бывают различные течения, а в глубине океана идет всегда и неизменно одно течение. Так в глубине нашего существа, в глубине наших сердец было и есть неизменное стремление к матери нашей Церкви, Церкви самой великой и славной среди всего

прочего мира, – к Церкви кристально чистой по вере православной. В этом отношении мы всегда были с вами.

Архиепископ говорил, что Церковь в Отечестве чиста, в ней нет ересей. А следовательно, оснований для разделения больше нет.

И еще одно важное дополнение.

Некоторые иерархи, перешедшие в Московский Патриархат из Русской Зарубежной Церкви, впоследствии отрицательно отзывались о ней. Иначе повел себя архиепископ Серафим. До конца дней своих иерарх не издал ни одного послания, не написал ни одной статьи против Русской Зарубежной Церкви, к которой когда-то принадлежал.

Глава 2. Не допустить отступничества

Не помогай диаволу в распространении его царства.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Знойный летний день 1947 года. В городе Сливене проходит обычное, на первый взгляд, событие – местный священник служит молебен о даровании дождя.

Протяжное пение хора перемежается с возгласами священника. Сосредоточенные лица местных жителей. Жаркое солнце...

Но что это? Лишь протиснувшись через ряды можно заметить, что вместе с православным священником «служат» протестантский пастор, раввин и мулла!

Мираж? Нет, все участники молебна живые люди, а не призраки. Но как тогда объяснить происходящее? Ведь если можно молиться с теми, кто отвергает Христа, то, значит, можно спастись и без Него? Так для чего тогда Евангелие? И разве кто-то отменил идущий с апостольских времен категорический запрет на совместные молитвы не только с нехристианами, но и с теми, кто неправо учит о Христе?

Вопросы возникли в тот день у многих. Да и не только вопросы, но и глубочайшее возмущение. Сведения о произошедшем дошли и до Софии. Архиепископ Серафим, узнавший о сливенском молебне, был потрясен. Но что мог сделать архипастырь, тем более что многие болгарские иерархи попросту постарались не заметить произошедшего. Свою скорбь осталось излить в письме патриарху Алексию I...

Серьезной проблемой Православной Церкви в XX в. стали границы экуменического общения. Термин «экуменизм» произошел от греческого слова «ойкумена» – «обитаемый мир, вселенная». Экуменическое движение выступило за сближение христианских церквей и зародилось в протестантских кругах. То, что это движение возникло именно среди протестантов, было естественно. К XIX в. они разделились на такое большое количество течений, что начали искренне считать, будто истина равномерно разлита по всем конфессиям. Тем более, что протестантов между собой действительно сближало многое – отсутствие духовенства и Таинств, отказ от почитания Божией Матери и святых, отвержение икон. Если бы экуменическое движение осталось внутренним протестантским явлением, оно до сих пор было бы известно лишь специалистам по сравнительному богословию. Но экуменическое движение вылилось за эти

рамки.

Изначально Православная Церковь восприняла экуменизм как возможность спокойного диалога и проповеди. Опыт диалога с инославием уже был и у Русской Церкви. Было четкое понимание того, что можно, а что нельзя в общении с инославными. В беседах с неправославными христианами участвовали достойные архипастыри, и иногда этот путь приносил плоды.

В конце XIX в. Российская Церковь вела переговоры с закавказскими несторианами. Профессор В.В. Болотов составил для них специальное исповедание, устроившее обе стороны. Переговоры завершились присоединением этой группы к Православной Церкви.

До революции действовало общество Англиканско-Восточного сближения, в работе которого активно участвовал святитель Агафангел (Преображенский). Делегации англикан посещали Россию, с ответным визитом в Лондон приезжал владыка Антоний (Вадковский), будущий митрополит Санкт-Петербургский. Велся диалог и со старокатоликами. В переговорах с ними принимал участие учитель владыки Серафима архиепископ Феофан (Быстров).

Этот путь был принят и в Русской Зарубежной Церкви. Ее представители участвовали в торжествах, посвященных 1600-летию Первого Вселенского Собора, организованных Англиканской Церковью. Глава Зарубежной Церкви митрополит Антоний в рамках торжеств присутствовал на англиканских богослужениях.

В начале 1930-х гг. Зарубежная Церковь рассматривала вопрос о принятии в Православие группы литовских римо-католиков. В 1932 г. Архиерейский Собор назвал условия присоединения, которые касались, в основном, догматов и не затрагивали обрядовых особенностей.

В 1935 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви обсуждал вопрос о соединении с группой сирийцев-монофизитов и не исключил, что если они примут постановления семи Вселенских Соборов, то с ними возможно единство. На том же Соборе Зарубежная Церковь разрешила взаимодействие с инославными в деле борьбы с безбожием и коммунизмом.

Перед Второй мировой войной Русская Зарубежная и Сербская Церкви вели диалог с Малабарской церковью Индии, которая формально является монофизитской. По поручению Синода два русских архиерея встречались с малабарцами. К диалогу подключился и сербский митрополит святитель Досифей (Васич). Архипастыри пришли к выводу, что малабарское исповедание по существу было православным.

Надо обратить внимание, что путь диалога не отрицал и владыка Серафим. Пред лицом грозившего миру коммунистического безбожия архипастырь был готов идти с инославным миром на контакты. Возглавляемый епископом Серафимом Миссионерский отдел Карловацкого Собора 1921 г. рекомендовал создать общехристианский антикоммунистический фронт.

Архиепископ принимал участие и во всех указанных выше Соборах Русской Зарубежной Церкви, приветствовавших переговоры с инославными. Никаких протестов против богословского диалога с его стороны не было.

К сожалению, с течением времени отношения с инославным миром стали нередко выходить за рамки канонов. Владыка Серафим видел это и жестко реагировал на случаи, когда общение с неправославным миром заходило слишком далеко. Еще в 1933 г. архипастырь направил в Архиерейский Синод два письма с протестом против участия архиепископа Нестора (Анисимова) в межрелигиозной конференции по борьбе с неверием. Владыка Серафим обратил внимание на то, что на этом мероприятии планировалась совместная молитва не только с инославными, но и с мусульманами, иудеями и язычниками. В 1934 г. архиепископ Серафим поднял этот вопрос на Архиерейском Соборе. Настойчивая позиция иерарха привела к тому, что Русская Зарубежная Церковь решила не посылать на конференцию своих представителей.

В послевоенные годы архиепископу Серафиму пришлось вновь столкнуться с этой проблемой. Ситуация в Болгарской Церкви была особенно сложной. Архиепископ глубоко скорбел от того, что в Болгарии общение с инославием иногда граничило с отступничеством. Сливенский молебен был не единственным печальным случаем. Архипастырь сообщал патриарху Алексию I, что в Болгарии созывались съезды болгар-протестантов. Участники этих мероприятий не скрывали, что преследуют цель усилить протестантскую пропаганду среди православных. Несмотря на это, некоторые архиереи Болгарской Церкви присутствовали на съездах и даже благословляли их участников.

А вот еще один случай, дошедший до нас благодаря переписке патриарха Алексия I и архиепископа Серафима. Протестантский пастор в одно из воскресений организовал служение молебна о даровании дождя. Местный митрополит отправил на это мероприятие свой хор. Певчие пели молебен, в то время как в православном соборе литургия шла без хора.

Позиция архиепископа Серафима в тот момент совпала с позицией патриарха. Дело было в том, что советское руководство, стремясь к

контролю над Балканами и Ближним Востоком, планировало задействовать в своей политике и Московский Патриархат. Влиять через него на Поместные Церкви, создать в Москве некий «Православный Ватикан» – эти идеи в первые послевоенные годы были весьма популярны.

Но серьезным препятствием к осуществлению этого проекта был Константинополь, контролируемый Западом. Активное участие Вселенского Престола в экуменическом движении вынудило Совет по делам РПЦ занять неприязненную позицию в отношении к экуменизму. Кроме того, партийные чиновники считали, что экуменическое движение имеет антикоммунистический характер. Неудивительно, что вопрос об экуменизме на предстоящем Всеправославном Совецании был одним из главных.

Чтобы показать приоритет Русской Церкви в православном мире, Советское государство хотело организовать в Москве Все-православный Собор. Но поскольку Восточные Церкви никогда не признали бы Собор, созданный через голову Константинопольского патриарха, пришлось ограничиться Совецанием, которое и состоялось в июле 1948 г.

Советское государство в принципе подготовило ответы на обсуждавшиеся вопросы. Однако было велико опасение, что со стороны Поместных Церквей, еще не привыкших к государственному контролю, начнутся протесты. Особенно опасались в Москве выступлений экзарха Болгарской Церкви митрополита Стефана (Шокова). В своих письмах он убеждал патриарха Алексия I, что участие в экуменическом движении нужно и полезно.

Путем политического давления (вплоть до обещаний патриаршего титула) Москве все-таки удалось добиться того, что митрополит Стефан отказался от выступлений в защиту экуменизма. Но в Совете по делам РПЦ ему не верили и всерьез опасались, что на совещании он устроит «диверсию».

Именно на этот случай и было решено подготовить встречное выступление на антиэкуменическую тему. Патриарх Алексий I предложил пригласить на совещание архиепископа Серафима, который и должен был сделать такой доклад. Выбор патриарха понятен. Во-первых, архиепископ Серафим был человеком с дореволюционным богословским образованием. В Русской Церкви после репрессий 1930 – начала 1940-х гг. таковых было очень мало. Во-вторых, архипастырь был известен своей антиэкуменической позицией, в которой Святейший убедился из его писем. В-третьих, архиепископ Серафим, как старый русский архиерей, пользовался уважением в православном мире. В-четвертых, этот иерарх

хорошо знал церковную ситуацию в Болгарии.

Кроме доклада об экуменизме, архипастырю было поручено подготовить доклады о новом и старом стиле, а также об англиканской иерархии.

Архиепископ Серафим начал готовить доклады и собираться в дорогу.

Глава 3. Царский путь

Благодарю Господа и святую мать мою, Церковь, непорочную и нетленную Невесту Христову, что она указала, уравнила, уладила мне верный путь ко спасению, отсеки на Соборах Вселенских и Поместных все ереси и расколы, которые могли служить крайним преткновением и препятствием ко спасению.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Отступления от Православия, которых в истории было немало, часто возникали из благих побуждений, по причине излишней ревности. Видя нарушение или ересь, человек с нецерковным сознанием бросался в противоположную крайность и приносил Церкви новое лжеучение.

В V в. возникла ересь Нестория, который учил, что во Христе было две личности – человеческая и Божественная. Церковь дала на эту ересь взвешенный ответ – во Христе одна Личность и две природы. Но некоторые «защитники» Православия, критикуя Нестория, пошли дальше и дошли до полного отрицания во Христе человеческой природы, оставляя за Ним лишь природу Божественную. Так возникла ересь монофизитства.

Три века спустя, видя неправильное поклонение иконам (некоторые носили их на одежде, брали в «восприемники» при крещении и т. п.), ревнители стали выступать против почитания икон вообще. Так появилась ересь иконоборчества.

Сколько бед принесла Святой Церкви такая ревность не по разуму!

В отличие от лжеучителей, Православная Церковь всегда шла срединным, царским путем, отвергая и обличая ереси, но не впадая при этом в ереси-антиподы.

Все это понимал и архиепископ Серафим.

Архипастырь не был в Москве 29 лет...

Можно только догадываться, какие чувства охватили иерарха, помнившего величественный храм Христа Спасителя, Казанский собор, Страстной монастырь, Иверскую часовню и еще множество храмов, снесенных за эти годы.

– Нет ни одной пяди земли неоскверненной, – сказал владыка сопровождавшему его протоиерею Всеволоду Шпиллеру.

Но надо было помнить о цели приезда и выступить с докладами.

Вообще государство в экуменическом вопросе не было союзником для архипастыря. Для советского руководства экуменизм сам по себе не был

врагом, и в первые послевоенные годы оно выступало против него лишь из-за того, что за этим движением стоял западный мир. Суть экуменизма была коммунистам непонятна, как непонятна и вера в Бога. И если вдруг инославные и даже нехристиане начинали восторгаться социалистическим строем, его вожди ничуть не возражали против совместных мероприятий. Подтверждением тому стала конференция в защиту мира в мае 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре. В ней приняли участие не только представители христианских исповеданий, но также иудеи, мусульмане и буддисты, которые посвятили минуту совместной «безмолвной молитве». А спустя некоторое время государство приветствовало вступление Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей.

Но все это произойдет уже после смерти архиепископа Серафима.

А пока вернемся в 1948 год. Доклады архиепископа Серафима на Московском совещании были яркими и содержательными. Что касается экуменического движения, то участие в нем Православной Церкви для иерарха представлялось невозможным.

Архипастырь настаивал на том, что спасение возможно только в Церкви, в то время как экуменическое движение подразумевает равенство участвующих сторон. Если это допустимо для протестантов, то для Православной Церкви совершенно неприемлемо. Указывая на мнение некоторых церковных деятелей, что инославные тоже являются членами Тела Христова, иерарх отмечал, что такое понимание полностью противоречит догмату о Церкви. Архиепископ Серафим был убежден, что сторонники экуменического движения не имеют о Церкви правильного понятия. Ведь она на Вселенских Соборах всегда отсекала от себя тех, кто искажает догматы. И заявлять, что отлученные продолжают находиться в Церкви, для архипастыря означало непризнание ее авторитета. Единство Церкви означает единство тех, кто верит правильно, а не единство с теми, кто исказил ее учение.

Иерарх обращал внимание, что на экуменических собраниях никогда не поднимался вопрос о соединении инославных с Церковью. Вместо этого все сводилось к идее о равной спасительности богословских теорий всех участников и о сохранении этих лжеучений.

Из сочинений архипастыря видно, что он понимал под словом «экуменизм». Для архиепископа Серафима это, прежде всего, учение о равной спасительности религий, стремление к созданию «сверхцеркви», отказ от обличения ересей, объединение с инославными сообществами путем компромиссов. Ярким проявлением экуменизма для архиепископа Серафима были прежде всего совместные богослужения с инославными.

В экуменическом движении архипастырь видел маскировку для религиозного равнодушия и глобальную опасность для христианства. Экуменическая идея, по мнению иерарха, вытесняет взгляд на Православие как на единственную истинную Церковь. Архиепископ был убежден, что структуры, подобные Всемирному Совету Церквей, ИМКА и т. п., внешне доброжелательные к Православию, на самом деле препятствуют ему и внедряют мысль, что Православная Церковь – всего лишь одна из «ветвей» единого «древа религий». Вообще иерарх отрицательно относился к таким выражениям, как «Всецерковная конференция», «собрание христианских Церквей» и проч.

И все же позиция архипастыря не означала его отказа от богословского диалога. Вне всякого сомнения, понятия «богословский диалог» и «экуменизм» не были тождественными для иерарха, что представляется естественным. Архипастырь, возвращенный русской богословской школой, относился к диалогу как к нормальному явлению. Такого мнения он придерживался, пребывая в лоне Русской Зарубежной Церкви, и не изменил его в послевоенные годы. Так, например, он не возражал против того, что на совещании 1948 г. присутствовали представители Армянской Церкви, не признающей четыре Вселенских Собора. Патриарх и католикос всех армян Георг VI сидел в президиуме вместе с патриархом Алексием I и главами Поместных Церквей. Представители Армянской Церкви подписали также некоторые документы, принятые на совещании.

Доклад об англиканской иерархии, прочитанный архиепископом Серафимом на совещании, показывает, что к переговорам с инославными он был готов. Такой диалог архипастырь считал оправданным, если представители неправославной конфессии заявляли об искреннем желании приблизиться к истине. По этой причине архиепископ Серафим тепло отзывался о тех англиканах, которые были согласны на серьезный богословский диалог с Православной Церковью. Позицию Русской Церкви в беседах с англиканами архиепископ также оценивал положительно.

По мысли владыки, Православная Церковь должна сделать все возможное для единства и даже пойти навстречу в вопросах, которые не были принципиальными. Но вот в ключевых вопросах иерарх отступить не мог. Диалог, подразумевающий для православных хотя бы малейшее отступление от веры, был для архипастыря недопустим и воспринимался как оскорбление Церкви. «В вопросах веры его не сдвинешь», – вспоминала об иерархе монахиня Касиния.

Проблему Англиканской Церкви архиепископ Серафим видел в наличии у нее разных течений, в том числе и крайних протестантских. В англиканстве существует «Высокая», «Низкая» и «Широкая» Церкви, чьи позиции в отношении Православия расходятся. В некоторых течениях протестантские идеи очень сильны.

Другим препятствием для возможного единства архиепископ считал факт непризнания англиканами Таинства священства, как и всех остальных Таинств, кроме крещения и евхаристии. Архипастырь с такой позицией не соглашался. «Все семь Таинств одинаково Божественны и необходимы для спасения», – утверждал он.

В своем докладе архиепископ Серафим отметил, что сомневается в возможности признания англиканской иерархии и считает, что англикан лучше всего рукополагать заново. Но, предполагая, что англиканское духовенство не согласится на перерукоположение, иерарх в том же докладе соглашался ради икономии признать их священные степени и принимать в Православие через покаяние.

И все же архипастырь понимал, что настрой англикан далек от Православия. Иерарх напоминал, что они спокойно вели диалог о соединении и с римо-католиками, и с протестантами. А размытая система воззрений приводила некоторых англикан к крайне смелым и даже антихристианским заявлениям вплоть до отрицания Воскресения Христова.

Отношение архиепископа Серафима к инославным христианам было обусловлено степенью их верности Преданию, а отношение к переговорам – их искренним стремлением к истине. И критика экуменизма со стороны иерарха не касалась богословского диалога, если он был продуманным и честным. Архипастырь следовал ко спасению царским путем.

Глава 4. Календарная смута

Повиновение Церкви чад ее должно начинаться совершенным доверием ее молитвам, Таинствам и обрядам и оканчиваться исполнением на деле всех ее законоположений.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

– Долой Мелетия! Вон его!..

Крики разгоряченной толпы огласили Стамбул. Сотни греков рвались к зданию Патриархии, намереваясь разобраться с патриархом Мелетием (Метаксакисом). Вышедший к толпе иерарх не смог ничего сказать – его начали бить. Патриарх был вынужден укрыться в здании. Делегация, допущенная к нему, потребовала немедленно покинуть страну. На размышление было дано две минуты. Тут же была принята резолюция, объявляющая патриарха низложенным.

Так летом 1923 г. бесславно закончилось управление Константинопольской Церковью патриарха Мелетия. Но что стало причиной народного возмущения? Причин было две. Жившие в Стамбуле греки опасались, что патриарх своей политикой провоцирует турок на репрессии. Но была и другая причина. Именно патриарх Мелетий стал идеологом календарной реформы, которая на долгие десятилетия расколола православный мир...

Календарный вопрос в XX в. был весьма актуальным. Издревле Православная Церковь жила по юлианскому календарю, принятому и государствами Европы. Положение изменилось в 1582 г., когда Римско-католическая Церковь перешла на новый, более точный календарь, названный «григорианским» по имени папы Григория XIII. Разница этого календаря с юлианским в XX в. составляла 13 дней.

В принципе римо-католический календарь не интересовал бы православных, если бы на григорианский стиль не перешли западные государства. Христианские праздники в этих странах стали отмечаться по григорианскому календарю. Проживающим здесь православным приходилось нелегко. 7 января, когда Церковь празднует Рождество Христово, они были вынуждены идти на работу. Зато 25 декабря был выходной день, католики и протестанты шли в храмы, а православным некуда было податься. В результате некоторые православные христиане, чтобы занять себя в нерабочие дни, начинали посещать католические и протестантские службы, что грозило отпадением от Православия.

С этим сталкивались не только русские эмигранты, но и представители греческой, сербской, арабской и других диаспор. Проблема коснулась и некоторых территорий Российской империи, например Финляндии. Календарь здесь оставался григорианским, европейская практика была принята и в отношении нерабочих дней. Чтобы воспрепятствовать посещению православными лютеранских и католических храмов, Святейший Синод в 1917 г. разрешил Финляндско-Выборгской православной епархии совершать богослужения по григорианскому календарю.

Календарный вопрос надо было решать. Главная трудность, однако, была в том, что еще в XVI в. римо-католический календарь был осужден Православной Церковью как еретический, а его приверженцы анафематствованы. Настораживало и то, что сторонники нового стиля зачастую не скрывали своего желания перейти на григорианский календарь ради сближения с инославным миром, в ущерб православной вере. В январе 1920 г. появилось Окружное послание патриаршего местоблюстителя Константинопольской Церкви, где говорилось о необходимости принятия нового календаря. Здесь же высказывалась мысль, что диалог с инославными должен привести со временем к воссоединению всех церквей.

Ситуация накалялась. Выяснилось, например, что григорианский календарь не был столь точным, как это казалось когда-то. Новый стиль грозил Церкви и другими проблемами. Дело в том, что помимо неподвижного календаря Церковь использует подвижную пасхалию. Введение в Православной Церкви нового календаря при сохранении православной пасхалии приводило к серьезному беспорядку в богослужебной практике.

Принятие же римо-католической пасхалии привело бы к тому, что Пасха в некоторые годы вопреки канонам стала бы праздноваться одновременно с иудеями.

Конечно, эти вопросы можно и нужно было обсуждать. Но делать это должен был весь православный мир. К сожалению, такого обсуждения не было. Занявший Константинопольскую кафедру бывший архиепископ Афинский и всея Эллады Мелетий решил форсировать события. Именно при нем часть православного мира и ступила на путь календарной реформы. Сам Мелетий почти одновременно с избранием на Константинопольскую кафедру был лишен сана Элладской Церковью.

Однако под давлением государства прецедент было снято. Связано это было с поддержкой архиепископом Мелетием идеи восстановления

Византийской империи. Надо отметить, что и премьер-министр Греции Е. Венизелос, и архиепископ Мелетий понимали это восстановление своеобразно. Оба соглашались пожертвовать чистотой Православия и сблизиться с англиканами ради политической и военной помощи Великобритании. Неудивительно, что идея освобождения Константинополя, замешанная на отступничестве, не могла осуществиться. Греция потерпела поражение от турок, и от «великой идеи» ей пришлось отказаться.

В мае 1923 г. патриарх Мелетий организовал мероприятие, громко названное «Всеpravославным конгрессом». По сути это было частное собрание небольшой группы священнослужителей и мирян, некоторые из которых даже не имели официальных полномочий от своих Поместных Церквей. Патриарх на этом мероприятии был только один – сам Мелетий. Документы конгресса подписало всего десять человек: шесть архиереев (от Константинопольской, Сербской, Элладской, Кипрской и Русской Зарубежной Церквей), два архимандрита (от Румынской и Константинопольской Церквей) и два мирянина.

Конгресс рассматривал такие вопросы, как переход на новый календарь, сокращение постов и богослужений, введение женатого епископата, разрешение второго брака для вдовых священнослужителей. Кроме того, патриарх Мелетий хотел добиться для себя исключительного права ставить архиереев в неправославные страны.

Конгресс постановил с 1 октября 1923 г. временно, до выработки более совершенного календаря, перейти на новоюлианский календарь (во многом совпадающий с григорианским), сохранив прежнюю пасхалию. Принятие нового стиля или отказ от него ставились в зависимость от решения той или иной Поместной Церкви. Еще одно постановление конгресса фактически разрешало священникам вступать в брак после хиротонии, а также жениться вдовым священнослужителям. Но «брачная реформа» в практику так и не вошла.

В целом православный мир не посчитал конгресс авторитетным мероприятием. В конгрессе не участвовали восточные патриархи – Александрийский Фотий, Антиохийский Григорий и Иерусалимский Дамиан. Об определениях конгресса все они высказались отрицательно. Не принял нововведений и Московский Патриархат, представители которого также не были на константинопольском собрании. Что касается Русской Зарубежной Церкви, то на мероприятие прибыло два ее представителя. Но один из них, архиепископ Анастасий (Грибановский), покинул собрание и его определений не подписывал. Другой делегат,

архиепископ Александр (Немоловский), постановления конгресса подписал, но подпись его была аннулирована Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви 1923 г. Этот же Собор отверг модернистские решения конгресса. Глава Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) отзывался об организаторах конгресса очень жестко: «Ясно, в Константинопольскую Патриархию вошла еретическая шайка во главе с Мелетием: мудрено ли? Ведь Македоний, Несторий, Пирр, Сергей, Павел и Петр были патриархи и еретики, даже ересиархи».

Народное возмущение в Константинополе привело к уходу патриарха Мелетия со своего поста. Однако новый стиль Константинопольская Церковь все-таки приняла – уже при следующем патриархе, Григории VII (Зервудакисе). Тогда же новый календарь приняли Румынская, Кипрская и Элладская Церкви.

Деятельность самого патриарха Мелетия не прекратилась. Некоторое время он жил на Афоне. Здесь он дождался смерти Александрийского патриарха Фотия. А затем произошло беспрецедентное в церковной истории событие – в 1926 г. бывший глава Элладской Церкви, бывший глава Константинопольской Церкви стал патриархом Александрийским. Получив этот пост, патриарх Мелетий начал проводить свои реформы и здесь. Так и в Александрийской Церкви был введен новый календарь.

Патриарх Мелетий на этом не остановился. После смерти патриарха Дамиана он попытался занять и Иерусалимскую кафедру. Но избрание не состоялось, и самая древняя из Поместных Церквей избежала реформы. А вскоре, 28 июля 1935 г., патриарх Мелетий умер.

Естественно, что календарная реформа, принятая неавторитетным «конгрессом» и зачастую внедряемая в Поместных Церквях путем насилия, привела к разделению среди православных. Все Церкви, перешедшие на новый календарь (к ним впоследствии добавилась и Антиохийская), получили свои старостильные расколы. Отделившиеся предпочитали служить по старому календарю.

Как относиться к новой пасхалии и новому календарю, нужно ли вводить его в остальных Поместных Церквях, возможно ли сослужение с представителями новостильных Церквей – все эти вопросы оставались актуальными. Поэтому календарная проблема была вынесена на обсуждение Московского совещания 1948 г.

Один из главных докладов, посвященных календарю, был прочитан архиепископом Серафимом. Являясь противником нового календаря, архипастырь обращал внимание на вред, который он несет.

Архиепископ Серафим указывал на тот факт, что римо-католиками

была нарушена пасхалия, вследствие чего Пасха в Римско-католической Церкви стала совершаться либо одновременно с иудейской пасхой, либо до нее. В этом иерарх видел прямое нарушение канонов, в том числе постановлений апостольских и решений Вселенских Соборов. Архипастырь указывал, что в древности четыредесятников, праздновавших Пасху в один день с иудеями, принимали в Церковь как еретиков, причем не через покаяние, а через миропомазание.

Принятие нового стиля в «компромиссной форме» (сохранение православной пасхалии, но использование при этом нового календаря для неподвижных праздников) иерарх также считал недопустимым – ведь это доставит Церкви целую массу проблем.

Разве не будет путаницы в уставе? Архиепископ Серафим прямо говорил, что многие его главы станут ненужными, что православные никогда больше не встретят Кириопасху – редкое и торжественное событие, празднуемое при совпадении Пасхи и Благовещения. Указывал архипастырь и на то, что в случае принятия нового стиля в некоторые годы день всех святых будет отмечаться после дня Петра и Павла, а значит в такие годы не будет Петровского поста, известного с древности.

Но дело для архиепископа было не только в путанице. Иерарх отмечал, что Типикон, или Устав, освящен авторитетом древних отцов (например, преподобного Саввы Освященного) и исключение из него целых глав будет непослушанием Церкви.

Архипастырь обращал внимание, что Церковь неоднократно осуждала новый календарь. В 1582 г. он был осужден Вселенским патриархом Иеремией II и Синодом. В 1583 г. Собор восточных патриархов не только осудил новый календарь, но и анафематствовал тех, кто его придерживается. В последующие века восточные патриархи неоднократно осуждали новый стиль. Всех этих осуждений и анафем никто не отменял.

Наконец, архипастырь отмечал несовершенство нового календаря. Здесь архиепископ ссылался на целый ряд авторитетов и прежде всего на В.В. Болотова, который в свое время доказал, что календарная реформа ничем не оправдана.

Итак, по мнению архипастыря, переход на новый календарь невозможен.

Но для нас важен не только взгляд архиепископа Серафима на календарную реформу, но и его отношение к разделениям, которые возникали на почве ее неприятия.

Вопрос этот стал особенно актуальным после того, как в 1968 г. под давлением атеистических властей на новый календарь перешла еще одна

Церковь – Болгарская.

Как и повсюду в мире, календарная реформа в Болгарской Церкви привела к появлению множества проблем. Категорически против реформы выступили некоторые ученики архиепископа Серафима – архимандриты Пантелеимон (Старицкий), Сергей (Язарджиев) и Серафим (Алексиев). Отказался переходить на новый календарь и Покровский монастырь в Княжеве.

При этом не менее авторитетные пастыри и духовные чада архиепископа Серафима, такие как епископ Парфений и архимандрит Мефодий (Жерев), решили не идти на конфликт из-за нового календаря.

Для нас очень важен вопрос – как повел бы себя архиепископ Серафим, если бы дожил до всех этих печальных событий? Допустил бы он раскол на этой почве?

Можно уверенно сказать, что нет.

Православная позиция архиепископа Серафима никогда не приводила его к крайним шагам и, тем более, к оправданию разделений. Архипастырь имел четкое представление о том, что для Церкви главное, что – второстепенное, ради чего нужно стоять до смерти, а с чем можно смириться. Такое понимание было у святого патриарха Тихона, который не видел ереси в новом календаре и допускал его принятие, о чем писал Константинопольскому патриарху Герману в 1919 г.

В Русской Зарубежной Церкви, к которой до 1945 г. принадлежал архиепископ Серафим, отношение к календарной проблеме было взвешенным и осторожным. Приверженцам старого стиля, отвергавшим новый календарь, Синод безусловно симпатизировал. Под покровительство Синода были, например, приняты старостильные бессарабские приходы в Румынии. Позиция греческих иерархов, выступавших против введения нового стиля, также встречала у Зарубежного Синода поддержку.

При этом Зарубежный Синод все же был далек от крайностей и не считал новостильные Церкви еретическими. Примеров спокойного отношения Зарубежного Синода к новому календарю достаточно. Глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий), несмотря на свою приверженность старому стилю, считал, что разделения на этой почве недопустимы. Во время календарной смуты в Валаамском монастыре (1921) митрополит писал братии, что ей лучше перейти на григорианский календарь и даже принять западную пасхалию, чем отделяться от Церкви. В последующие годы митрополит Антоний допускал сослужение с представителями Церквей, перешедших на новый

стиль.

Допустимость евхаристического общения с новостильными Церквями выражалась и на официальном уровне.

В 1930 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви разрешил служить по новому стилю своему духовенству в Южной Америке. Причиной было то, что на новый календарь перешли проживавшие здесь греки и арабы.

В 1931 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви признал возможным сослужение с клириками новостильных Церквей, если в них была сохранена православная пасхалия.

На этих Соборах присутствовал и владыка Серафим, и нет никаких сведений, что он возражал против принятых решений.

Наконец, Московское совещание 1948 г. постановило, что разница в календаре не может быть оправданием для разделения и каждая Поместная Церковь вправе сама выбирать, по какому стилю праздновать неподвижные праздники. Очень важно, что архиепископ Серафим, несмотря на отрицательное отношение к новому календарю, признал решение совещания.

Пребывание архипастыря сначала в Русской Зарубежной Церкви, а затем в Московском Патриархате, которые находились в общении с новостильными Церквями, дает все основания утверждать, что единство Церкви было для архипастыря важнее календаря.

В этом были уверены ученики архиепископа Серафима – епископ Левкийский Парфений и протоиерей Всеволод Шпиллер. Оба были уверены, что он не одобрил бы поведение тех, кто отделяется от Церкви на почве календарных споров.

«В процессе обсуждения любого вопроса, – писал епископ Парфений, – владыка бы стоял на своей известной позиции, но после окончательного решения немисливо допустить, чтобы он позволил себе уйти в раскол. Он бы поступил так: просил бы указания у Московской Патриархии, и оттуда бы ему ответили – сообразиться с календарем Поместной Церкви. При таком положении, если бы он ослушался своей юрисдикции, он бы сделал раскол не только от Болгарской Церкви, но и от своей Московской Патриархии. А это немисливо для владыки Серафима».

Очень важен еще один факт. Архиереи Болгарской Церкви нередко позволяли приходам самим выбирать, по какому календарю служить. В 1971 г. Святейший Патриарх Максим разрешил Покровскому Княжевскому монастырю служить по старому стилю при условии отказа от проповеди старого календаря за пределами обители. Впоследствии

патриарх Максим неоднократно давал устное благословение некоторым клирикам служить по старому стилю. В Болгарской Церкви до сих пор имеется немало приходов, где служба совершается по юлианскому календарю, и в раскол они уходить не собираются.

Более того, даже ревностные приверженцы старого стиля понимали, что календарь не является основанием для разделения. До 1980-х гг. противники нового календаря поминали на службах Болгарских патриархов, то есть еретиками их не считали.

Клирик Болгарской Церкви протоиерей Марий Димитров вспоминает, как обратился к архимандриту Серафиму (Алексиеву) с вопросом, где принимать священство – в новостильной или старостильной Церкви.

– Пусть Господь Сам покажет тебе Свое благословение, – кратко ответил ученик архиепископа Серафима.

Вообще уход из Болгарской Церкви Покровского монастыря и некоторых приходов состоялся только в 1980-е гг. и был связан не столько с календарем, сколько с экуменической проблемой.

Но вернемся к наследию архиепископа Серафима. Мнение молитвенника и чудотворца, обличившего календарную реформу, без сомнения, вошло в сокровищницу апологетической мысли. Но не менее важно и другое. Жизнь иерарха, его поступки показывают, что единство Церкви было для него выше календаря.

Глава 5. Соленая соль

Не бойся лишений телесных, бойся лишений душевных.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Вы – соль земли, – говорил Спаситель Своим ученикам. – Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще (Мф.5:13).

Прошли века, многое изменилось. И в 1913 г. святитель Макарий (Невский) с глубокой скорбью отмечал, что священники потеряли «силу соли», увлеклись житейскими делами и махнули рукой на растущее в народе сектантство, пьянство и неверие.

Некоторые священнослужители оправдывались тем, что их «душил» строй церковно-государственных отношений, будто бы не позволявший развиваться добрым начинаниям. Можно ли с этим согласиться? Наверное, нет. Во все века, вплоть до самой революции, было немало пастырей, которые своим примером показывали, что духовное горение преодолевает любые препятствия.

Архиепископу Серафиму пришлось намного сложнее. Последние четыре с половиной года его земной жизни пришлось на период болгарской «народной демократии», когда все церковные инициативы государством не просто тормозились, а подавлялись на корню. Но, несмотря на это, архипастырю удалось сделать для Церкви очень многое. И это не может не восхищать...

Летом 1948 г. патриарх Алексий I планировал назначить архиепископа Серафима в Париж. До этого времени французскими приходами Московского Патриархата управлял митрополит Серафим (Лукьянов). Популярностью у паствы этот архиерей не пользовался. Это объясняется тем, что раньше он находился в Русской Зарубежной Церкви и вел себя очень агрессивно в отношении московской церковной власти. Кроме того, в годы войны он активно поддержал Германию. А это серьезно ухудшило отношение к нему и французского правительства, и простого народа.

Чтобы исправить ситуацию, патриарх решил отправить во Францию архиерея праведной жизни, авторитетного и не сотрудничавшего с немцами. Выбор пал на архиепископа Серафима (Соболева). Осенью 1948 г. он уже начал собираться в дорогу. Архипастырь просил разрешения взять с собой архимандрита Пантелеимона, протоиереев Андрея Ливена, Николая Ухтомского и иеродиакона Николая (Шелехова). Но советское

руководство архипастырю не доверяло. Его пожелание взять с собой близких людей Совет по делам РПЦ расценил как подготовку к бегству из социалистической Болгарии. Вспомнили в Москве и монархические идеалы иерарха. В декабре 1948 г. патриарх Алексей был вынужден сообщить архиепископу Серафиму, что его назначение в Париж отменяется.

Бесспорно, это было к лучшему. Архипастырь и без того претерпевал большие скорби. В том же 1948 г. умер брат владыки – архимандрит Сергей. Сам иерарх тяжело болел, и жить ему оставалось чуть больше года. Зимой 1948/49 гг. архипастырь пережил с трудом и был почти при смерти. Ситуация во Франции, где русские приходы были разделены на несколько враждующих групп, могла сократить жизнь архиепископа. А в Болгарии у него еще были важные дела.

Духовные чада архипастыря нуждались в нем. И до последнего вздоха иерарх старался не оставлять их своим советом и своей молитвой.

Об одном интересном случае, произошедшем в эти годы, рассказывали монахиня Касиния (Везенкова) и епископ Пар-фений.

Начало этой истории относится к 1930-м гг., когда среди эмигрантов появился некий Е. – русский эмигрант и рабочий. В скором времени он стал общаться с прихожанами Свято-Никольского храма и даже оказывать знаки внимания Галине Везенковой. Он не скрывал своего безбожия, которое носило у него какой-то мистический, дьявольский характер. Все попытки обратить его к вере были тщетны. Е. много пил и как-то проболтался, что связан с НКВД, участвовал в массовых расстрелах, а теперь заслан в Болгарию готовить революцию. Тем не менее отец Андрей Ливен долго пытался отвести его от безбожия. Как-то раз Галина Везенкова попросила владыку Серафима помолиться за этого человека.

– Помолился о нем, и так тяжело стало на душе! Расскажи мне подробнее, кто он, – попросил архипастырь Галину.

А когда та сообщила все, что знала, владыка воскликнул:

– Руки этого человека по локоть в крови русских православных людей. Не общайся с ним!

Галина при первой же возможности сказала Е., что прекращает с ним общение, и была очень удивлена, когда Е. попросил у нее на память один волос. Галина возмутилась и волос не дала.

– Правильно сделала, – сказал ей позднее архиепископ Серафим, – этим волосом он бы тебя в ад утащил.

На какое-то время Е. исчез и вновь появился в Софии уже после установления коммунистической власти. Стало ясно, что с НКВД он не

только сотрудничал, но и имел в этой организации немалый чин. Он жил в советском посольстве, ходил с охраной, всюду вел себя по-хозяйски. Особенно понравилось Е. посещать протоиерея Андрея Ливена. Он заваливался в квартиру пастыря, ел, напивался, богохульствовал, с каждым днем все более и более наглея. Ольга Ливен не выдержала первая. В слезах прибежала она к владыке Серафиму и рассказала, какая напасть пришла в их дом. Архипастырь внимательно выслушал ее, а затем взял в руки Боголюбскую икону Божией Матери и перекрестил ей сторону советского посольства:

– Матерь Божия, избавь нас от этого человека. А затем, повернувшись к Ольге, сказал:

– Иди спокойно.

Действительно, в тот же день семья протоиерея Андрея Ливена навсегда избавилась от посещений чекиста. Возвращаясь в посольство, Е. встретил болгарского милиционера, не знавшего его в лицо.

– Кто такой? Ваши документы! – потребовал милиционер.

– Кто я такой?! Я тебе сейчас покажу, кто я такой! – взревел Е., выхватывая пистолет.

Милиционер, принявший пьяного Е. за бандита, оказался проворнее и тут же застрелил его.

Этот случай все же не свидетельствует о том, что архиепископ Серафим огульно отвергал всех, кто был связан с госбезопасностью или запятнал себя участием в каких-либо преступлениях. Архиепископ понимал, что даже среди чиновников высокого ранга, обязанных по должности быть коммунистами и атеистами, есть немало тех, кто тайно сочувствует Церкви и даже верит в Бога. Иерарх знал, что, стяжав «дух мирен», можно обратиться к христианству и явным безбожников. Не случайно, благословляя протоиерея Всеволода Шпиллера на переезд в Россию, владыка сказал ему:

– Тебе там придется с разными людьми общаться, и смотри, не отталкивай никого – даже самого махрового гопэушника.

Вообще, архиепископ Серафим старался не идти на конфликт с властями и проявлял смирение. Тем более что от него не требовали ни сотрудничества с госбезопасностью, ни заявлений о «свободе Церкви» в СССР.

Архипастырь жил духовной жизнью и старался, чтобы так же жила и его паства.

Нестыжательность и смирение иерарха привлекали к нему самых разных людей. Рассказывают, что маршал Ф.И. Толбухин, командовавший

советскими войсками в Болгарии, посетил архиепископа Серафима и был поражен бедностью, в которой тот жил. Маршал даже распорядился бесплатно выдавать ему дрова.

Сам архипастырь отличал верность коммунистической партии от любви к Родине. В частных разговорах архиепископ Серафим продолжал называть коммунистическую власть сатанинской, но в проповеди воздерживался от подобных выпадов.

Стараясь избегать конфликтов с новой властью, архиепископ продолжал делать то, что считал полезным для Церкви, не оглядываясь на государственное руководство СССР и Болгарии.

Несмотря на запрет церковной благотворительности, архиепископу Серафиму удалось осуществлять таковую через православное сестричество. С его помощью создавались бригады для благоустройства кладбищ, организовывались паломничества (иногда массовые) и даже проводились беседы на духовные темы.

Но главным делом, которое нуждалось в завершении, было основание монастыря.

Это была давняя мечта архиепископа Серафима. Разрешения на открытие обители он добивался не один год, и мечта его осуществилась только за несколько месяцев до смерти. Болгарское руководство под нажимом всеми уважаемого иерарха хоть и не сразу, но пошло ему навстречу. Ходатайствовала об открытии русского монастыря и Болгарская Церковь. Один из самых влиятельных архиереев Болгарской Церкви, митрополит Врачанский Паисий (Анков), указывал, что в Болгарской Церкви наблюдается упадок общежительного монашества. Иерарх считал, что Покровский монастырь принесет большую пользу, так как оживит монашескую жизнь в стране.

Первоначально архиепископ Серафим планировал построить недалеко от русского Свято-Никольского храма здание для монашеской общины. В планах иерарха было и строительство свечного завода для содержания новой обители, так как обеспечивать монастырь своим рукоделием сестры бы не смогли.

Инициатива архиепископа Серафима была поддержана патриархом Алексием I. На нужды строительства Святейший выслал шестьсот тысяч левов, что составляло около одиннадцати тысяч рублей. Тогда же глава Русской Церкви направил в дар открывавшейся обители Козельщанскую икону Божией Матери, которая стала одной из святынь монастыря.

Проблемы возникли с помещением для обители. Власти не разрешали открыть монастырь в центре города, а руководство Болгарской Церкви

вместо свечного завода дозволило открыть лишь мастерскую с условием, что свечи будут продаваться только в русских храмах.

Но разве это серьезные препятствия?

Архиепископ Серафим решил, что снабжать новую обитель хлебом будет Кокалянский монастырь, а свечное производство, пусть и в малых масштабах, не позволит сестрам бедствовать. К тому же на монастырь стали приходить большие пожертвования.

Однако были проблемы намного серьезнее. Узнав, что архиерей Русской Православной Церкви хочет основать монастырь, пусть даже и в Болгарии, возмутилось советское руководство. Активно мешать святому делу стал председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов. Будто бы зная духовные чаяния болгар, он начальственным тоном поучал болгарского посла в СССР Благоеву, говоря, что ее народ малорелигиозен и монастырь в Софии не нужен в принципе.

Удивительно, но дело создания монастыря после этого не остановилось. В декабре 1949 г. департамент исповеданий передал новой монашеской обители помещение из пяти больших комнат на улице 6 сентября. В конце декабря 1923 г. монахиням было разрешено заселяться в помещение.

Начало монастырю было положено. Обитель замышлялась как девичья. Архиепископ Серафим планировал постричь в монашество трех девиц, а затем увеличить их число. Желающих поступить в монастырь с самого начала было немало. Иерарху даже пришлось сдерживать этот напор, тем более что обитель в тот момент могла принять не более семи сестер. «Будем принимать в обитель только испытанных в смирении и послушании», – говорил архиепископ.

С самого начала иерарх видел настоятельницей будущей обители Ольгу Ливен, давно стремившуюся к монашеству. Архиепископ сам постриг ее и просил у патриарха разрешения возвести ее в сан игумении.

Архипастырь ревностно следил за тем, как обустраивается монастырь, считая его своим детищем. Подобно тому как тридцать лет назад его мать Мария Николаевна поручила его Покрову Божией Матери, теперь он сам, уже архиепископ, поручал Богородице новую обитель. «Я верую, – писал архиепископ патриарху Алексию, – что Матерь Божия не оставит нашей женской обители. Я вверил ее Покрову Божией Матери. А Вас, Святейший Владыко, покорно прошу благословить именовать открывающуюся женскую обитель Покровской».

Сам архипастырь угасал. К прочим его болезням добавилась почечная недостаточность. Этот недуг ослабевший организм иерарха победить уже

не мог. Но даже когда владыка не вставал с постели, он продолжал руководить монахинями. Игуменья Серафима (Ливен) и другие сестры обители вспоминали, что говоря с ними о монастыре, владыка точно описывал помещения, в которых никогда не был. А когда сестры спрашивали, откуда он это знает, архипастырь улыбался и отвечал: «Да разве?»²¹

Так, преодолевая болезнь, архиепископ выполнял свою миссию пастырского служения, стараясь исполнить завет Спасителя и быть именно «соленой солью». Но были и другие дела, которые архиепископ Серафим хотел завершить еще в земной жизни. Из последних сил он стремился предотвратить еще одну постигшую Болгарскую Церковь беду – натиск обновленчества.

Глава 6. Последняя битва

Враги бороли Церковь во все веки и донныне и борют теперь, и будут бороть до Второго страшного Пришествия Господня, но и будут побеждены верными ее членами и лично Самим ее Основателем и Главою Христом Богом, когда Он явится в последнее время. Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Вечером 8 ноября 1948 г. село Коларово огласил звук выстрела. В тот же день в милицию обратился человек, признавшийся в убийстве митрополита Неврокопского Бориса (Разумова).

Убийцей оказался лишенный сана священник Илья Стаменов. Он заявил, что добивался от митрополита отмены наложенных на него прещений и, получив отказ, застрелил архиерея. Его слова легли в основу официальной версии. Однако странностей в этом деле было много. Убийца был когда-то известен как антикоммунист, участвовавший в подавлении революционных выступлений. В 1944 г. он был приговорен к смертной казни за помощь немцам и выдачу партизан, но расстрелян не был и даже находился на свободе. Еще более странно, что бывший священник не был наказан за убийство митрополита Бориса.

Однако все эти странности улетучиваются, а события складываются в завершённую картину, если вспомнить, что убитый митрополит ревностно защищал Православие от модернизма и выступал за укрепление связей с Русской Церковью...

Превратить Москву в «Православный Ватикан» советскому руководству так и не удалось. Московское совещание 1948 г. не стало авторитетным из-за отсутствия на нем представителей многих Поместных Церквей (в том числе и Вселенского Престола). В политических возможностях Церкви государство разочаровалось. Уходила в прошлое и кровопролитная война. Необходимости демонстрировать миру «свободное Православие» больше не было. Начиная с 1948 г. Церковь стала все больше испытывать притеснения. Вновь начались аресты священнослужителей, постепенно закрывались храмы и монастыри. В лагерях в эти годы находились такие известные иерархи, как митрополит Нестор (Анисимов), архиепископы Антоний (Марценко), Мануил (Лемешевский), епископы Афанасий (Сахаров), Вениамин (Новицкий), Иоанникий (Сперанский). В эти годы попал в заключение и отец Иоанн (Крестьянкин) – будущий старец-архимандрит. В 1948–1953 гг. в СССР было закрыто около

тридцати монастырей и более тысячи приходов, в то время как новые больше не открывались.

Сложной была и церковная жизнь в Болгарии. Давление на Церковь в стране с каждым годом усиливалось. Хотя массового закрытия монастырей и храмов здесь не было, все же атеистическая сущность новой власти была заметна. Seriously пострадал, например, Рыльский монастырь, фактически превращенный в туристический центр. Резко сократилось количество монахов, были отменены все ночные и ранние утренние богослужения. Наиболее ревностные иноки покидали обитель и уходили в скиты.

Но хуже было то, что государство навязывало радикальные церковные реформы. К сожалению, они нередко поддерживались и самим духовенством.

Ситуация в Болгарской Церкви в конце 1940-х гг. напоминала обновленческий раскол в советской России в 1920-е гг.

Одним из первых сигналов болгарской обновленческой смуты стало повсеместное сокращение служб, в результате чего утреня и литургия стали проходить всего за 40 минут, а то и за меньшее время. Радикально настроенное духовенство предлагало превратить монастыри в культурно-просветительские учреждения. Выдвигались и такие предложения, как второй и третий брак для священников как овдовевших, так и разведенных.

Реформы были поддержаны и некоторыми болгарскими архиереями. Митрополит Варненский Иосиф (Лазаров), например, открыто выступал за сокращение богослужений, замену церковнославянского языка «народным» и т. д. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан в связи с этим писал патриарху Алексию I, что митрополит Иосиф в своем рвении превзошел даже российских живогерцковников. Некоторые из иерархов высказывались за ослабление постов, в том числе и Великого поста, как «тягостного» для народа.

На этом реформаторы не останавливались. С их стороны звучали призывы к активным экуменическим контактам и сближению с неправославными конфессиями.

Наблюдалась одна тенденция – отрицательное отношение священников-модернистов к Московскому Патриархату. Протоиерей Всеволод Шпиллер объяснял это тем, что Русская Церковь во всем мире считалась образцом здорового консерватизма. А потому стремление к радикальным реформам рано или поздно приводило и к выступлениям против Русской Церкви. Так, митрополит Филарет (Атанасов) еще в 1943 г. выступал против признания Болгарским Синодом патриарха Сергия (Страгородского). Группа архиереев, в которую входили митрополиты

Иосиф и Филарет, накануне приезда в Болгарию патриарха Алексия I подняли в Синоде вопрос об опасности сближения с Московским Патриархатом.

Нужно отметить, что наиболее активное сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны вели как раз архиереи-модернисты. Контакты с гитлеровцами митрополита Иосифа были настолько плодотворными, что он был награжден германским командованием специальным знаком отличия.

Архиепископ Серафим, выступавший против реформ, постепенно стал восприниматься как один из лидеров консервативного движения. Митрополит Григорий (Чуков) говорил, что партию консерваторов в Болгарской Церкви создал именно владыка Серафим. Как правило, церковный консерватизм сочетался у болгар с симпатиями к Русской Церкви и России.

Противники модернизма были и среди высшего болгарского епископата.

Большим другом России и Русской Церкви был экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан (Шоков). Сохранилось свидетельство, что в конце 1942 г. в проповеди в Александро-Невском соборе он прямо сказал о непобедимой мощи братского русского народа. Это было проявлением настоящего героизма. В послевоенные годы митрополит Стефан заявлял, что Русская Церковь должна занять первое место среди всех остальных Поместных Церквей. Этому иерарху были чужды и неразумные церковные реформы.

Противником церковного модернизма был и митрополит Неврокопский Борис (Разумов). Этого архипастыря, отличавшегося строгой монашеской жизнью и ревностью в защите Православия, называли «совестью Болгарской Церкви» и почитали как прозорливца. Желая поднять уровень болгарского монашества, митрополит Борис после войны предложил заселить Рыльский монастырь русскими монахами.

Итак, в конце 1940-х гг. в Болгарской Церкви существовало две партии – партия антироссийски настроенных модернистов и партия консерваторов. От государственного руководства Болгарии и стоявшего за ним Советского Союза зависело, какая из партий будет находиться во главе Болгарской Церкви.

Выбор коммунистических властей не представляется удивительным – ставка была сделана на партию модернистов. Государственная власть ценила не твердость в Православии и даже не патриотизм, а прежде всего готовность служить режиму. А прежнее сотрудничество некоторых

архиереев с немцами новой власти было даже на руку – ведь людьми с подмоченной репутацией намного легче управлять.

В сентябре 1948 г. со своего поста был смещен экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан. В ноябре того же года он был с помощью милиции доставлен в отдаленное село Баня Карловско-Пловдивской области. Ему был предоставлен домик, состоявший из одной комнаты. Неподалеку поселились два его иподьякона, которые, по-видимому, несли еще и функцию осведомителей спецслужб. Здесь митрополит и жил последние годы. Когда он попросил позволения переехать в Пловдив, чтобы быть ближе к больнице, власти ответили отказом. Митрополит Стефан умер в своем изгнании в 1957 г.

Более трагично сложилась судьба митрополита Неврокопского Бориса. Власти ненавидели этого иерарха, а окружной комитет Болгарской коммунистической партии объявил его «врагом № 1». Митрополит предвидел свою скорую гибель, о чем рассказывал близким. 8 ноября 1948 г. его жизнь оборвала пуля убийцы.

Развернулась активная пропаганда против других ревностных священнослужителей, прежде всего против епископа Пар-фения и архимандрита Мефодия. Они подвергались травле как «реакционеры» и «фашисты». «Епископ Парфений стирается с лица земли! – писал протоиерей В. Шпиллер. – Кем и кем только не делают его, как только не клеветают». Власти не допустили назначения епископа Парфения на митрополицию Сливенскую кафедру, и всю свою жизнь он оставался викарным епископом. Но наиболее прискорбно было то, что обвинения в «фашизме» шли как раз со стороны тех, кто запятнал себя сотрудничеством с гитлеровцами в годы войны.

На руководящие посты в Болгарской Церкви в послевоенные годы стали выдвигаться активные сторонники церковных реформ. Директор исповеданий Д. Илиев осенью 1948 г. отчитывался перед председателем Совета министров Болгарии В. Коларовым, что назначение новых иерархов ведется в соответствии с инструкцией правительства. В том же письме Илиев выражал надежду, что Болгарская Церковь теперь будет еще больше помогать в деле строительства социализма.

Но модернизм распространялся не только среди епископата, но и среди священников. Как и в России 1920-х гг., часть приходского болгарского духовенства старалась оттеснить от власти архиереев. Обновленческие идеи среди священников были порой даже более радикальны, чем в высших церковных кругах.

Подобно красным обновленцам 1920-х гг., болгарские священники-

модернисты сочувственно относились к коммунистической власти и не желали видеть ее богоборческой сути. В зале заседаний священнического конгресса, состоявшегося в октябре 1948 г., не было ни распятия, ни икон, зато почти всю стену занимал огромный портрет лидера компартии Г. Димитрова. На другом конгрессе, проходившем в том же году, священники прямо говорили о том, что будут активно участвовать в строительстве социализма. В заявлении слышались отголоски ересей хилиазма и добросамарянства, ведь священники при этом объявили о необходимости «строить Царство Божие на земле».

Протоиерей Всеволод Шпиллер писал, что среди болгарского духовенства встречались члены коммунистической партии, которым власти дали директиву открыто не высказываться против Церкви. Не всем это удавалось. Отец Всеволод рассказывал, что один священник «ухитрялся выступать с атеистической агитацией, а на другой день служить в местной церкви обедню».

С душевной болью архиепископ Серафим наблюдал эту картину. Свою тревогу за Болгарскую Церковь он высказывал в письмах патриарху Алексию I. Архипастырь просил Святейшего помочь остановить поругание православной веры. Архиепископ Серафим полагал, что во главе Болгарской Церкви необходимо поставить ревностных служителей, например епископа Парфения, архимандрита Мефодия (Жерева) или архимандрита Серафима (Алексиева). Вне всякого сомнения, если бы архиепископ Серафим был услышан, то Болгарская Церковь избежала бы календарной реформы 1961 г. и не получила бы печального старостильного раскола.

Но что мог сделать патриарх? Он в тот момент наблюдал в России не менее тяжелую картину – закрытие храмов и монастырей, аресты и гибель священнослужителей. Все попытки Святейшего воспрепятствовать новым гонениям окончились неудачей. Не допускали его больше и к Сталину. Где уж тут помочь Болгарской Церкви!

Архиепископ Серафим решил привлечь внимание к проблеме, выступив в печати.

В декабре 1949 г. в «Церковном вестнике» (органе Синода Болгарской Церкви) появилась статья архиепископа Серафима против обновленческих реформ и попыток белого духовенства добиться церковной власти. Принцип, на котором архиепископ построил статью, был прежний – опора на авторитет Писания, канонов и святых отцов.

В своей статье архипастырь настаивал, что именно архиереям, а не священникам принадлежит власть в Церкви. Священник может

участвовать в управлении Церковью, но лишь как помощник епископа, который один и имеет право решающего голоса.

А вот еще одно интересное наблюдение архипастыря.

Архиепископ Серафим был уверен, что суть обновленчества при внимательном рассмотрении сводится, прежде всего, к потворству своим похотям. Иерарх полностью соглашался со словами митрополита Григория (Чукова), которые тот сказал болгарским модернистам: «Все ваши реформы сводятся к одному – второбрачию священников. Оставьте это. Этой болезнью болела и наша Русская Церковь. Это не принесло ничего, кроме больших и абсолютно бесполезных церковных сотрясений».

Архиепископ Серафим утверждал, что такое грубое попрание канонов, как второбрачие, приведет со временем и к нарушению догматов. По мнению архипастыря, догматы неотделимы от канонов, поскольку вместе они составляют живую православную веру. Нельзя в Церкви нарушить что-то не повредив всего церковного здания.

Болгарские архиереи впоследствии отмечали, что выступление архиепископа Серафима помогло остановить разгоравшуюся в стране обновленческую смуту. Вне всякого сомнения, позиция архиепископа Серафима и его духовных чад в результате все-таки повлияла на то, что нововведения, запланированные реформаторами, так и не были приняты Болгарской Церковью.

Но эта статья создала иерарху и немало проблем. В газете «Народный пастырь» появилась публикация священника Н. Загарова с резкой критикой архиепископа Серафима. Было бы большим преувеличением сказать, что эта критика была серьезной.

Например, если архиепископ Серафим, высказываясь против второбрачия духовенства, приводил слова апостола Павла: *епископ... одной жены муж (1Тим.3:2)*, то священник Загаров на это отвечал, что архиепископ Серафим сам не выполнил эту заповедь, так как не имеет жены. Вместе с подобной «критикой» в статье содержались и обвинения против архиепископа Серафима. Они сводились к тому, что он ранее принадлежал к «белогвардейской» Русской Зарубежной Церкви.

Но намного хуже было то, что позиция архиепископа Серафима не понравилась Совету по делам РПЦ. Архипастыря обвинили в том, что он, выступая против болгарских обновленцев, нарушает «православное единство».

Вообще, архиепископ Серафим вызывал большое недовольство у советского руководства. Несмотря на спокойные отношения с гражданскими властями, архипастырь никогда не откровенничал с ними и

с советскими органами в переписку не вступал. Владыка переписывался только с патриархом Алексием I, а членам Совета по делам РПЦ оставалось досадовать, что архиепископ «чрезвычайно скуп на присылку информации».

К концу 1940-х гг. к архипастырю накопилось множество претензий: выступления против обновленчества, открытие монастыря, независимость в епархиальных делах. Иерарху припомнили теперь и факт его пребывания в Русской Зарубежной Церкви, и его монархические убеждения. В январе 1950 г. в Совете по делам РПЦ уже обсуждали вопрос об увольнении архиепископа Серафима.

Но Советскому государству не удалось насладиться его удалением с кафедры и последующим унижением. В этом судьба архиепископа в чем-то перекликалась с судьбой его духовника – преподобного Анатолия (Потапова). Оба старца отошли ко Господу, когда над ними сгустились тучи.

За год до смерти архиепископ Серафим стал готовить духовных чад к своему уходу. В начале 1950 г. иерарх сказал архимандриту Александру (Петранову), что этот год станет в его земной жизни последним. Отец Александр вспоминал, что архиепископ Серафим советовал писать ему письма, как живому.

– Когда вам станет тяжело, вы напишите мне письмо.

– Но разве можно посылать письма на небо?

– Напишите мне письмо и оставьте его у моей могилы. Если я получу милость у Господа, утешу вас и помогу вам.

Сестры Покровского монастыря рассказывали: «На смертном одре, придя в сознание и увидев человека, который всю жизнь его огорчал, он из последних сил, перед тем как потерять сознание, крепко обнял его. Это было так естественно и сердечно, что поразило всех присутствующих».

Зима 1949/50 гг. стала последней зимой архипастыря на земле. 26 февраля 1950 г. его не стало.

Православная Церковь отмечала в тот день праздник Торжества Православия.

Глава 7. «В горняя!»

Как ничтожна земля и земная жизнь по сравнению с небом, с вечным Царством Христовым.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

– Б горняя! В горняя! – с такими словами в XIII в. отходил ко Господу святитель Григорий Палама. Его душа, отлетая от тела, устремлялась в горние (высшие) обители. Теперь этим путем следовала и душа архиепископа Серафима.

27 февраля тело архипастыря было перенесено в храм святителя Николая. Люди шли прощаться с любимым владыкой до поздней ночи. 1 марта состоялось отпевание архиепископа Серафима. Службу возглавил митрополит Врачанский Паисий. Ему сослужили семь архиереев, пятнадцать священников, три диакона.

В тот же день, в соответствии с решением Синода Болгарской Церкви, архиепископ Серафим был погребен в крипте Никольского храма.

Почитание архипастыря началось сразу после его кончины. Архимандрит Александр писал, что вскоре после смерти архиепископ Серафим явился ему во сне, сказав: «Хотя я умер, но для вас всегда жив буду!»

Спустя полгода после смерти архипастыря монахиня Серафима (Ливен) писала патриарху Алексию I, что сестры Покровского монастыря посещают могилу святителя и постоянно чувствуют его помощь. Приходили в усыпальницу и монахи Кокалянского монастыря Архангела Михаила. Поклонение усопшему иерарху сразу стало естественным – настолько обильно люди получали помощь по его молитвам.

Была только одна попытка прекратить это почитание. В 1952 г. настоятелем Свято-Никольского храма стал протоиерей Сергей Казанский. Узнав, что прихожане опускают записки с просьбами в специальные отверстия возле гробницы, отец Сергей приказал зацементировать их. Это не помогло – люди стали оставлять письма возле надгробия. Когда же настоятель вообще закрыл доступ в усыпальницу, это привело к массовому протесту. В Москву полетели жалобы, и вскоре протоиерей был переведен из Софии. Другие настоятели уже не препятствовали почитанию архипастыря. Паломничество к месту погребения иерарха не прекращалось даже в те годы, когда гонения на Церковь усилились.

Православная вера архипастыря была безукоризненной, его жизнь –

праведной. А чудеса только подтверждали его святость.

В 2002 г. Болгарская Старостильная Церковь совершила прославление архиепископа Серафима как святителя. Но поскольку эта структура находится вне общения с православным миром, канонизация иерарха не была признана ни одной из Поместных Церквей.

Но на канонизацию обратила внимание Русская Зарубежная Церковь. В 2002 г. она еще не воссоединилась с Московским Патриархатом и была в общении с болгарскими старостильниками. В том же году журнал Русской Зарубежной Церкви «Православная Русь» сообщил о состоявшемся прославлении, назвав архиепископа Серафима святителем и чудотворцем. Другой журнал Зарубежной Церкви, «Православная жизнь», поместил икону архипастыря на первой странице. В том же номере были опубликованы тропарь, кондак и молитва владыке. Спустя еще несколько лет имя архиепископа Серафима появилось в святцах Русской Зарубежной Церкви. Днем его памяти стало 26 февраля. Таким образом, Русская Зарубежная Церковь официально не канонизировала архиепископа Серафима, но признала его прославление в Болгарской Старостильной Церкви.

В 2007 г. Русская Зарубежная Церковь воссоединилась с Московским Патриархатом, незадолго до этого разорвав общение с болгарскими старостильниками. Хотя имя архиепископа Серафима находится в календаре Русской Зарубежной Церкви, канонизации архипастыря ни в одной из каноничных Церквей до сих пор не было.

Но для сотен паломников, которые ежедневно приходят к его гробнице, пишут письма как живому и получают помощь, – владыка воистину святой, благодатный архиерей²². Именно так относился к архиепископу Серафиму и Святейший Патриарх Болгарский Максим.

В 2011 г. в своем послании, приуроченном к 130-летию со дня рождения архипастыря, первоиерарх Болгарской Церкви сказал: «Владыка Серафим был редким примером святого, благодатного архиерея с чистой пастырской совестью... Этот смиренный и глубоко нравственный архиерей чувствовал свое призвание держать высоко знамя православной истины. Он бескомпромиссно выступал против любой ошибочной или еретической мысли, которая проникала даже в труды, претендующие называться православными».

Доводилось слышать: зачем писать архиепископу Серафиму записки, ведь святые знают о наших просьбах и без них. Действительно, угодники Божии слышат нас и без письменных прошений. Но только когда пишешь письмо со своими просьбами, ясно осознаешь, что владыка не мертв, а

жив, по-настоящему понимаешь, в чем действительно нужно молитвенное предстательство, а что на самом деле второстепенно и суетно. Сам архипастырь при жизни прекрасно отличал главное от второстепенного. И своим предсмертным завещанием («напишите мне письмо») постарался научить этому и всех нас.

Воспоминания и свидетельства

Воспоминания об архиепископе Серафиме

*Прилепившийся к Богу непременно
и как бы естественно любит и ближнего,
потому что ближний есть образ Божий.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский*

Воспоминания епископа Левкийского Парфения (1907–1982)

Хорошо сохранилось в моей памяти следующее предсказание архиепископа Серафима, которое недавно исполнилось. За несколько лет до своей смерти (26.02.1950) блаженнопочивший архиепископ Серафим предупредил меня, что восемьдесят шестой год жизни моей матери будет для нее роковым. Я принял предсказание с тревогой, в его самом тяжелом буквальном смысле, но мне хотелось верить, что, может быть, моя мать в этом возрасте только перенесет тяжелую болезнь. Но это исполнилось в самом скорбном смысле: 23 января 1959 г. моя мать, Стойка Стаматова, безболезненно почил в возрасте восьмидесяти шести с половиной лет (родилась в 1872)

В 1946 г. испортились мои карманные часы, которые нельзя было починить, так как для них не было нужных запасных частей. Моя близкая знакомая пожелала подарить мне дорогие золотые часы. Я решил предварительно спросить благословения архиепископа Серафима, поскольку меня смущала мысль, что монаху не следует иметь и привязываться к золотым предметам. И на первой же после этого события исповеди я спросил его, даст ли он благословение на получение такого дорогого подарка. Владыка лежал в постели, так как был болен, посмотрел на меня, улыбнулся и ответил: «Возьми, моя радость! Она обидится, если не возьмешь. Но они (часы) очень маленькие» ... Я был поражен, ведь часы действительно были миниатюрным шедевром швейцарского часового мастерства, а покойный владыка их никогда до этого не видел и в тот момент часов у меня с собой не было, так как я к тому времени еще не принял подарка. В первый момент меня охватил ужас, но потом я пришел в себя и стал смеяться от радости, что у нас есть такой благодатный духовник.

Я был еще протосингелом Неврокопской митрополии (1936–1944). Однажды я читал житие известного русского архимандрита Антония (Медведева), наместника Троице-Сергиевой лавры близ Москвы, в

афонском издании «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков» за май (Москва, 1908, с. 48–78). Архимандрит Антоний был наместником лавры в период, когда Московским митрополитом был знаменитый богослов и подвижник Филарет (Дроздов). Последний, как начальник архимандрита Антония, высоко его ценил и даже выбрал его своим личным духовником, у которого он исповедовался. В житии имелся один фрагмент, который меня смутил: «При всей своей дружбе, при всем своем доверии и почти сыновнем уважении к отцу Антонию митрополит Филарет, оставаясь неизменным в своих действиях как начальник, настойчиво требовал у отца Антония ничего не предпринимать без его ведома и предварительного разрешения и взыскательно рассматривал все его предложения, при этом в большинстве случаев противостоял каждому его проекту нововведений, требуя в делах соблюдения формальностей, с которыми о. Антоний был даже мало знаком» (там же, с. 66).

Когда я читал это место, у меня будто молния проскочила предосудительная мысль по отношению к митрополиту Филарету: «Считают его одним из редких подвижников благочестия, а вот каким он, оказывается, был честолюбивым начальником!» Но я хорошо помню, что эта молниеносная мысль только мелькнула в моем сознании, не задерживаясь в нем ни на секунду. И вот уже в первом письме, которое я получил после этого случая от архиепископа Серафима (14.VI.1942 г., Хисара, дом доктора Малакова), я, к моему великому недоумению, прочитал следующее: «Митрополита Филарета никогда не осуждай. За это Господь может сильно тебя наказать, ибо митрополит Филарет – великий угодник Божий и святой отец». Мое недоумение произошло от того, что я совершенно забыл мысленное осуждение в адрес митрополита Филарета и не мог понять, о каком Филарете пишет владыка Серафим. Я открыл черновик своего последнего к нему письма, чтобы посмотреть, не писал ли я там о каком-нибудь Филарете, но ничего такого в черновике не было. Я целый день размышлял, и только к вечеру меня осенило воспоминание о том, что я нехорошо подумал о митрополите Филарете Московском, когда читал житие архимандрита Антония. Как же я был поражен чудесной прозорливостью! Каждая человеческая душа закрыта и недоступна другим, даже когда они живут в одном доме, а здесь – удивительное дело! Неврокоп отстоит от Софии более чем на 200 километров, а Пловдив и Хисара еще дальше, но все это не воспрепятствовало моему духовнику прочесть мой единственный мимолетный греховный помысел, о котором я сам забыл! Я знал, что архиепископ Серафим почитает митрополита Филарета

Московского наравне с древними отцами Православной Церкви, но такая прозорливость меня поразила.

В другой раз, опять в Неврокопе, у меня по службе возникли некоторые недоумения и я не знал, как поступить. Мне нужно было спросить владыку Серафима, но я только что отослал свое исповедальное письмо, а по его благословению я мог писать ему не чаще одного раза в две недели, так как он получал много писем со всех концов Болгарии. Ночью я увидел сон. Нахожусь я в какой-то школе, на коленях перед владыкой Серафимом, а он положил свои руки на мою голову, как на исповеди, отвечая на мои недоумения точно и ясно. На следующий день я поступил по его мудрому совету, но подумал: «Сон как сон. Не нужно особо верить снам». После этого в следующем письме я задал свой вопрос владыке, хотя и с запозданием. А он мне написал: «Я тебе уже ответил!» Мне стало ясно, что мой сон был не просто отражением моих дневных тревог, потому что владыка Серафим знал о сне и о своем участии в нем и был это, как говорят русские, «вещий сон».

У архиепископа Серафима был келейником Н[иколай] Ш[елехов], у которого открылся художественный талант, и он стал писать хорошие иконы в старинном стиле. Я заказал икону Пресвятой Богородицы, за которую он попросил 20 000 левов. Я ему их дал, но потом мне показалось, что это очень дорого, и решил спросить у владыки Серафима об этом на исповеди. Я записал этот вопрос в исповедальной тетради и в назначенный день был у него. Во время исповеди я думал: если владыка Серафим сочтет, что это очень дорого, то, наверное, он вернет мне излишек, так как всё в этом доме поступает к нему. А это было бы для меня очень неудобно. Поэтому, дойдя до вопроса в тетради, я решил не задавать его, а перескочил и продолжил дальше. Тогда владыка Серафим меня перервал и сказал: «Икона стоит своих денег!» Я был поражен! Случай нельзя объяснить иначе, чем проявлением пророческой прозорливости, потому что владыка Серафим не мог прочитать символическую запись в моем исповедальном дневнике, не мог и слышать от кого-либо о моем недовольстве, так как я никому о нем не говорил, даже самому художнику.

Один студент-богослов привязался ко мне, и по рекомендации моего покойного старца митрополита Неврокопского Бориса, я должен был заботиться о его духовном возрастании. Студент очень настаивал на своем

скорейшем монашеском постриге, но я без благословения владыки Серафима ничего не мог предпринять. А владыка Серафим советовал подождать еще. И вот студент вдруг отошел в среду, совсем противоположную духовной атмосфере владыки Серафима, где и принял монашество. Дальнейшие сведения о его жизни свидетельствуют, что принятие им сана было совсем не к чести Церкви Христовой. А я вместе со студентом делал все возможное, чтобы приблизить его скорейшее пострижение, и вместе с ним в душе негодовал из-за умышленной задержки, при такой его безграничной ревности, но теперь вижу, насколько я был не прав и как глубоко архиепископ Серафим видел души людей, их будущее своим прозорливым духовным взглядом.

Есть и другие случаи, но о них я умолчу из-за их незначительности и более интимного характера, чтобы стать публичным достоянием. Мы, его духовные чада, становились перед ним, как перед духовным рентгеном, и не смели скрывать ничего из своей личной жизни. Поэтому исповедь была настоящая и мы выходили из его дома обновленными. У меня всегда было чувство, что у его святой десницы было свойство вытягивать из моей головы весь духовный мрак и уныние, когда его рука возлагалась на мою голову в Таинстве исповеди.

Православно слово. 2001. № 4. С. 7–9.

Воспоминания митрополита Доростольского Илариона (1913–2009)

Во времена моего студенчества отношение к Его Высокопреосвященству архиепископу Серафиму, духовно окормлявшему русскую православную общину в Софии, было особенным.

Архиепископ служил в старой церкви святителя Николая Чудотворца на улице Царя Калояна, напротив Митрополии. Часто его можно было видеть идущим пешком по улицам города. У него была внушительная осанка: высокий, статный, с приветливым лицом, длинными светлыми волосами, волнами ниспадающими по спине. Щедрый ко всем в своей отеческой духовной любви, он одаривал всех приветствующих его своим архипастырским благословением.

В храме владыку встречали с радостью. Очень торжественными и молитвенно-трогательными были его богослужения.

Русская студенческая молодежь испытывала особенно сильную симпатию и привязанность к своему архипастырю. Он исповедовал и духовно наставлял многих. Принимал и наставлял у себя на квартире на улице Велико Тырново. Многие искали у него молитвенной помощи и поддержки.

Многие считали, что он имеет дар прозорливости. Однажды в разговоре с русскими студентами и студентками (это было в Рыльском монастыре) он сказал обо мне: «Митя будет монахом». И это высказывание мне передали с абсолютной убежденностью, что раз владыка сказал, значит так оно и будет.

Вообще почитание и сыновья преданность архиепископу Серафиму в то время была очень большой как среди русских, так и среди болгар. И, как мы видим, теперь это почитание такое же сильное, как и при жизни.

В последние годы его земной жизни и в момент его смерти я служил протосингелом в Велико Тырново, но знаю, что и после смерти любовь к нему не ослабевала. А на знаменательные даты из его жизни и день его преставления устраивались молитвенные воспоминания, где говорилось о его благочестивой духовной архипастырской жизни. В этих встречах принимал участие и я.

В наши дни христиане стекаются ко гробу владыки Серафима, находящемуся под алтарем русской церкви, и пишут ему на листочках бумаги свои молитвенные прошения, почитая его как святого.

Архив Подворья Патриарха Московского и всея Руси в Софии.

Воспоминания архимандрита Александра (Петранова) (1920–1981)

Для Болгарской Церкви было большим счастьем, что архиепископ Серафим жил и служил среди нас, ободрял своей верой и богословским умом, обогащал нас прекрасными качествами своей души.

Вся его жизнь состояла из чудес, а за его великое смирение Бог дал ему еще и дар прозорливости. Ничего тайного для него не было...

Как лесная фиалка, которая цветет в укромном местечке леса и, сколько бы ни скрывалась, все равно выдаст себя нежным благоуханием, так и владыка Серафим, сколько бы ни скрывал со смирением все свои добродетели, все равно являл тем, кто в той или иной степени соприкасался с ним, дивные проявления своей благодатной и прозорливой души.

Он имел столько любви, что мог согревать ею всех своих ближних.

Он имел благодатное святоотеческое познание истины, с помощью которого он наставлял своих духовных чад на путь спасительного Православия.

Его слова обладали огненной силой, они зажигали сердца людей и призывали их к высотам святой и добродетельной жизни.

Молитва его – теплая, простая и исходящая из самого сердца, нередко получала чудесный ответ с неба.

Я сам, его недостойный духовный сын и послушник, не один раз испытывал на себе силу его молитв и дивился его прозорливости. Я дважды обязан ему жизнью.

Как я познакомился с владыкой Серафимом? – Являясь жителем Софии, я неоднократно видел русского владыку, но лично не был с ним знаком. Однажды после службы, когда я подошел поцеловать его десницу, он благословил меня и неожиданно спросил:

– А тебя как зовут? Костя?

– Да, Костя! – ответил я с удивлением, поражаясь, откуда он знает мое имя.

– Приходи послужить мне иподьяконом в нашей церкви! На следующий день я пришел. Так началось мое знакомство с владыкой Серафимом.

Когда я заканчивал обучение, у нас был один профессор, деливший студентов на «своих» и «чужих». Я попал в число «чужих» и очень боялся экзамена у него. Перед экзаменом я рано пошел к владыке Серафиму и поделился своими опасениями. Он попросил конспект и красным карандашом отметил пять вопросов. Потом помолился и сказал, что попадется один из них, и велел хорошо их выучить. На следующий день я пошел на экзамен. Когда я вытянул билет, то увидел, что в нем были те вопросы, которые мне благословил выучить владыка Серафим.

1 января 1943 г., на последнем семестре обучения, я заболел брюшным тифом. Болезнь моя быстро обострилась. Высокая температура меня сжигала. Без моего ведома врачи уже предупредили моих родителей о неизбежном конце. В этот момент ко мне на свидание пришла одна моя знакомая, госпожа Н. В., близкая к владыке Серафиму. Увидев мое тяжелое состояние, она сразу пошла к нему и рассказала обо мне. Он спросил, какая у меня температура, и, узнав, что она дошла до 40°C, помолился перед иконостасом, а потом заочно благословил меня, чтобы она спала до 37,2°C. Я сразу почувствовал облегчение, а к вечеру температура спала и больше не поднималась.

Сразу после выздоровления я опять разболелся. Врачи, которые меня лечили, считали, что брюшной тиф повторяется. Когда владыка Серафим узнал, что я болен, велел позвать специалиста по грудной болезни – пульмонолога. Но врачи упорно стояли на своем. Владыка настоял позвать от его имени доктора Богданова, и когда тот меня осмотрел, оказалось, что у меня экссудативный плеврит. По молитвам моего старца я быстро

вылечился и от этой болезни.

Мне предстояло пострижение в монашество. Уже имелось решение Священного Синода. Моя мать была согласна, но отец все еще не соглашался. Он очень хотел женить меня и мечтал иметь внука, носящего его имя. Перед пострижением Его Высокопреосвященство митрополит Стефан спросил меня – какое имя в монашестве я бы хотел получить. Я пошел к владыке Серафиму и спросил его, какое имя мне просить. Помолившись, он велел просить имя Александр, в честь святого Александра Невского, или Иоанн, в честь преподобного Иоанна Рыльского. Я передал это владыке Стефану, и он при пострижении выбрал мне имя Александр. Мой отец, который раньше был против моего пострижения, вдруг согласился и сказал: «Я услышал свое имя. Сейчас уже могу и умереть!» – и действительно, через 25 дней он скончался. Смерть его была христианской – тихой и безболезненной. Он отошел миротворенным, попросив прощения у всех и приняв Святое Причастие.

Незадолго до смерти моих родителей владыка Серафим спросил меня: – Саша, кого ты больше любишь, мать или отца? Не зная, что ответить, я сказал:

– Одинаково!

Вопрос был задан очень трогательно, но у меня появилось плохое предчувствие. Старец обласкал меня и сказал:

– У всех родителей были свои родители, и их родители отошли к своим родителям. Что бы ни случилось, не унывай, а благодари Господа, что дал тебе духовного отца. Я вам и отец, и мать.

Вскоре после этого разговора родители неожиданно скончались.

Когда моя мать потеряла сознание, я послал записку владыке Серафиму с просьбой помолиться о ней. Он сразу же помолился, а вечером отслужил о ней молебен. После молебна обратился к присутствующим и сказал:

– Нет воли Божией Сашиной маме выздороветь. Той же ночью моя мама скончалась.

В 1944 г., во время бомбардировок, по инициативе владыки Серафима мы собирали помощь голодающим русским монахам на Святой Горе. В это время отец Серафим (Алексиев), тогда еще иеромонах, и мое смирение (еще иеродиакон) находились в святой Рыльской обители. Там было много жителей Софии, которых бомбардировки вынудили искать прибежище в

спасительном болгарском Сионе. С большинством из них мы были лично знакомы, и они щедро отозвались на наш призыв о помощи. Собрали около 14 000 левов. В одну из моих поездок в Софию я посетил русский Кокалянский монастырь, где жил тогда владыка Серафим, чтобы передать ему деньги. Я нашел его пишущим на полянке около монастыря. Он ласково посмотрел на меня и сказал: «А, ты принес деньги для Святой Горы? Сколько там в конверте?»

И назвал точную сумму...

В марте того же года у нас с отцом Серафимом (Алексиевым) возникло желание поехать на несколько дней в Софию. Разумеется, мы сперва написали письмо нашему старцу, испрашивая благословения.

Он благословил нас ехать, но до 17 марта велел вернуться в Рыльский монастырь, потому что, «говорят (этими словами он всегда прикрывал свою прозорливость), тогда будет большая бомбардировка».

Так и получилось. Письмо было вручено отцу Серафиму, который поехал в Софию и 17 марта вернулся, спасаясь от опасности.

Когда наш старец скончался, я был сильно опечален. Глубоко сокрушенный, я долго молился у его гроба. Этой же ночью я прилег отдохнуть после тяжелого дня. Неожиданно я увидел сон. Владыка, который лежал на смертном одре, встал, обнял меня и ласково сказал: «Хотя я умер, но для вас всегда жив буду!» Так он ответил на мою молитву и утешил меня в скорби.

Когда наш старец предупреждал нас, что скоро умрет, мы ласкались к нему, как маленькие дети к своему отцу, и тревожно спрашивали его, что будем делать без него.

– Когда вам станет тяжело, вы напишите мне письмо, – ответил он.

– Но разве можно посылать письма на небо?

– Напишите мне письмо и оставьте его у моей могилы. Если я получу милость у Господа, утешу вас и помогу вам.

Так и получилось. И до сего дня могила нашего любимого владыки служит неиссякающим источником исцелений и утешений.

Православно слово. 2001. № 4. С. 7–11.

Воспоминания монахини Касинии (Везенковой) (1909–1981)²³

В первый год (1932) моего знакомства с владыкою, когда я пришла к нему однажды, он спросил меня:

– Каждый ли день ты ешь? Удивившись вопросу, я ответила:

– Каждый день.

– А сколько раз в день ты ешь?

– Три раза в день, – сказала я с возрастающим недоумением.

– А каждый ли день ты читаешь Евангелие?

– Нет, владыко святой. Я прочла его и оно лежит у меня на ночном столике, и когда мне захочется, я иногда читаю его.

– Так знай, – медленно и внятно сказал владыка, – то, что хлеб для тела, то Евангелие для души. Без чтения Евангелия душа голодает и изнемогает. Евангелие питает, укрепляет и просвещает душу. Даю тебе заповедь: каждый день читай Евангелие.

– Но я не могу читать каждый день. Я чиновница. Утром спешу на работу, а вечером бываю совсем уставшая и спешу лечь спать.

– Я не велю тебе читать помногу, например, по главе. А изволь читать каждый день по 7 стихов Евангелия, 7 стихов Деяний и посланий апостольских и по одному псалму. А это краткое правило неизменно соблюдаемое, будет укреплять и просвещать твою душу.

Когда у владыки сильно болела печень (1932) он сказал:

– Всю эту ночь я глаз не сомкнул, но от сильной боли и молиться не мог, а только все время повторял: «Господи, помилуй!» Какая это хорошая молитва. Все в ней есть и ею одною можно Богу молиться.

Когда я спросила, можно ли мне пойти на концерт, владыка сказал:

– Иди. Музыка даже волков укрощает. Авось и тебя укротит.

Я часто ссорилась со своей мамой. Владыка сказал:

– Как ты можешь любить Бога, когда не любишь свою мать?

Моя мама, побывав у владыки, сказала:

– Если Господь такой же добрый, как владыка, то мне не страшно умереть.

В 1940 г. мы были летом с владыкой в Рыльском монастыре. По дороге в гостиницу владыка произнес стихи Некрасова:

Иди к обиженным,
Иди к униженным,
По их стопам.
Где тяжело дышится,
Где горе слышится,
Будь первой там.

Потом обернулся ко мне и сказал:

– Ну-ка, Галинка, повтори эти слова.

Я, запинаясь, повторила. Владыка сказал:

– То-то. Помни эти слова.

Доктор Райна Ивановна делала владыке электролизацию, которая ему очень помогала от головной боли. Дети доктора очень любили владыку и ласкались к нему во время электролизации. Сама доктор очень почитала владыку и верила в его молитвы.

Однажды утром она позвонила по телефону Надежде [Величковой] очень встревоженная и попросила ее сообщить владыке, что [ее] младший сын Миша, семи лет, болен, она боится, не дифтерит ли это, и просит владыку помолиться за него. Потом она позвала докторов. Так как еще не было известно, дифтерит ли это, то Надежда написала записку владыке только про болезнь, прося его молитв, а про результат исследования написала, что сообщит дополнительно.

Исследование показало дифтерит, и Надежда поехала к четырем часам к владыке, чтобы предупредить его не ходить на электролизацию. Но владыка ушел за 10 минут до ее прихода. Надежда чувствовала себя виноватой, но все оказалось по Промыслу Божию.

Владыка, придя, сказал, что не боится заразы, утешил перепуганную, плачущую мать, а потом помолился о больном, благословил его и осенил его своей панагией. Потом владыке сделали сеанс, и он ушел, а мальчик уснул.

На другой день у Миши температура была нормальная и ничего не болело. Пришел доктор, осмотрел больного и пожал плечами:

– Что он болен дифтеритом. – Болен! Исследование это доказало. Но сегодня болезнь его исчезла. И я не знаю, чем это объяснить. Мальчик выздоравливает. Но я до сих пор не видал, чтобы дифтерит проходил так скоро.

Мать боялась осложнений, но на это владыка сказал:

– Благодать Духа Святого сильнее всякой болезни.

Я получила от владыки деньги, 100 левов, и выразила желание купить себе необходимое: автоматическую ручку. Владыка благословил. Но за 100 левов я нигде не могла найти и еле выторговала себе уступку с 200 до 160 левов. Я боялась сказать эту сумму владыке, чтобы он не прибавил мне еще 60, так как ручка должна была считаться его подарком.

Когда я на следующей неделе пришла к владыке, то показала владыке

ручку и благодарила, а про цену не сказала ни слова.

– А сколько она стоит? – вдруг спросил владыка.

– Сто шесть, – быстро ответила я.

– Сто шестьдесят? – как будто не расслышав переспросил владыка, хитро и проницательно посмотрел на меня и рассмеялся.

Ниночка, любимица владыки, заболела менингитом. Лежала у Берзена, стала умирать. Температура была 40°. Берзен сказал, что ей остался жить один день. Родители обратились к владыке. Владыка отдыхал тогда в Княжеве. Он усердно молился за нее и читал Псалтирь.

На следующий день температура упала, Ниночка стала выздоравливать. Родители пришли благодарить владыку. Берзен сказал:

– Я не понимаю, что с ней произошло, отчего она поправляется.

Многokrатно молитвы владыки ставили докторов в тупик.

Про Ниночку владыка всегда говорил: «моя Ниночка». Ее так и звали «владыкиной Ниночкой».

Однажды, когда Ниночка была совсем маленькая (четыре года), когда ее поднесли к чаше для причастия, она вдруг громко заявила причащавшему ее владыке:

– Владыка, а я вчера за тебя молоко пила.

Оказывается, накануне ее насильно заставляли пить молоко, а она все отказывалась. Но когда ей сказали выпить за владыку, она не в силах была отказать и выпила все молоко, а на другой день сообщила ему о своем подвиге.

Один раз владыка был в школе, где училась Ниночка. Ее, как отличную ученицу, вызвали прочитать стихотворение перед высоким гостем. Ниночка вышла вперед, смутилась и остановилась молча. Потом вдруг бросилась к владыке, стала его обнимать и целовать, а потом успокоилась и очень хорошо рассказала свое стихотворение. Ей тогда было около семи лет.

Умирала Е.И. Стоянова, очень любившая и чтившая владыку. Она позвала владыку для исповеди, но настояла, чтобы на этой исповеди присутствовали ее муж и дети, в присутствии которых она чистосердечно покаялась во всех своих грехах.

Когда она закончила, владыка весело и ласково сказал:

– Ну теперь я буду говорить. Ты не умрешь, за твое покаяние Господь продлит тебе жизнь, и я приду к тебе в гости на именины.

Все сочли, что этими словами владыка просто утешал болящую. Но ей

действительно стало лучше, и владыка был у нее на именинах. После этого она еще прожила некоторое время.

У Е. Александровой тяжело заболел младший сын Гоче. Болезнь дала осложнение на головной мозг. Почти не осталось никакой надежды на выздоровление. Мальчик был близок к смерти. Владыка усердно за него молился и служил молебны. Вдруг больной Гоче, лежавший в забытии, открыл глазки и сказал:

– Владыка здесь. Он меня благословил и дал мне просфору. После этого Гоче стал быстро поправляться.

В год своей смерти владыка сказал:

– Я великий грешник.

– Что вы, владыко, какие у вас грехи? – возразила я.

– Я гордый и скупой, – сказал владыка и заплакал.

Монахиня Серафима (Ливен) об архиепископе Серафиме (Из письма патриарху Алексию I)

Ваше Святейшество,

Святейший Владыко и отец наш!

От всего сердца приносим Вам горячую благодарность за Ваше теплое отеческое участие в деле открытия нашей обители. Благодаря Вашему деятельному сердечному участию, а также благодаря Вашему высокому имени, которым нам удавалось преодолевать немало трудностей, заветная мечта нашего незабвенного старца и руководителя осуществилась и женская обитель, образованию которой Владыка Серафим отдавал столько сил в последние годы своей жизни, совершенным чудом наконец открылась.

Предоставление помещения для женской обители было последней радостью в жизни Владыки. Но воля Божия была такова, что обитель открылась уже после кончины нашего старца. Мы потеряли нашего отца в тот момент, когда он был нам более всего нужен. Но Владыка и словом и самою своей жизнью учил нас всегда и во всем покоряться воле Божией. Единственным утешением для нас служит невидимая помощь от Владыки, которую мы получаем во всех наших скорбях. Мы мысленно сердцем всегда обращаемся к нему во всех трудностях нашей жизни и ходим по его завету к нему на могилку.

Желание Владыки было, чтобы монастырь наш приближался к типу общежительных монастырей. Особенное внимание Владыка обращал на целомудрие, нестяжание и полное отсечение своей воли. Абсолютное

послушание и смирение он считал первым условием для поступления в обитель.

В своем слове при открытии обители митрополит Паисий отметил упадок болгарского монашества и выразил пожелание, чтобы наш монастырь влил новую струю в монашескую жизнь в Болгарии. А епископ Парфений сказал, что в Болгарии нет общежительных монастырей, и пожелал, чтобы открытие нашей обители явилось бы почином и примером для открытия таковых же болгарских обителей. Дай Бог нам хотя бы в малой степени оправдать надежды болгарских иерархов.

С самого открытия обители у нас совершается ежедневно Божественная литургия, что является нашим величайшим утешением. Службы совершает старый валаамский монах, беженец из Югославии, который учит сестер монастырскому уставу.

Всем посетителям очень нравится наш храм, а нам он кажется просто раем. Сестры несказанно счастливы тем, что мы имеем монастырь, о котором мы не смели и мечтать и который никогда не получили бы без отеческой помощи Вашего Святейшества. Все сестры ежедневно с благодарностью молятся о Вас Богу, испрашивая Вам здравия и благоденствия еще на многие годы в Вашем многотрудном служении.

Подаренная Вашим Святейшеством икона Козельщанской Божией Матери поставлена в прекрасный киот и лежит на аналое посреди нашего храма. А камешек Преподобного Серафима Саровского является святыней нашей обители в день памяти святого Серафима после Божественной литургии мы служили водосвятный молебен, обливали камешек святой водой и раздавали ее верующим.

Умирая Владыка вверил нашу обитель Покрову Пречистой Божией Матери и покровительству Вашего Святейшества. Вот почему нам было особенно дорого в знаменательные дни открытия монастыря получить Ваши такие сердечные телеграммы, которые нас несказанно утешили. Мы надеемся, что Вы и впредь не оставите нас своим покровительством.

Посылаем Вашему Святейшеству альбом с фотографиями нашего храма и сестер обители, которые, к сожалению, очень задержал фотограф. Очень просим Ваше Святейшество подарить нам Ваш портрет с надписью. Мы видели Ваш прекрасный портрет у о. Мефодия.

Испрашиваем Ваших святых молитв и святительского благословения.

Ваши благодарные и преданные послушницы

Настоятельница монахиня Серафима с сестрами.

16/29 августа 1950 г.

София, Болгария.

(ГАРФ Ф. 6991. Оп. 1, Д. 731. А. 81–81 об.)

Новые свидетельства о молитвенной помощи архиепископа Серафима (Соболева)

24

Если мы, грешные, молим и умоляем Господа за себя и других, ежели живя на земле святые молятся за других и испрашивают им у Бога нужное, то тем более, когда святые переселятся в вечность и будут лицом к лицу с Богом.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Спасение от автокатастрофы и исцеление от онкологического заболевания

Я хочу рассказать о том, что случилось со мной в 1995 г. В декабре этого года мы с моим мужем были в гостях в Германии, в городе Дуйсбурге, у моей подруги. 29.12.95 г. мы поехали домой, в Болгарию. Зима была лютая. Снег был метр и больше. Дороги были не почищены, потому что в Западной Европе были праздники. Туман был густой. Муж ведет машину. Я молилась в уме непрерывно и, наверное, заснула. Передо мной явился старец (сейчас уже я знаю его – мой родной св. Серафим, но тогда я еще не знала). Стоит он против меня одетый в белое, с белыми волосами, держит в руке жезл, и глаза его, такие милые, такие добрые, полны любовью. Не помню, что он говорил мне, но помню, что он о чем-то уговаривал меня. Проснулась я сразу и смотрю на мужа моего. Машина идет вперед и отклоняется с дороги влево, а муж опустил на руль голову и спит. «Ой, – схватила я его руками и затрясла, – что ты делаешь!» Муж проснулся и говорит: «Ты знаешь, я заснул!» Слава Богу и владыке Серафиму за все!

Потом одна приятельница завела меня здесь в крипту русской церкви, а он, владыка мой Серафим, против меня на портрете улыбается, глядя на меня. Я упала на надгробие и долго целовала его. Он нас спас!

Еще я хочу рассказать, что случилось в 2003 г. с моей двоюродной сестрой Р. из города Габрово.

Она заболела. Диагноз – рак матки. Ей было 42 года. Были у нее метастазы в кишечник. Врачи не собирались оперировать ее в Габрове и дали ей направление в Софию. Она пришла ко мне, потому что доцент Т. из онкологической больницы снимает у меня квартиру. Она проводила мою сестру в 5-ю городскую больницу. Смотрели сестру с помощью

аппаратуры и сказали, что надо срочно оперировать. Но в этот момент она и ее муж были без работы, а здесь за последующее обследование и операцию надо было платить. Тогда она решила, что вернется в Габрово и сделает еще исследование бесплатно, а потом приедет на операцию. До поезда было время. Вдруг она говорит мне: «Как-то ты говорила, что в русской церкви находятся мощи святого Серафима, архиепископа Богучарского, что на его могиле давно творятся чудеса. Пойдем к нему!» Пошли и здесь написали письмо нашему дорогому батюшке Серафиму о ее случае и проблеме. Она не знала, как вести себя у могилки. Я говорю: «Посмотри, что я делаю, так делай и ты. Помолись владыке от всей души со слезами». И потом она сказала мне: «Когда я прикоснулась к могилке – меня будто электрическим током ударило». – «Благодать это, – говорю я, – не бойся». Потом отец Николай, служащий здесь, прочел молитву об успехе ее операции. Уехала она в Габрово. Жду я день, два, четыре, неделю. Она не звонит. Моя соседка доцент Т. говорит: «Ну, Мила, что вы ждете? У нее метастазы». Когда сестра позвонила, я сразу стала укорять ее, а она радостным голосом говорит: «Ну что ж ты не спрашиваешь, как я прошла обследование? Ничего у меня больше нет. Я совершенно здорова!»

М.Г., Р.И.

Габрово.

Исцеление от болезни ног

В прошлом году (2000-м), летом, я приехала из села Лепакново-Софийско в Софию, чтобы полечить ноги, особенно правую, которая сильно опухла в подошве, болела, и я с трудом передвигалась. Перед тем как отправиться в Горну Баню к врачу, я отправилась в мою любимейшую русскую церковь святого Николая помолиться, если Богу будет угодно, об облегчении болей. После молитвы на святой Божественной литургии спустилась, как обычно, в крипту к святому владыке Серафиму. И там молилась и плакала. А потом пошла к земным врачам, которые, к моему ужасу, сказали, что мне надо сделать операцию обеих ног, потому что они очень деформированы из-за плоскостопия. Я подумала, что операции я делать не буду, а буду терпеть боли, раз я хоть как-то, но могу двигаться. А врач, будто угадав мои мысли, сказал, что боли будут все усиливаться и я перестану ходить. Делать было нечего. Назначено было приблизительно и время операции, сначала одной, а потом и другой ноги. Не скрою, что я была близка к отчаянию. Но надежда на Божию милость меня не оставляла и на сей раз.

Опять иду я в русскую церковь на богомолье и опять спускаюсь к святому владыке. Только на этот раз слезы застилают мне глаза и я боюсь

споткнуться и упасть. А одна нищенка у самого входа к владыке как бы Божиими устами произнесла: «Ну что ты плачешь? Не плачь! Владыка тебе поможет».

И все, кто был в храме, сильно мне посочувствовали и со всей сердечной русской теплотой надеялись на помощь святого владыки. Таня, которая поддерживает кадилницу у гроба, налила мне немножко святого елея с напутствиями о выздоровлении. Молилась, плакала у гробницы, написала письмо святому владыке, прося вылечить, если Богу угодно, а если не угодно, то пусть помучаюсь за мои грехи.

Я уехала домой в село. Работы много, прыгаю на одной ноге, мучаюсь. А вечером перед сном вымою больную ногу, намажу ваткой с елеем больное место крестиком и обведу крестик кругом, как учила юродивая из пустыньки святого Серафима Саровского. И так каждый вечер, пока не окончился елей (15–20 раз), а потом опухоль исчезла, боль прошла, и я даже начала забывать о ней. Когда мне напоминали об операции, то я со счастливой улыбкой рассказывала о моем небесном исцелителе. Приезжала я к нему, чтобы поблагодарить и опять поплакать от радости и умиления. А теперь вот решила и написать об этом, потому что цареву тайну сохранять надо, а Божью – сохранять для назидания.

Р.С.В.

Исцеление от онкологического заболевания и помощь в устройстве на работу

Я, г. Н.П., 70 лет от роду, могу описать случай о помощи владыки Серафима. В 1988 г. у моего сына появилась опухоль, которая росла не по дням, а по часам. Профессор К. сказал, что нужна немедленная операция.

Накануне, не будучи еще верующей, я пошла в русскую церковь и помолилась со слезами у гробницы дорогого владыки, умоляя спасти сына. Долго, очень долго я просила, умоляла его, и – о чудо! – Я поняла, что владыка меня услышал и что все будет хорошо. Операция прошла успешно, и анализы на опухоль были отрицательные. Я поверила настоящему в Господа и в помощь нашего дорогого владыки Серафима. И еще другой случай. Сын по окончании университета не мог долго найти работу. Я опять обратилась к владыке, и помощь пришла на другой день. Сын теперь учитель в училище имени Николая Островского и работает по сей день. Лично мне владыка Серафим помогал много раз, спасая от сетей лукавого. Дорогой наш владыка, всеми почитаемый и любимый, будет удостоен канонизации, и дай Бог, чтобы это случилось скоро и мы могли его почитать как святого. Для нас он святой.

Г.П., София.

Исцеление от болезней

Я, Л.Л., свидетельствую о всем, что со мной происходило, какие чудеса произошли благодаря молитвам архиепископа Серафима (Соболева) пред Господом. Пять лет тому назад я была тяжело больна. Дали мне инвалидность 1-й группы. Ходила с помощью палочки. Но как я начала систематически посещать усыпальницу архиепископа Серафима, нужда в палочке отпала. И вот я уже три года хожу, как здоровый человек. Была увеличена печень, а сейчас все в порядке. Было повышено кровяное давление, а сейчас оно в порядке. Врачи просто удивляются – как это могло быть. Когда у меня не было денег на лекарства и я просила владыку, чтобы он мне помог купить эти лекарства, то всегда сколько я просила, точно столько мне чудом давали люди, почти незнакомые, и причем в тот же день.

Низкий поклон и святая память архиепископу Серафиму.

София.

12.07.2005 г.

Помощь в исправлении речи

Мой внук, СВ., имел проблемы с речью. До 6-летнего возраста не мог произносить правильно звуки: «с, з, ч, ш, ж, щ, ц». Под руководством логопеда он делал упражнения, но результата не было. Ему предстояло идти в 1-й класс, и неправильная речь могла помешать ему.

Привела его в русскую церковь. Помолитесь вместе, чтобы Бог избавил нас от этой проблемы. Вслед за моей слезной молитвой пред гробом владыки Серафима молитву повторил ребенок. Я написала на листе свою просьбу.

Прошло 2–3 дня, и внук ясно и чисто произнес букву «щ». Затем понемногу он стал произносить и другие «трудные» звуки. Произносил их очень чисто. Молитва отцу Серафиму освободила внука от проблемы с речью.

В.Ш.

София. 03.08.2006 г.

Помощь в получении болгарского гражданства

Я, раба Божия И., хочу рассказать о той помощи, которую получили мы от владыки Серафима. Приехали мы в Болгарию осенью 1992 г. из раздираемого войной Таджикистана. Муж мой болгарин по национальности. Его родители в 1943 г. были высланы из Крыма как враги народа. У меня в России родственников не было. Так по Божьей воле мы оказались здесь с двумя детьми. Было тяжело на новом месте устроиться без работы и жилья, но все обошлось.

Трудности начались с введением виз между Болгарией и Россией. Оказалось, что наш второй сын, которому исполнилось 13 лет, не легализован в Болгарии согласно новому закону. В министерстве нам говорили, что его выгонят из страны и т. д. Документы на болгарское гражданство у него тоже не взяли, т. к. одна бумага была неправильно оформлена. При этом у старшего сына все документы взяли. Это было в октябре 2004 г. Когда мы из Хасково приезжаем в Софию, то обязательно идем в русский храм. Владыка Серафим нам помогал очень много. Но на этот раз я просто плакала возле него и попросила его помочь нам решить вопрос с сыном, тем более что он сам знает, как убежать из любимой страны, бросив всё – дом, работу и т. д., оказаться на новом месте. Каково же было наше удивление, когда через несколько дней после подачи документов на гражданство старшего сына вызвали в Софию и оказалось, что дети имеют гражданство еще с 1994 г., благодаря чему вопрос с легализацией мы решили за несколько дней. И сейчас то, что моя семья имеет в такие трудные времена работу и жилье, по моему глубокому убеждению, – благодаря молитвам владыки Серафима.

И.А.А. из г. Хасково.

Обращение к вере

Я могу привести множество случаев явной молитвенной помощи архиепископа Серафима мне и моим близким, но особенно хочется отметить два.

У меня есть двоюродный брат в Петербурге, которого не крестили в детстве. Став взрослым, он все отказывался принять святое крещение, хотя к этому времени уже открыли церкви и отменили всеобщий атеизм. К слову сказать, атеизма в нашей семье никогда не водилось, поэтому казалось странным, что молодой человек отказывается от крещения. Мы с тетей – его мамой – и уговаривали его, и слегка давили, но ничего не помогало. И вот однажды я догадалась попросить молитв владыки Серафима – написала ему записку и опустила в ящик, стоящий в крипте Свято-Николаевского храма в Софии. Ответ «пришел» довольно быстро – сейчас не могу точно сказать, но, кажется, через неделю моего двоюродного брата послали в командировку – на профессиональную конференцию в Израиль. Брат прилетел в Тель-Авив заранее – в субботу. Потом рассказывал: все живое будто вымерло, негде было купить бутылку минеральной воды, делать нечего и т. д. На всякий случай тетя дала ему телефон дочери своей лучшей подруги – молодой православной женщины, проживающей в Израиле. Брат посчитал, что именно такой случай и представился, позвонил, эта женщина сразу же приехала и отвезла его в

Иерусалим. Об этой поездке брат мой вспоминал, как о «другом измерении». Что-то там с ним произошло. И почти сразу после возвращения в Петербург, где-то через неделю, он, будучи в возрасте 30 лет, принял святое крещение, а на следующий день причастился Святых Таин.

Я.М.А., София.

Владыка Серафим помог деньгами и исцелил от болезней

Я, грешная раба Божия Л.А. из города Радомир, очень благодарю Господа Бога за то, что Он нам дал такого заступника, целителя, наставника, помощника.

Владыка Серафим очень мне помог. Когда дочка Е. училась на третьем курсе университета, мне надо было внести плату 150 левов. Конечно, у меня таких денег не было, и я поехала к владыке и попросила его, чтобы он мне указал, у кого взять займы денег, ведь сразу я не могла их вернуть, а только по частям.

Я тогда работала в вагонном депо, мыла вагоны. И вот я помолилась и пошла на работу в ночную смену. Никогда не забуду, как я вымыла вагон, вытерла пыль и когда вновь пошла по купе, то в третьем купе увидела кошелек. Я сначала испугалась, ведь когда я мыла пол, его не было. Когда открыла его, то там было 150 левов по 50 левов. Именно так я думала, что буду отдавать по 50 левов в месяц. Я не знала, что мне делать, ведь кроме денег ничего там не было, были мысли отдать его начальнику, но потом я вспомнила, как я молилась и что эти деньги от моего владыки Серафима. И я внесла деньги в университет. После работы я ездила к владыке Серафиму и благодарила его. А сколько он мне помогает в болезнях! Очень у меня болели зубы, и я помолилась владыке, чтобы он мне помог, а денег на лечение нет. И вот уже два года они у меня не болят. А самое главное, по молитвам владыки Серафима у меня перестало болеть сердце. У меня была грудная жаба, и постепенно я избавилась от нее. Последний раз я лежала в больнице в июне месяце, и мне сделали все анализы и сказали, что грудной жабы у меня нет, и я им сказала, что это по молитвам владыки. За десять дней Бог по молитвам владыки исцелил меня от рожистого воспаления на ноге, и тоже врачи удивлялись. Все нельзя описать.

Слава Господу Богу, что дал нам такого сильного заступника.

Л.А. из г. Радомир.

Помощь в создании семьи

В январе 1995 г., будучи проездом в Софии, я решил зайти в русскую церковь помолиться Богу о прощении своих грехов и облегчении моих мук

и проблем, которых имелось множество. Меня очень угнетало то, что я одинок и никак не могу создать семью. Я горячо молился владыке Серафиму, чтобы он заступился пред Богом за меня, грешного, и разрешил эту тяжелую для меня проблему.

Молитва была услышана, ибо 02.12.1995 г. я вступил в церковный брак с хорошей девушкой-христианкой. Владыка Серафим внял моим мольбам и заступился за меня, грешного.

Три-четыре года назад в результате безысходной бедности у себя дома я решил эмигрировать за границу. Опять пришел в русскую церковь, чтобы помолиться и попросить благословения на свой отъезд. Но Божия воля была остаться здесь. Когда я пытался написать молитвенное прошение владыке Серафиму, все ручки отказывались писать, пока были в моей руке. А в руках других людей те же ручки писали исправно. Я менял и ручки, и бумагу, но тщетно. Стало понятно, что владыка не отпускает меня, что те пути, которыми я хотел идти по жизни дальше, вредны и опасны для меня.

Слава Святой Единосущной и Нераздельной Троице!

П.Л.С. из г. Свиштов.

Помощь в житейской проблеме

Один раз у нас не было денег купить обувь, и мы попросили моего отца, чтобы он дал нам денег. А он с издевательством сказал: «Пусть вам Бог дает обувь!»

После этого мы пошли в храм помолиться святому Серафиму. И вдруг одна женщина встречает нас и дает нам две пары хорошей лаковой обуви. Это была помощь отца Серафима, несомненно.

Г.П.

Прихожанка Никольского храма, София.

08.12.2006 г.

Дарование безнадежно больному двух лет жизни

Второй случай касается еще одной моей родственницы из Петербурга, точнее ее мужа, которого в нашей семье все очень любили. У него открылось запущенное онкологическое заболевание, в связи с чем предстояла операция. Перед самой операцией я написала записку владыке Серафиму с просьбой о молитвенной помощи болящему. Операция не подтвердила самые мрачные прогнозы, прошла хорошо, появилась надежда, потом эта надежда укрепилась – через год анализы были обнадеживающими, болящий даже пытался опять начать работу – он был врачом.

Итак, мужу моей родственницы (молитвами владыки Серафима – я в этом уверена) было даровано еще два года жизни, но не заполненных

обычной суетой.

Я.М.А., София.

Чудесное исцеление

Благодарю Бога и владыку Серафима за то, что спасли жизнь моей мамы Н.

Она заболела в марте 2006 г., когда после тяжелой вирусной инфекции началась сильная диффузная головная боль и рвота. Лежала в разных лечебных заведениях города, но никто не мог поставить ей точный диагноз. И выписывали из больницы в том же состоянии. Постепенно она перестала говорить и потеряла рассудок. Не могла вставать с постели, ничего не ела, не пила воду. Я врач и видела, что мама гибнет, но не знала, что делать. В августе по рекомендации моего профессора я приехала для консультации в Софию. Первым делом я отправилась в русскую церковь и молилась о чуде владыке Серафиму. 20 августа привезли маму на операцию. В результате вирусной инфекции у нее было повышенное черепно-мозговое давление, которое сжимало ее мозг. Пока ее оперировали, я опять молилась владыке Серафиму о чуде в нашей жизни. И чудо произошло. Хотя повреждения у моей мамы были почти несовместимые с жизнью, она выдержала операцию. Остался легкий паралич левых конечностей. И я опять просила архиепископа Серафима о чуде. Через 10 дней она уже вставала, передвигалась с помощью близких, парализованные конечности стали подвижными. Пришла в рассудок и стала говорить, как прежде.

Благодарю Господа Бога. Благодарю владыку Серафима за спасенную жизнь моей мамы – за чудо, о котором я свидетельствую.

07.09.2006 г.

М. из г. Пловдив.

Чудесное исцеление и помощь в избавлении от наркотической зависимости

Мне 54 года. Благодаря своей матери, я посещаю русскую церковь с самого раннего детства. Все эти годы я непрестанно уверялась в помощи, которую оказывает мне владыка Серафим своими молитвами пред Господом Иисусом Христом. Как самые судьбоносные и значимые могу указать следующие случаи.

В 1992 г. меня оперировали по поводу карциомы груди, и прогноз не был утешительным. Последовали химио- и луче-терапия, которые я перенесла сравнительно легко благодаря молитвам, услышанным владыкой Серафимом. Я очень быстро вернулась на работу и после этого живу полноценной жизнью.

Другое большое несчастье, которое обрушилось на нас, связано с моим сыном, который в пятнадцатилетнем возрасте попал под власть наркотиков. Целых пять страшных лет мы молились и боролись за него. С тех пор прошло шесть лет. Мой сын уже семейный человек и имеет своего сына и чудесную супругу.

Моя мама, которой 78 лет, инвалид 1-й группы из-за остеопороза. По всем законам медицины она должна быть прикована к постели, а она самостоятельно справляется со всеми своими ежедневными делами. За все благодарим Господа и Его угодника владыку Серафима.

Е.Е.Н., София.

Архиепископ Серафим помог найти хорошего хирурга

Вследствие ожогов, полученных от кипятка, моя дочь перенесла две операции в Институте скорой помощи имени Пирогова. Так как во время операции с ней случился анафилактический шок, то врачи поспешили закончить операцию поскорее. Потребовались новые операции. Но с 1990 до 1993 г. никто из пластических хирургов в Болгарии, а потом и на Кипре (в Никосии) не решился ее оперировать. До того момента, когда одна знакомая настоятельно посоветовала привести девочку (ей тогда было 6 лет) в русскую церковь и помолиться у гробницы владыки Серафима. Но осуществить это оказалось нелегко. Появлялись неожиданные препятствия разного характера. Мы приходили три раза, но только в третий раз были допущены преклонить колени перед надгробием владыки.

Может быть, причина была во мне – до 1990 г. я не был крещен, а когда с дочерью случилась беда, следуя плохим советам, посещал всяких гадалок и экстрасенсов. В апреле 1993 г., после нашей молитвы у владыки Серафима, наша проблема решилась успешно и всего за одну неделю. Нашелся хирург, который решился, несмотря на все сложности, оперировать мою дочь. Операция, хотя и продолжительная, оказалась успешной.

Сына не исключили из школы

Хочу высказать свою искреннюю благодарность владыке Серафиму за то, что когда бы я ни обратился к нему, о чем бы ни попросил его в написанных листочках, опускаемых в ящик для писем, ответ и помощь владыки не заставляли долго ждать. Вот один из случаев. Моего сына собирались исключить из школы. Я три дня подряд приходил в крипту и молился. И сын не был исключен из школы, а даже окончил ее с хорошими результатами.

А вот и другой случай. Я сильно повредил большой палец левой ноги. Лечиться не было возможности. Попросил елея из лампы над гробницей

владыки. Начал мазать больное место, и результат был скорым. Дней через 15–20 палец был здоровым. И еще много-много раз владыка откликнулся на мои искренние моления и помогал во всем.

Г.И.Т., София.

Помощь в устройстве на работу

В 1994 г. я окончил Технический университет в Софии, но почти год не мог найти работу по специальности. А так как в семье много инженеров, мне тоже хотелось работать по специальности. Однажды, проходя мимо русской церкви, решил войти в нее, хотя это не входило в мои планы. Спустился в крипту и у надгробия владыки Серафима просто сказал: «Владыко, хочу начать работу как инженер по машинам и сооружениям в Кремиковцах». Как-то ни на минуту не задумался, возможно это или нет. Просто сказал и вышел.

Вскоре после этого мы с моим отцом пошли на завод «Электрон» к другу отца, который там работал. Мы бывали на этом заводе и раньше, но без особых результатов. В ходе разговора выяснилось, что в настоящий момент в соседней комнате находится генеральный директор завода. И друг отца, хотя не был большим начальником, настоял на встрече с директором.

Очень скоро я начал работу на этом заводе точно по моей специальности. Меня назначили на место человека, который должен был уйти по состоянию здоровья.

Знаю и свидетельствую о помощи владыки Серафима в примирении двух супружеских пар, которые были разделены, а после молитв к владыке вернулись к счастливой семейной жизни.

Знаю также, что владыка Серафим после молитв к нему помог четверем бездетным семейным парам стать счастливыми родителями.

Надеюсь, что написанное выше послужит скорейшей канонизации архиепископа Серафима. И да будут его молитвы и заступничество всегда с нами!

С.В.Х., София.

Помощь в даровании детей и в житейских проблемах

Около 40 лет посещаю русскую церковь. Когда 16 лет назад моя старшая дочь вышла замуж, то у них несколько лет не было детей. Я несколько раз молилась владыке Серафиму, и он помог. На шестом году брака моя дочь родила мне внука, а на седьмом году – и второго.

После молитвы в крипте владыке Серафиму моя младшая дочь написала эссе для конкурса. Два месяца не было результата, но мы просили владыку помочь (дочка написала ему четыре письма). После этого

пришел ответ, что она победитель конкурса и награждается бесплатной недельной поездкой в Вену.

Признаюсь, что мы с мужем и детьми часто молимся владыке и о материальном. В последнее время жизнь стала очень трудной, а в семье трое учащихся. Зарплаты маленькие, а бывало, что и вообще оставались без работы. И всегда, когда в такие трудные моменты мы обращались к владыке за помощью, он откликнулся и помогал.

С вечной признательностью и поклоном перед делами архиепископа Серафима.

Н.Н., София.

13.12.2006 г.

Три случая чудесной помощи архиепископа Серафима

В жизни каждого человека бывают тяжелые моменты, когда он ищет выхода и помощи. Я нашла такую помощь у архиепископа Серафима. Следующие три случая заставили меня поверить, что чудеса бывают.

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ

Моя дочь долгие годы болела – у нее были судороги и отеки рук и ног. Особенно процесс обострялся весной, когда любое движение было трудным и болезненным. Ее лечили в Военной больнице с диагнозом ревматоидного артрита. Принимаемые лекарства вредили другим органам, а волосы ее стали седыми. Так продолжалось десять лет. Последний раз, когда она поступила в больницу, врачи предписали ей очень сильные лекарства, которые должны были быть доставлены из-за границы. Моя мука была неопишуемой. Я пошла в храм и от всего сердца помолилась о ее здоровье. И произошло чудо. На следующий день руки и ноги начали двигаться без болей, отеки исчезли без лекарств. Врачи были очень удивлены, отказались от своего диагноза и выписали дочь из больницы.

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ

Пятнадцать лет спустя у моей внучки в переходном возрасте появились гормональные проблемы. Дело дошло до гинекологической операции в Институте скорой помощи имени Пирогова. Потом началось медикаментозное лечение, которое должно было дать результат на десятый день. В большом напряжении и страхе мы ждали девять дней, так как, если бы лекарства не дали результата, ее ждали бы тяжелые исследования и сомнения о серьезных патологиях. Я опять у саркофага владыки Серафима горячо молилась о здоровье моей внучки. На следующий день проблема разрешилась. Внучка здорова.

ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ

После долгого хождения по докторам у меня нашли узлы на

щитовидной железе. Одни рекомендовали мне немедленную операцию, а другие – биопсию. Я опять пошла в храм помолиться владыке Серафиму, теперь уже о своем здоровье. На другой день пошла к врачу, который сказал, что мне не нужна ни операция, ни биопсия, и назначил контрольное исследование через год.

Благодарю тебя, владыка Серафим, и буду благодарить вечно.

Помощь при поступлении в Художественную академию

Моя дочь очень хотела поступить в Художественную академию. Поступала четыре года подряд, и все неуспешно. Я посоветовала ей и ее подруге, которая шесть лет также неуспешно поступала в Художественную академию, обратиться к владыке Серафиму. Обе девочки поступили и теперь уже с отличием окончили. Стали художницами. И это только благодаря чуду, которое подарил им владыка Серафим.

Т.З.

28.11.2006 г.

Помощь в сдаче экзамена и исцелении от рака

Хочу рассказать о чудесах, случившихся со мной по молитвам владыки Серафима.

Я студентка. Перед каждым экзаменом я молилась ему, и он всегда мне помогал. На одном экзамене (по древнеболгарской литературе) я успела хорошо выучить только два вопроса и просила владыку, чтобы мне попался хотя бы один из них. Не могу описать своей радости, когда оба эти вопроса оказались в одном билете. И такое случалось не раз. В помощь владыки поверили и мои друзья. Всегда перед экзаменами они заходили в крипту русской церкви. С одним моим однокурсником случилось так, что он не зашел перед экзаменом к владыке Серафиму и получил двойку. А он был отличником, и это была его единственная двойка за все время обучения.

А о самом большом чуде я пишу по просьбе моей мамы. Несколько лет назад моя бабушка разболелась. У нее нашли скоротечный рак. Моя мама от всего сердца молилась о ее спасении владыке Серафиму. Через месяц исследования показали, что у бабушки не осталось и следа от болезни. Как будто никогда ничего и не было.

Когда мы узнаём, что кто-то из наших знакомых едет в Софию, то даем им письма для владыки Серафима. В них мы просим его о помощи в наших нуждах. Все побывавшие около надгробия владыки возвращаются взволнованными и восхищенными. Благодаря владыке, мы получаем Божие благословение на всякое свое начинание.

Я считаю, что люди во всем мире должны знать, что в Болгарии есть

такой человек, который и после своей смерти молится о нас и испрашивает у Господа благодати и милости.

Такой наш владыка Серафим!

К.С. из г. Бургас.

Исцеление от болезни ноги

Я давно посещаю крипту владыки Серафима. Хочу рассказать об исцелении моей больной ноги. Это случилось пять лет назад. Внезапно разболелась правая нога. Щиколотка начала опухать так, что невозможно было обуться ни в какую обувь. Так и ходила – одна нога в обуви, а другая в носке.

Врач, опытный хирург и мой старый знакомый, сказал, что надо серьезно лечиться. Он и его коллеги-врачи выписали очень дорогие лекарства. Рецепт я взяла, но знала, что купить эти лекарства не смогу. Отправилась к владыке Серафиму и начала со слезами молиться, чтобы он мне помог. Села в автобус и поехала домой – в город Стара Загора. Как обычно, одна нога была нормально обута, а больная – привязана шнурками поверх ботинка. По пути София – Стара Загора нога перестала болеть, опухоль спала, а по приезде больная нога уже ничем не отличалась от здоровой. Я смогла обуться, и все стало как до заболевания.

Это было настоящее чудо. Придя домой, я позвонила своему доктору в Софию, и он не поверил, что такое могло случиться. Но это случилось. Мои муки кончились, нога не болела и не опухала.

Слава Господу и Его угоднику владыке Серафиму!

М.К. из г. Стара Загора.

14.01.2007 г.

Чудесное исцеление от онкологического заболевания

Пишу это письмо к вам с большой благодарностью, трепетом и волнением, потому что со мной и моей семьей случилось чудо благодаря владыке Серафиму (Соболеву).

Со своей супругой мы уже вместе пятнадцать лет, оба мы православные. Но я увлекся молодой девушкой, сожительствовал с ней и даже обещал развестись с женой и жениться на ней, даже определил срок. И вдруг моя законная супруга сильно разболелась, ее увезли в Софию, а я даже не поехал с ней. Но всю ночь не мог спать от переживаний. Утром, прочитав положенные молитвы, пошел на назначенную заранее встречу со знакомым священником, который должен был совершить молебен о здравии моей жены. Я попросил исповедать меня. Священник знал о моем тяжком духовном недуге и раньше, но теперь он наложил епитимию – год лишения причастия.

Уже с другим настроением я отправился в Софию, в больницу, где мне сообщили, что у моей жены рак и что необходимо делать вторую операцию. Я был в шоке. От священника я узнал о русской церкви и о мощах владыки Серафима (Соболева), который очень помогает людям. Повидавшись с женой, только что выведенной из-под наркоза, я поспешил в русскую церковь. Спросил о месте упокоения владыки Серафима и когда оказался перед его надгробием, начал неудержимо плакать и делать земные поклоны. Это продолжалось часами. Меня не смущало присутствие многих людей. Я плакал и молился. А раньше я стеснялся показывать свою веру. В руках я постоянно держал маленький образ владыки Серафима, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью. Так продолжалось несколько дней. В один из таких дней я увидел на образе длинный седой волос, как на портретах владыки, и принял это за добрый знак.

Вторая операция прошла быстро и благополучно. Врачи, уверенные, что у больной рак, были крайне удивлены, когда оказалось (и дальнейшие исследования это подтвердили), что опухоль доброкачественная. Но я знал, что это по молитвам владыки Серафима и всех других святых Господь исцелил мою дорогую супругу, исцелил мою грешную душу и наставил меня на путь покаяния.

Глубокий поклон перед владыкой Серафимом!

З.П.Г. из г. Сливен.

2006 г.

Помощь в сдаче экзамена

Перед ответственным экзаменом по английскому языку я зашла помолиться в русскую церковь к владыке Серафиму о помощи. Поставила свечку, а оставшиеся в руках деньги (75 стотинок) опустила в церковную «кружку».

Через пять часов после экзамена я получила удостоверение, что успешно выдержала экзамен с 75 баллами. Я поняла, что когда веришь – чудеса случаются! Но думаю, что они случаются единственно с людьми, которые по-настоящему, искренне верят.

Благодарю Господа Бога и владыку Серафима, что всегда получаю помощь при любых, даже на первый взгляд неразрешимых ситуациях.

Б.Ч.

12.12.2006 г.

Архиепископ Серафим вымолил исцеление от онкологического заболевания и болезни глаз

В июле 2007 г. у меня появилось уплотнение, которое стало быстро

увеличиваться в размерах, – лимфостаз. Врачи настаивали на немедленной операции по удалению, объясняя, что через три месяца я не смогу двигать рукой. Лекарства не помогали, с операцией не хотелось спешить. После обращения за помощью к владыке Серафиму лимфостаз стал уменьшаться в размерах, и в течение месяца не осталось и следа. Врачи утверждали, что это невозможно. Но это так. Рентгеновский снимок у меня сохранился.

Еще один случай исцеления болезни. Как-то раз, работая вечером в саду, я пыльной веткой ели уколола глаз. На следующий день появились сильные боли и рези в обоих глазах. Постоянно лились слезы, невозможно было смотреть. Владыка Серафим и в этот раз помог, когда я начала мазать глаза елеем из лампы, висящей над его надгробием. К вечеру того же дня все прошло.

Л.К., София.

Сын освобожден от дурных влияний

У меня есть сын. Он родился с психической деформацией. Теперь ему уже 39 лет, и все эти годы у нас были с ним большие проблемы, делающие несчастным и его самого, и всю нашу семью. Лечение давало временный эффект. Временами он становился очень агрессивным, особенно по отношению к своей бабушке, к моей маме.

Пользуясь состоянием сына, его окружали лица с криминальным прошлым, обворовывали его и настраивали против нас. В конце концов вовлекли в криминальную историю.

Несколько лет я ходила и молила владыку Серафима о помощи, писала ему письма. И вот в марте 2006 г. главный виновник всех наших бед – вор и мошенник попал в тюрьму. Сын начал лечиться. Там же, в лечебном заведении, он начал ходить в церковь. Сейчас мой сын освобожден от дурных влияний, регулярно принимает лекарства, стал спокойным и даже нежным по отношению к нам. Надеюсь и молюсь, что и впредь все будет так же.

Мы молились владыке Серафиму (Соболеву) и о других вещах, и он всегда помогал нам.

Не могу выразить словами своей огромной благодарности!

Л.Т.

Спасение от смерти

Мой сын внезапно разболелся – острые боли в животе. Вызвали «скорую помощь», отвезли в больницу, там проверили и сказали, что ничего не находят, и отправили домой. А боли не только продолжались, но и усиливались. В отчаянии и с надеждой только на Господа я отправилась в русскую церковь. Там упала на могилу владыки Серафима и стала

просить его о помощи.

В это время к нам домой пришел наш знакомый врач, увидел, что положение сына весьма серьезно, и повез его в Институт скорой помощи имени Пирогова. Там его моментально приняли и сразу же оперировали – гнойный аппендицит, который вот-вот мог бы прорваться.

Так владыка Серафим вымолил у Господа Бога здоровье и жизнь для моего сына.

Н.И., София.

Молитвы архиепископа Серафима сохранили ребенку слух

Хочу выразить свое глубокое преклонение, восхищение и благодарность перед владыкой Серафимом за чудо, которое он сотворил для меня и моего ребенка.

Четыре года назад мой сын внезапно оглох на одно ухо. Сначала я думала, что это не так серьезно, как оказалось. Сына сразу приняли в больницу, сказав, что положение очень серьезное. Сказали, что если через четыре-пять дней слух не восстановится, то уже не восстановится никогда. Улучшения не было, и врачи уже перестали давать надежды. Я и моя мама постоянно приходили в русскую церковь и молились в крипте владыке Серафиму. И я абсолютно убеждена, что это он помог моему сыну – спас его от глухоты. Никогда не забуду тот день, когда он опять стал слышать! Это было такое счастье! Благодарим тебя от всего сердца, владыко Серафиме!

Я уверена и в том, что владыка помог мне выехать в Италию, где я проработала два года и четыре месяца. Помог мне стать смелой и упорной, какой я раньше не была. Теперь я постоянно молюсь ему и глубоко верю, что он слышит меня и всегда помогает и укрепляет.

З.И., София.

25.05.2008 г.

Чудесное исцеление от болезни глаз

Мой внук родился с больными глазами. Они постоянно краснели, появлялись кровоизлияния – страшно было смотреть на него. Врачи ничем не могли помочь. Когда ему было около пяти лет, я решила повести его в русскую церковь, к владыке Серафиму. Там была последняя надежда на помощь. И мы действительно получили помощь: постепенно краснота стала проходить, кровоизлияния прекратились, глаза ребенка очистились. Сейчас он уже большой, совершеннолетний и все у него хорошо. Слава Богу!

Благодарим Господа и владыку Серафима!

Н.И., София.

Исцеление от бесплодия

У нас с женой не было детей пять лет. Врачи провели обследование и сообщили, что естественным путем мы детей иметь не сможем. Поэтому мы попытались решить эту проблему при помощи врачей. Обе попытки были неудачными. Вскоре после этого я пошел на могилу владыки Серафима и написал ему письмо, в котором попросил его обратить мою жену к Православию. Дело в том, что моя жена хотя и была крещена и мы были обвенчаны, но она давно не была на литургии и не желала причащаться. В тот же вечер моя жена меня очень удивила, сказав следующее: «Церковь права, действительно, после такой неуспешной попытки остается сильная боль и пустота. Не нужно искушать Бога, чтобы получить ребенка, и вмешиваться в Его дела. Хочу завтра пойти на литургию». Можете себе представить, какую я испытал радость и в то же время как был потрясен этим чудом. Вскоре случилось главное для нас с женой чудо – моя жена забеременела без всякого медицинского вмешательства. Несомненно, это владыка вымолил у Бога ребенка, а сам факт, что ребенок пришел неожиданно, показал, что Бог лучше знает наилучший момент для Своего дара. С тех пор я всегда, когда есть возможность, прихожу к могиле владыки Серафима в русской церкви, и ни разу я не уходил оттуда без утешения.

И.Г., София.

2012 г.

Исцеление от болезни спины

Около месяца у меня были сильные боли в спине. Лечебная гимнастика не помогала. Работа у меня сидячая, и сменить ее я не могу. Обезболивающие мази также не помогли. Боли продолжались и мешали жить. Даже посещение праздничной службы стало в тягость. Нужно было работать, однако боли были такие сильные, что о работе пришлось забыть. Оставалось только одно – лежать. Однако перед тем как лечь я написала кривым от боли и усталости почерком владыке Серафиму следующее письмо: «У меня очень болит спина. Владыка Серафим, прошу тебя, облегчи мне эту боль. Аминь!»

Как только я расслабилась на постели, сразу же почувствовала чудесное облегчение – такого комфорта я давно не испытывала. Проснулась приблизительно через час совершенно отдохнувшей. С тех пор парализующая боль не появлялась. При первой же возможности я сходила в русскую церковь, отправила письмо с уже исполненной просьбой и поблагодарила владыку Серафима.

В.Н., София.

2012 г.

Помощь в устройстве на работу

Я потеряла работу. А тут и новая беда – моего мужа понизили в должности. Зарплата у мужа стала меньше. Можете представить, какой шок я пережила, тем более что надо было выплачивать кредит. Паника и страх охватили меня. Я живу в Варне и посетить русскую церковь в Софии, чтобы помолиться, я не могу. Я стала искать в интернете фотографию надгробия на могиле владыки Серафима и нашла. На душе было так тяжело, но я почувствовала, что владыка Серафим все знает и поможет. В этот момент слов не было, были только слезы, боль, смирение и ощущение помощи. И чудо свершилось: всего через два часа моему мужу позвонили и пригласили на собеседование. Он прошел собеседование и получил желанную работу в порту, где и теперь трудится.

К.Г. из г. Варна.

Еще один случай помощи в устройстве на работу

Около года назад искала работу. Ездил на собеседования, однако все было напрасно. Одних работодателей не устраивало одно, других – другое. Работу не смогла найти. Случайно в интернете попала на православный сайт и сразу увидела статью об архиепископе Серафиме и его помощи верующим. Прочитала и о том, что можно отправить ему записку. Так и сделала. Написала письмо владыке, в котором изложила свою проблему, и отправила письмо в Софию. Вскоре нашла работу довольно легко, причем работа близко к дому. Сердечно благодарю Бога, что Он откликнулся на молитвы архиепископа Серафима!

Я.Т. из г. Варна.

Исцеление от психического расстройства

Хочу рассказать о чуде, которое произошло с нами по молитвам владыки Серафима.

Наш сын был студентом элитного университета и очень хорошо учился. Неожиданно для нас он тяжело заболел. Несмотря на то, что анализы были в порядке, чувствовал он себя очень плохо. Ему было трудно выходить из дома, говорить по телефону и общаться с людьми. Он расстался со всеми друзьями. О посещении университета и речи не могло идти. Мы обратились к врачам, но ни один врач не мог сказать, что с ним. Тогда мы обратились к гомеопату. После его лечения сын вообще перестал выходить из дома и отказывался общаться даже с нами. Дошло до того, что он перестал выходить из комнаты, так как боялся заразиться. С нами он разговаривал только через дверь. Общался он только с гомеопатом по скайпу. Отношения с супругом тоже ухудшились. Мы стали постоянно

ссориться и обвинять друг друга. Жить стало невыносимо.

Именно тогда я начала писать длинные письма владыке Серафиму и ходить в русскую церковь, чтобы молиться у его могилы. Ходила часто и молилась горячо, чтобы он помог моему сыну обратиться к Богу, обрести веру и исцелиться от ужасной болезни. Молилась я и о том, чтобы в нашем доме воцарился мир. И чудо произошло. Сын сам написал письмо владыке Серафиму и попросил его о помощи. Сразу же после этого он начал молиться и носить крест. Постепенно стал выходить из дома, стал разговаривать с нами, а главное, перестал унывать. Каждый раз, когда он чувствует себя плохо, то обращается с молитвой к Господу и Пресвятой Богородице за помощью. Мы с супругом перестали ссориться и друг друга обвинять. Сейчас мой сын все еще не ходит в университет, но начал заниматься спортом и время от времени видится с друзьями. Он также посещает вечерние курсы, чтобы получить дополнительную профессию. Он стал строить планы на будущее. Прошло всего четыре месяца с тех пор, как я стала молиться владыке. Перемены огромные! Никакие слова не могут описать мою бесконечную признательность и любовь к владыке Серафиму!

И.И.С., София.

Архиепископ Серафим спас от грабителя и помог в сдаче экзамена

Хочу рассказать о чудесах, которые случились в моей жизни по молитвам владыки Серафима.

Первое чудо произошло в 1998 г. Я только что приехал в Софию. В тот день я сидел на скамейке около Никольской церкви в Софии. В крипте этого храма покоятся мощи архиепископа Серафима. Около меня сидел какой-то парень. Я читал церковную газету, и вдруг он угрожающим голосом потребовал отдать ему деньги. В первый момент я испугался, подумал, что смогу убежать, но понял, что он может кинуть в меня нож, так как он держал свою руку в кармане. Вдруг в уме молнией блеснула мысль, что рядом со мной, где-то в двадцати метрах, покоятся мощи владыки Серафима! Я начал молиться, словно мысленно звал со слезами любимого владыку Серафима. Через мгновение нападающий ушел сам, явно недовольный своим неуспехом, словно меня защитила невидимая сила! У меня нет никаких сомнений, что защитил меня владыка Серафим!

Другое чудо случилось в 2000 г. В том году я поступил на богословский факультет Софийского университета. Зная о помощи владыки Серафима студентам при сдаче экзаменов, я молился ему особенно горячо. Тем по догматическому богословию было более

шестидесяти. Три из них мне особо были близки. Одной из них была тема о Таинствах Церкви. Мне выпала именно эта тема. Написал я сочинение на максимальный балл. Все благодаря заступничеству архиепископа Серафима.

Н.К. из г. Габрово.

Архиепископ Серафим помог создать семью

Одна знакомая из России как-то поделилась со мной своей материнской тревогой: дочери уже 25 лет, а на горизонте никаких женихов. До сих пор за девушкой даже никто не ухаживал. Моя знакомая считала, что проблема в высоком росте дочери – 182 сантиметра. Вот и попросила меня моя знакомая «отправить» письмо архиепископу Серафиму (Соболеву), чтобы в жизни ее дочери все устроилось. Я все исполнила. Было это осенью 2008 г. Чудо случилось, и в 2009 г., на Красную горку, эта девушка венчалась. Муж намного выше ее ростом. Очень счастливы в браке.

Я.А., София.

Помощь в поиске врача

Десять лет назад у моей матери были очень сильные непрекращающиеся боли в области сердца. Мой отец – медицинский работник, но ничем помочь ей не мог. Родители были у районного кардиолога в больнице г. Луковит, но и там не получили необходимой помощи. Когда я узнала обо всем этом, то сразу же пошла в русскую церковь. Помолилась от всей души и всего сердца владыке Серафиму о здоровье моей мамы. На следующий день мама и папа нашли невропатолога в г. Плевен, который подобрал такие лекарства, которые помогли моей матери выздороветь.

Т.М.В., София.

24.10.2014.

Два случая исцеления

Весной 1995 г. у меня появилась боль в левом тазобедренном суставе. Боль была при каждом шаге и особенно вечером, когда я пыталась лечь на этот бок. Удивлялась происходящему, потому что тогда я была молодой. Я прошла 20-дневный курс физиотерапии в поликлинике. При этом лекарства пить не могла из-за многолетних проблем с желудком. Боли продолжались. Некоторое время спустя мы с родителями поехали в Софию. Там мы посетили русскую церковь и место захоронения архиепископа Серафима (Соболева). Мне очень хотелось помолиться о моей проблеме со здоровьем, но я не решилась. Написала на листке только: «Святый отче Серафиме, моли Бога о нас». Очень надеялась, что

он мне поможет. И это действительно случилось – не заметила, в какой точно момент – в тот же день или на следующий, но боли прекратились и моя нога стала совершенно здоровой – я смогла ходить и лежать на этом боку совсем спокойно.

Где-то в 1998 или в 1999 г. моей тете (В.Ф. из Пловдива) поставили диагноз – рак кожи. Ей сделали операцию, но рана была инфицирована и гноилась продолжительное время. Тете давали антибиотики и перевели в онкологическую больницу Пловдива. Говорили с врачом. Она сказала, что мы запоздали с операцией. Моя мама очень беспокоилась, а папа поехал в Софию и привез маленькую бутылочку с маслом из лампадки у надгробия владыки Серафима. Мы не посмели помазать им саму рану и помазали бинт над ней.

Несмотря на плохие прогнозы и низкий процент тех, кто проживает более одного года при этом виде рака, моя тетя жива вот уже 17 лет.

Мы обращались с мольбой о помощи к владыке Серафиму во многих проблемах – со здоровьем и личных нуждах, и получали помощь и утешение. В большинстве случаев мы не могли съездить в Софию, но посылали письма в русскую церковь, чтобы их оставляли у его надгробия, как он сам завещал.

Сейчас посылаю это письмо, чтобы подтвердить, что владыка Серафим неоднократно помогал мне и моим близким своим молитвенным заступничеством.

Б.А. из г. Пловдив.

Духовные наставления архиепископа Серафима

*Задача нашей жизни – соединиться с Богом.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский*

Краткие духовные наставления

(Из записок духовных чад архиепископа Серафима)

О любви и послушании

Любовь к Богу состоит в соблюдении Его заповедей.

В брате своем нужно видеть Ангела, а на грех его смотреть как на болезнь. Нужно отделять человека от его грехов. Грех должно нам ненавидеть, а человека – любить и жалеть.

Владыка Серафим говорил о себе: «Ничто так меня не огорчает, как огорчительные слова, сказанные ближним, пусть даже по необходимости».

Стараюсь почти не думать о себе. Старайся и ты. Настоящую любовь приобретешь тогда, когда отбросишь себялюбие.

Выслушивай людей, а о себе (своих болезнях и скорбях) не говори!

Послушание есть истинная любовь. Послушание – источник жизни и блаженства, а непослушание – источник смерти и несчастья. Подлинное послушание делает послушника подобным неопалимой купине. Послушание в огне не горит, в воде не тонет и поднимает от земли к небу. А непослушание в воде тонет, в огне горит и от земли переносит в ад. Послушание есть рай, а непослушание – ад. За послушание Бог посылает преобладающую радость.

Послушание есть любовь, а непослушание – нелюбовь, попрание любви. Никогда не отказывайся от послушания.

В непослушании кроется гордость. В смирении кроется любовь. В гордости нет любви. Все твои несчастья идут от твоей гордости.

О смирении

Ничто не может помочь нам спастись, кроме смирения. Мы смиряемся перед своими ближними, когда не осуждаем их. Готовься к монашеству кротостью и смирением.

Три основы монашества: воздержание, смирение и послушание.

Имей смирение. Тогда научишься всему доброму. Чем ты смиреннее, тем ближе будешь к Богу. Прошу тебя, радость моя, побыстрее обрети смирение.

Будь смиренна, и все остальное тебе приложится. Смирение означает всегда считать себя ничтожной.

Избегай тщеславия. Только через смирение можешь стать настоящим монахом. Если тебе в голову приходят тщеславные мысли, нужно говорить: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс.113:9).

Только смиренный может быть настоящим монахом.

Помни слова: *Положи, Господи, хранение устом моим (Пс.140:3)*! Не поучай, если тебя не спрашивают!

Смиряться и помни слова Господа: *А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим (Ис.66:2)*.

Как обрести смирение? – Молчанием. Молчи! Будь глупой! Пусть все считают тебя глупой! Молчание – первое средство для обретения смирения и любви. Молчанием спасешься.

Чтобы обрести смирение, молчи, когда тебя ругают, когда на тебя сердятся, и молись про себя молитвой «Богородице Дево».

Когда тебя обидят, непременно промолчи, и обретешь смирение. Нужно, однако, молчать не только устами, но и сердцем. Против гордости, как и против осуждения, можем бороться молчанием.

Будь смиренна. Тогда пребудешь в истине и в Христовом мире. *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин.14:27)*. Господь затем пришел на землю – дать нам Свой мир – все Свое сокровище.

Да смиримся под крепкой Божией десницей, и Господь не замедлит порадовать нас. Самое главное для спасения – кротость и смирение.

На вопрос: что такое кротость? – владыка Серафим ответил: «Когда кто-то тебя ругает, всегда обвинять себя и не сердиться. Без скорбей не можем спастись».

О следовании воле Божией

Каждый человек – кузнец своего счастья, и от самого человека зависит, спасется ли он. Без добровольных усилий своей воли человек не может войти в рай.

Всегда все делай по совести!

Старайся ни на кого не обижаться. Никогда не сердись. Никогда не настаивай. Когда что-то делают не по-твоему, говори: «Слава Богу! Слава Богу!» Нужно обуздывать себя.

Все беды и несчастья посылаются нам из-за того, что не имеем смирения. Нужно жить как повелевает Бог, а не как нам хочется. Ничего не делается без воли Божией. В нашей жизни нет ничего случайного. Молю Господа, чтобы Его воля всегда была на мне.

В скорби прочти три зачала Евангелия.

Человек, который стремится к монашеству, ни о чем не должен тревожиться, а возлагать всю свою надежду на Бога.

На мои слова, что Господь меня оставил, владыка Серафим ответил: «Эти слова у тебя от дьявола. Господь не может тебя оставить. Он

милостив. Ты даже не можешь представить себе Божие милосердие. Потому и всех Божиих угодников отличало милосердие».

Если на тебя найдет уныние, читай жития святых. Старайся прочитать хотя бы несколько строк из них. Для души они словно благодатный дождь, который освежает, ободряет и радует.

Тебе тяжело, но подумай, каково было Спасителю на кресте. Конец близок, жизнь проходит быстро. На земле мы гости, перелетные птицы.

Всегда помни слова: «Люта зима, но рай сладок».

О борьбе с грехом

Крутой и тернистый путь ведет в Царство Небесное. Каков твой путь? Борьба до крови против плотской страсти и себялюбия. Себялюбие – почва, на которой растут страсти, пустота жизни и печаль.

Ненависть ко греху есть начало духовного возрождения.

Не соизволяй бесам!

Нет ничего хуже греха дерзкого (то есть когда грешим сознательно).

Владыка Серафим говорил: «Духовная философия – трудная наука: нужно десять лет читать жития и бороться со своими страстями».

Себялюбие приносит печаль и лечится молчанием.

С себялюбием борись молчанием. Через тщеславие дьявол наиболее часто губит людей. В земных удовольствиях скрыта отравка гибели.

Подшучивать, шутить – в этом проявление тонкого тщеславия!

На вопрос: как бороться с чревоугодием? – владыка ответил: «Воздержанием».

Никогда не завидуй. Это тяжкий грех.

По улице иди с опущенными глазами.

Господь особенно ценит девство и любит монахов. Сначала очень трудно, нужно постоянно понуждать себя, но в конце исполняются слова Спасителя: *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф.11:30).

Бесстрастие – это победа над страстями. От него в душе наступает полный мир – Царство Божие еще на земле.

О молитве

Господь близко, если позовешь Его – сразу откликнется!

Молись как можно проще. Например: «Господи, помилуй!» А когда обращаешься к Божией Матери, говори: «Матушка, Царица Небесная!»

Молитва спасает от всех бед.

Когда на тебя находит уныние, хорошо читать прощальную беседу Спасителя с учениками (см.: Ин.13–17 гл.) или Псалтирь.

О силе псалмов владыка Серафим говорил: «Саул утешался Давидовыми псалмами, когда его охватывала сильная печаль. Святой

Тихон Задонский, которому Господь послал тяжкое испытание – уныние и печаль, тоже всегда читал Псалтирь».

Если тебе трудно молиться и твое сердце окаменело, нужно прежде всего произнести молитву «Богородице Дево», и тогда тебе станет легче.

В течение дня постоянно повторяй «Богородице Дево», и, если всегда будешь так делать, Матерь Божия будет тебя любить.

Когда молишься Пресвятой Богородице, называй Ее Девой. Это особенно ненавистно бесам.

Духовное чадо владыки Серафима поделился с ним, что ему трудно удерживать внимание на словах молитвы. Владыка сказал ему: «Именно в этом все и состоит – чтобы постоянно понуждать себя ко вниманию, постоянно возвращать свой ум в сердце, потому что только так обретается настоящая молитва».

На вопрос: как научиться сердечной молитве? – владыка Серафим сказал: «В Иисусовой молитве нужно сосредоточиваться в сердце на слове «Господи». Как струна издает звук, когда ее тронут, так и в сердце появится любовь, умиление и слезы, когда сосредоточишься в нем на слове «Господи"».

Читай жития святых. В них найдешь всё, они всему тебя научат. Сравнивай себя не со своими ближними, а со святыми – такое сравнение открывает нам, насколько мы грешны.

Самая высокая степень прелести – молиться напоказ. Поступай как юродивый Васенька, которого я как-то посетил. Он молился непрестанно, но когда слышал, что приближается кто-то из монахинь, сразу же ложился и начинал храпеть. Так нужно поступать.

О молитве владыка Серафим говорил и так: «Ни одна наша молитвенная слеза не напрасна».

О покаянии

Если хочешь, чтобы Господь смилостивился над тобой, всегда кайся, будь милостив к страждущим, утешай их. *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф.5:7).*

Нужно всегда каяться в своих грехах. Особенно важно каждый вечер, перед сном, покаяться перед Богом в грехах, которые мы совершили в течение дня.

Если бы дьявол покаялся, Господь бы его простил. Это написано в житии преподобного Антония Великого.

Самоукорение – начало спасения, а самооправдание для человека – гибель.

На вопрос: как каяться? – владыка Серафим ответил: «Говори: «Боже,

милостив буди мне грешной!"» – и потом добавил, что отец Амвросий Оптинский, когда его спросили: как молиться? – ответил: «Сначала я читал много молитв, а теперь повторяю только молитву мытаря».

Научить тебя покаянию зависит не только от меня, а более всего от тебя самой. Покаяние в основе своей – смирение. А ты сама должна смириться. Тогда смирение научит тебя истинному покаянию.

Владыка Серафим часто напоминал русскую поговорку: «Не ищи в селе, а ищи в себе». Это означает не искать вину в других, а в себе. «Сама себя обвиняй во всем», – добавлял он.

О сердечной простоте

Будь простой как ребенок, доверчивой как голубь и мудрой как змея.

Помни Христовы слова: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф.18:3)*. Это тебе главное правило: будь простым во всех своих мыслях, чувствах, словах, поведении, в своих отношениях с людьми. Быть простым означает ни в чем не допускать искусственности, держаться перед людьми, как перед Богом. Стать простым означает перемену, перемену жизни, означает такую перемену, которая совершается десницей Всевышнего (Пс.76:11 – *сия измена десницы Вышняго*). Тогда не погибнешь, потому что простота есть смирение. А на смирении людей Бог почивает Своей благодатью как на престоле.

О православной вере

Свято и неукоснительно храните нашу православную веру как в ее канонах, так и в ее догматах. Приспосабливайте не веру к своей жизни, а свою жизнь – к вере. От истинно православной веры черпайте все свое счастье. Тогда вы будете истинными сынами Православной Церкви и Господь изольет на вас еще здесь Свои несказанные милости.

Кто-то может сказать: «Зачем нужно хранить веру во Христа и стремиться к обретению других христианских добродетелей? Не достаточно ли иметь только любовь, чтобы удостоиться вечного спасения?» Такие вопросы возникают только у тех, кто не имеет никакого понятия о христианской духовной жизни.

Можно ли взобраться на гору не проходя через ее подножье? Разумеется, нельзя. Точно так же нельзя без основы всех христианских добродетелей, то есть без искренней веры в Христа, достичь их вершины – любви.

Давайте будем помнить, возлюбленные во Христе чада мои, что без веры угодить Богу невозможно (Евр.11:6), что без православной веры нет благодати, нет и истинной любви к ближним, а есть только гибельный

эгоизм или только пустые слова о любви, как у еретиков и сектантов. Поэтому давайте полагать усилия, чтобы свято и неукоснительно хранить православную веру, а вместе с ней всегда иметь и благодатную, истинную любовь к ближнему.

*Из книги «Живот, чудеса и завети
на Светител Серафим Софийски». София. 2011.
Перевод с болг. Я. Алексеевой.*

Мысли архиепископа Серафима, записанные духовными чадами

25

Покаяние есть исправление жизни.

Больше слушай, чем говори и рассказывай.

Оккультизм и спиритизм не есть шарлатанство, но есть реальное общение с бесами и ведет к гибели.

Три главные греха, в которых лежит теперь все человечество: 1) блуд, 2) гордость, 3) жестокость. Эти грехи влекут человечество к гибели. Господь не выносит блуда.

Больше всех святых люблю юродивых Христа ради. Я их считаю выше мучеников. Те страдали дни, недели, а эти всю свою жизнь – в холоде, в голоде, в насмешках.

Послушание не груша, его сразу не съешь. Лет тридцать нужно работать над собой, чтобы отсесть совершенно свою волю.

Высший дар Божий, – дар слез. Я ставлю его выше чудотворений и прозорливости. Кто обладает этим даром, тот никогда не падает: он и так уже на земле лежит, по смирению.

Главное – не осуждать. Корень всех плотских грехов – осуждение.

Мистика сектантская – это тайное общение с бесами, а мистика наша, православная, – это тайное общение с Богом.

Самое главное – кротость и смирение. Без них телесные подвиги – ничто. За телесные подвиги без любви и смирения Господь наказывает блудной похотью, чтобы смирить человека. Я знал одного монаха, который так запостился, что один нос остался, а злющий был такой, что к нему подойти нельзя было.

Я спросил: «Владыко святой, а если человек имеет смирение и любовь, но объедается, победит ли он страсти?» Владыка отвечал: «Он будет свиньей и больше ничего. Да, при истинной любви и смирении нельзя и объедаться. Любовь сопряжена со страданиями, заботами о людях. Разве мать объедается, когда у нее больное дитя? Она только о нем и заботится, а о еде и не думает. Вот святой Тихон Задонский, когда он ел, то часто оставлял пищу и начинал плакать: «Вот я ем, а есть заключенные, которые не имеют, чего есть». Его утешали, но не могли утешить.

Любовь надо иметь не только к людям, но и к Богу. А ведь Богу не угодно, чтобы мы объедались. Потому, кто любит Его и хочет Ему

угождать, тот не станет объедаться. Из любви и смирения само собой является и пост.

По существу, любовь и есть смирение, а смирение – любовь.

Во всех добродетелях самое важное – смирение».

Безмолвие – это благодатная, сердечная молитва. Вот Иоанн Кронштадтский был все время с людьми, непрестанно разговаривал, а находился непрерывно в безмолвии.

Видимо-невидимо было на Руси угодников Божиих, святых. В древней Церкви столько не было.

Духовную дочь преподобного Серафима Саровского, юродивую Пелагию Ивановну я ставлю наравне со святым Симеоном Христа ради юродивым. Нельзя без слез читать ее житие.

Мы живем не так, как нам хочется, а как хочет того Бог. Воля же Божия выражается и проявляется в стечении обстоятельств жизни, а обстоятельства жизни – это злые отношения людей, клеветы и т. п.

Перед Богом-то легко смиряться, а перед людьми – трудно. Надо переносить оскорбления от людей.

Дело не в старце, а в самом себе. Мне рассказывал старец Оптиной пустыни Агапит²⁶ такой случай: «Однажды думал я, вот хорошо иметь такого старца, как отец Амвросий. Он и на суде Христовом за меня ответ даст и я обязательно попаду в Царствие Небесное! Прихожу к отцу Амвросию, а он смотрит на меня грозно и говорит: «Каждый за себя даст ответ на Страшном суде"».

Рассказывал мне прозорливый дивный старец Гефсиманского скита отец Исидор такой случай. Пришли три монаха, – между ними сам о. Исидор, – из Троице-Сергиевой лавры кандидаты на иеродиакона к Московскому митрополиту Филарету, чтобы он выбрал из них наиболее достойного. Посадил их Филарет и спрашивает одного: «Чем мы спасаемся?» – «Вашиими молитвами, Ваше Высокопреосвященство!» – отвечал монах. «Дурак ты и больше ничего», – ответил Филарет. Затем обратился с тем же вопросом ко второму кандидату. – «Смирением», – отвечал монах. «Это правильнее! Вот я тебя пошлю на кухню, посмотрим, как ты там будешь смиряться». Наконец митрополит Филарет обратился к отцу Исидору с тем же вопросом: «Чем мы спасаемся?» Исидор отвечал: «Честною Кровью Господа нашего Иисуса Христа». – «Правильно», – сказал святитель и выбрал отца Исидора в иеродиакона».

«Ответственны ли сумасшедшие за свои греховные поступки?» Владыка: «Если они совершенно бессознательно их делают, то не ответственны, а если в сознании, то ответственны, но не в такой степени,

как здоровые».

Клевета – это то же самое, что смерть, а ведь смерти не нужно искать. Клевета – это смерть, хуже смерти!

Мое молитвенное правило увеличивается от обстоятельств жизни, во время скорбей, клевет, болезней.

Я заметил, что Господь всегда слышит и исполняет молитву во время великих скорбей.

Можно и хорошо читать наших русских классиков.

Не надо осуждать! Если и ошибся кто, нужно выискивать уважительные причины этой ошибки, но не осуждать ближнего. Такова должна быть наша тактика!

Злу надо противопоставлять любовь. Любовью обуславливается истинно верующий человек. Апостол Иаков: *Вера без дел мертва есть* (см.: Иак.2:17), без дел любви. Любовь к врагам – это величайшая добродетель. Сам Спаситель сказал: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф.5,7). На Страшном суде Христовом именно она, любовь, спасет нас, она определит судьбу нашу на целую вечность. Любовь – источник счастья, в ней – источник блаженства. Будем все силы наши употреблять к перерождению нашему, к стяжанию истинной христианской любви. Будем просить об этом нашего Спасителя, Божию Матерь, Николая Чудотворца и преподобного Серафима – носителей великой истинно-христианской любви. Не будем желать врагам нашим ничего злого, чтобы быть нам истинными последователями Христа, дабы быть нам помилованными на Страшном суде Христовом, чтобы иметь нам истинную радость Божию.

Очень трудная вещь – монашество. Монах борется со стихиями, с природой, с самим собой. Но все же – нет ничего лучше монашества.

Помни слова Спасителя: «Кто погубит душу свою, тот приобретет ее, а кто приобретет душу, тот погубит ее». Душа – это жизнь. Так и мы должны погубить жизнь свою для мира, для плотских страстей. Жизнь настоящая как миг пролетит, а после смерти – жизнь вечная! Пострадаем здесь немного, зато там будем вечно радоваться. И умирать будет легко и отрадно: бесы расступятся.

О записной книжечке для грехов владыка сказал: «Это твой паспорт на том свете. Только эта книжечка будет нужна тебе там. Она потеряется, сожжется, но твой Ангел Хранитель все переписет, что записано в твоей книжечке».

Когда хвалят тебя, то говори внутренне: «Господи, прости меня».

Исаия говорит словами Христа, а Христос, пришедши на землю,

говорил часто словами пророка Исаии. И несмотря на это после смерти Исаия попал в ад и был там до сошествия Спасителя в преисподнюю. Но муки он не испытывал. И блаженства не испытывал, так как не было в аду света Божиего. А может быть Господь и показывал на время свет праведным, находящимся в аду, – по Своему промышлению. Но все же праведники, хотя и не испытывали мук, томились в ожидании Христа.

Любовь есть увенчание подвижника, совершенная, благодатная любовь, которая дается от Бога в награду за подвиги. О ней апостол говорит: *Излияся любовь в сердца наша Духом Святым*. Есть еще первоначальная любовь, естественная, не благодатная. Правда, она не лишена благодати, но благодать только руководит ею. Эта естественная любовь побуждает человека к подвигам и очищает сердце от страстей. О благодатной любви святой Исаак Сирий сказал, что «она есть рай со всеми райскими блаженствами».

При тщеславных помыслах нужно говорить: *Не нам [...], не нам, но имени Твоему, [Господи], даждь славу!* Если же это не поможет и тщеславные мысли будут сильно нападать, то нужно говорить самому себе: «Ах ты, окаяшка, – вон ты с кем себя сравнил – с праведниками!»

Иноческий подвиг есть подвиг мученический. Да, есть радости, только сначала придется пострадать.

Нельзя расстраиваться.

Владыка велел мне помнить следующее: «Леонид, старец Оптиной пустыни в присутствии старца Макария часто всячески ругал о. Амвросия, а тот только стоял, кланялся и говорил: «Простите меня, простите!» А тот еще пуще ругает. О. Амвросий выйдет, а о. Леонид скажет о. Макарию: «Великий старец будет!»»

Спросил меня владыка Серафим: «Почему самооправдание так губительно?» Я отвечал: «Потому что самооправдание указывает на отсутствие смирения». Владыка сказал: «Так-то оно так, да ведь смирение может быть неистинным, но только внешним. Надо говорить точнее: при самооправдании не может быть истинного покаяния, а без покаяния нет спасения».

Того русского человека, который в настоящее время живет без страданий, нельзя назвать русским (1933).

Страшно гневается Господь на Россию! Никогда еще не было в мире такого гнева Божия, как теперь над Россией (1933).

Если тебя ругают даже несправедливо, ты должен просить прощения, иначе ты будешь не монахом, а мирянином.

Целомудрие есть смиренномудрие.

Истинное украшение монаха всегда быть готовым говорить: «Прости».

Держись своего монашеского правила, и Бог будет держать тебя.

Все дело в тебе самом, в сердце твоём, если смиришься, Господь даст тебе благодать целомудрия.

Не соизволять блудным помыслам – это значит быть распятым на кресте, а беседовать с ними – это значит сойти со креста.

Когда мы умрем, то поймем, насколько близки были к нам Спаситель и Божия Матерь, как снисходили к нам в наших немощах, как исполняли наши молитвы.

Никогда не спорь. Как только заметишь, что с тобою не согласны, сейчас же прекращай разговор.

Не осуждай и не злись. Тогда хорошо и спокойно будет на душе. Тогда благодать Божия будет с тобою и поможет тебе отгонять все стрелы врага и сопротивника.

Старайся не допускать злобу до сердца. Как только почувствуешь злобу, сейчас же читай прощальную беседу Спасителя с учениками. Знай, что от злобы бывает уныние и блуд.

Россия воскреснет к жизни ненадолго. За то, что веру святую православную Россия сохранила в тяжких муках большевистского владычества, за то, что каялась в катакомбах в грехах всего народа, за пролитую кровь святых мучеников за веру и страстотерпцев – Россию помилует Господь и даст славную долю быть царством, враждебным антихристу. Не каждому народу так необыкновенно страдать, как страдает Россия. Значит, любит Господь Россию больше других народов. Кто тяжело страдает, тому ближе Бог.

Теперь насущный вопрос: когда же придет он, человек погибели, антихрист? – Когда придет гибель России, а с нею и всего мира. О признаках конца заповедал нам доискиваться Сам Господь и потому не является предосудительным нам оценивать нашу современность с точки зрения эсхатологической.

Ссорятся все! Потому что недостаточно смирения.

Раздражительность всегда в основе имеет гордость, недостаток смирения. «Нервность» такого рода также от гордости.

Я очень люблю умных людей. Умных людей, как и святых, очень мало.

Целомудрие есть источник мудрости.

Блуд – это смрад и тление, а целомудрие – это нетление и благоухание.

Целомудрие – это дар Божий и все зависит от смирения. Как только вознесешься сердцем, так и нападает блуд, то есть отступит благодать Божия.

Есть много монахов худых и изможденных от поста, но злых и жестоких. Причина их злобы та, что на них сильно нападает плотская страсть за их гордость. Пост ни к чему не служит для них.

Тяжкое настроение оттого, что ты настаивал на своем и спорил, а это от гордости. Оставь гордиться. Гордость есть лобзание с диаволом.

Кто меньше осуждает, тот больше любит, а кто меньше любви имеет, тот, естественно, больше осуждает.

Смирение, как отречение от тщеславия, есть истинное отречение от мира.

Мы живем в апокалипсическое время, когда солнце померкнет и не даст света своего. Конец мира связан с гибелью России. Но мы должны еще молиться о спасении России, так как не все там сатанисты, а есть наши страдающие братья (1933).

Кто не имеет смирения, тому монахом не бывать.

Не осуждай никого, только себя осуждай.

Великое счастье служить. Я когда лежал в больнице плакал, что не могу служить.

Тщеславие несовместимо с истинной любовью. Тщеславный любит только самого себя.

Никогда никому послушание не повредило.

Владыка сказал, что «Господь попускает ошибаться во время богослужения, чтобы я не тщеславился».

Я сказал владыке: «Я сравниваю себя с другими и часто нахожу себя лучше других». Владыка: «А ты знаешь, как себя вести в этом случае?» – «Святые отцы говорят, что не надо себя сравнивать с другими» – «А я тебе приказываю сравнивать себя с другими, но таким образом: вот он согрешил сегодня, а завтра покается, а я согрешу в двадцать раз хуже и не знаю, смогу ли покаяться. Вот, я не могу осуждать митрополита Сергия (Страгородского), так как, если бы я был на его месте, я бы, может быть, гораздо хуже поступил».

Митрополит Сергий (Страгородский) Московский может быть больше страдает и мучается, чем митрополит Петр (Полянский).

Ясновидение не Божий дар, а наваждение бесовское.

Читай жития святых и Евангелие; молитва не так скоро вызовет слезы, как это чтение.

Я спросил: «Если человек покончит с собою в момент сумасшествия,

можно ли за такого молиться?» Владыка ответил: «За такого можно».

Неосуждением приобретаешь смирение.

Я спросил: «Что значит монашеский обет нищеты?» Владыка ответил: «Это значит беспристрастие монаха к вещам».

Я спросил: «Владыко святой, после смерти каждый ли человек обязательно проходит мытарства?» Владыка: «Да разве Серафим Саровский проходил мытарства? Он после смерти моментально оказался в раю. «И пройдет от смерти в живот»! Святые не испытывают мытарств и в одну секунду оказываются на небе».

Я жаловался владыке, что у меня все время горло болит и заболел еще живот. Владыка сказал на это: «Что ж, ты еще не успел монахом стать, а уж болеть начал. Это хороший признак. Видно тебя Бог любит, что болезни посылает. Монаху обязательно нужно болеть».

Вольность обращения и дерзость хуже всего.

Владыка говорил мне, что я должен принимать и исполнять епитимии с радостью. Я ответил на это: «Ведь епитимия – это наказание!» – «Ну да, наказание, но лучше я накажу, чем Бог накажет».

Говорил мне владыка на исповеди о внимании за блудными помыслами и вообще за греховными помыслами, что нужно всегда носить с собой книжечку и как только появится недобрый помысел, немедленно записать его, «как клопа раздавить».

Подвижник подобен соловью. Соловей тогда хорошо поет, когда нет кругом людей. Так и подвижник тогда совершает свои подвиги, когда удален от людей.

Плотская страсть самая главная страсть. Она как термометр указывает, есть ли другие страсти и борются ли человека. Если есть блуд, то обязательно есть и гордость, и другие страсти. И наоборот.

Бог больше всего любит монахов.

Нюхая сирень, владыка сказал: «Какое благоухание создал Господь; но это земное благоухание ничего общего не имеет с тем великим благоуханием, которое будет в Царствии Небесном».

Чревоугодие есть главная причина блудной страсти.

Владыка исповедовался у старца Кассиана, афонца. Когда ушел о. Кассиан, владыка сказал мне: «Скажу тебе, что у него чудные, добрые, святые глаза!» Вообще говорил владыка о нем, как об истинном праведнике, мудром, здоровом и святом.

Читай каждый день Святое Евангелие. Ради этого святого дела – беседы со Христом – благодать озарит тебя.

Во время беседы с о. Кассианом, я спросил его: «Как вы находите

нашего владыку?» Старец отвечал: «Что же я могу сказать о вашем владыке? Он святой жизни. Он весь – любовь. Я таких архиереев еще никогда не видал». Говорил мне о. Кассиан, чтобы я никогда не оставлял владыку.

Имей в виду – все, что делается по послушанию, ни к чему худому не приведет.

Я спросил владыку: «Владыко святой, все люди до пришествия Христа пошли в ад, как же Енох и Илия были взяты на небо?» – «Видишь ли, в Писании есть места непостижимые нашим умом. Вот, протоиерей Сергей Булгаков старается объяснить, где было тело Христа по вознесении, но это непостижимо. Енох и Илия вообще не умирали, но и в рай, конечно, не попали, а были взяты на небо живыми с земли, куда же были взяты, каким образом и где находятся – это мы не знаем. Все ветхозаветные праведники после смерти пошли в ад, но это не значит, что они испытывали адские муки, они только были лишены райского блаженства».

Спросил я владыку Серафима: «Ведь большая часть людей на земле не христиане, а язычники. Но и среди них есть люди добрые, благородные, любящие. Неужели они тоже все попадут после смерти в огонь геенский?» Владыка: «Нет! За свои страдания и добрые дела люди-язычники не попадут в самые ужасные адские муки, для них есть на Страшном суде «северная сторонushка». Они не узнают Царствия Божия, но и страшных адских мук не вкусят».

Я очень люблю святого Макария Великого за его великое смирение.

Когда я в первый раз попал в Кронштадт, мне показался этот город каким-то облагодуханным, особенным, так как жил там великий угодник Божий.

Читай молитву Иисусову, ударяя при слове «Господи» или «Иисусе», как гвоздем в сердце. Тогда постепенно защежит сердце благодатью и имя Иисусово изгонит нечистые помыслы из сердца.

Царство Божие постигается с трудом, скорбями.

Владыка сделал мне серьезное замечание за то, что я позволил себе разговаривать с о. Андреем [Ливеном] во время евхаристического канона: «Когда я воздел руки пред Святыми Дарами, ты позволил себе обратиться к о. Андрею. В это время «да молчит всяка плоть человека», а ты разговариваешь! На что это похоже? Если еще раз это повторится, я наложу на тебя епитимию на полгода».

Спросил меня владыка Серафим: «Скажи мне, какая добродетель выше всех?» Я ответил: «Совершаемая в тайне», – «Да, так, да не совсем.

Скажи же мне, какая добродетель выше всех других?» Тут владыка начал так говорить: «Смирение есть фундамент для добродетелей. Без него не может быть совершена ни одна добродетель. Любовь покрывает все добродетели. Она есть плод их. Любовь мало назвать добродетелью. Любовь есть Бог. Она есть совокупность добродетелей. Какая же добродетель выше всех?» – Я не знал, что ответить, и владыка продолжал: «Преподобный Антоний Великий сказал, что дар рассуждения выше всех добродетелей. Имеющий рассуждение никогда не падает. Рассуждение приобретается смирением и послушанием, истинным отсечением своей воли».

Сказал мне владыка Серафим: «Божия Мать – первая монахиня Нового Завета. Поэтому очень любит Она монахов и помогает им. Пред каждым делом читай «Богородицу» и призывай на помощь Божию Мать и все будет хорошо. Это я сам на опыте заметил!»

Еще сказал владыка: «Человек, предназначенный для монашества, находится под особым Божиим покровительством. Господь охраняет его. Со мной был случай, когда я упал с пятисаженной высоты в детстве и остался невредим».

Спросил я владыку Серафима: «Владыко святой, любовь выше ли послушания?» Владыка отвечал: «В истинном послушании и есть любовь».

Сказал я владыке Серафиму: «Владыко святой, я хотел спросить вас о молитве. Я очень плохо и рассеянно молюсь. Стану дома на молитву и тотчас же посторонние мысли в голову ползут. Дайте мне, пожалуйста, основные правила для настоящей молитвы». Владыка ответил: «Ты поступай так, как советовал старец Амвросий Оптинский. Однажды пришла к нему одна женщина и стала жаловаться, что как только станет молиться, тотчас разные посторонние мысли в голову и ползут: о хозяйстве, о щах и т. п. Старец ответил ей: «Ты поступай так, как мужик ярмарку проезжал. Кругом него народ, горшки, огурцы, ситец, разные побрякушки, арбузы, – а он стоит себе на возу и знай себе погоняет лошадь: 'Но! Но! Но!' Так и проехал через всю ярмарку. Так и ты: не обращай внимания на помыслы, а все твори молитву». Вот еще другой случай, тоже рассказанный Амвросием Оптинским: у одного монаха был ручной скворец. А монах был хорошей жизни и все время молитву Иисусову творил, и скворец научился этой молитве. Однажды вылетел скворец из клетки и стал писать круги в воздухе. Вдруг откуда ни возьмись – ястреб! Он пулей бросился на скворца. Но скворец с перепугу начал кричать Иисусову молитву. Тотчас ястреб упал на землю, а скворец благополучно возвратился к монаху.

Так и мы, хотя и механически творим молитву, но это лучше, чем совсем не молиться. Вот я тоже не имею истинной духовной молитвы и молюсь механически. Если на тысячу молитв, не говорю на сто, но на тысячу молитв, одну скажу от сердца, с воздыханием истинным – и то хорошо! И эта одна сердечная молитва скрасит все остальные механические молитвы». Я сказал: «Иногда бывает, владыко святой, что я стану на молитву и потом начинаю заниматься посторонними делами – убирать комнату, чистить зубы и т. п.» Владыка отвечал: «Вот это уже грех, даже кощунство. Если помыслы нас одолевают, так это по немощи нашей, за это Бог простит; а если мы сами отходим от молитвы – это уже большой грех!»

Иногда владыку приглашали в русскую гимназию и детский сад на экзамены. В этих случаях главным владыкиным делом было всеми силами стараться повышать отметки экзаменуемым детям. Владыка то восхищался ответами и хвалил, часто не по заслугам, экзаменуемых, то просто торговался с учителями и упрашивал комиссии, экзаменаторов поставить балл получше. Владыка мне сам рассказывал, что во время экзаменов он непрестанно и усердно молился за отвечающего ученика.

Во всех догматических вопросах и в особенности спорных богословских мнениях мы должны строго держаться святоотеческого учения. Только святые отцы могут дать нам безошибочное и самое истинное мирозерцание в области нашей веры. Они являются для нас спасительным критерием Православия.

Скорбей у меня всегда довольно. Видно, что Господь хочет, чтобы я спасся и не попал в ад. Поэтому здесь меня наказывает (11.08.1940).

Будь проста, как дитя, доверчива, как голубь и мудра, как змия. Не настаивай на своем, смирайся и помни слова Божий: «На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего слов Моих».

Господь прощает только те грехи, в коих каются.

Ходить мне тяжело. Вероятно, в почках что-то серьезное. Еще хуже стало от лекарств. Думал сейчас, что умру и не буду в России, ибо отец Аарон предсказал мне отправиться только в хорошую сторонушку, но не предсказал, что я вернусь. Да будет святая воля Божия (08.10.1941).

Если кто сознательно идет на грех, то все разрешенные грехи возвращаются на его голову.

Святой Златоуст и епископ Феодан Затворник велят воспитание давать деткам церковное. Сущность этого воспитания сводится к следующему:

1. Читай и рассказывай им жития святых.

2. Заставляй читать молитвы.
3. Почаще причащай.
4. Почаще на богослужение води их. Пусть целуют и дома, и в церкви святые иконы.
5. Гордость и злобу в них пресекай строгостью. А потом приласкай.
6. Пусть на твоём примере учатся смирению, вере, любви и вообще благочестию.

Попробуй не писать злобных писем, а выждать время – оно есть целитель гнева.

Я сам испытал, что от слез делается легче на сердце. Я всю жизнь живу в печалях и скорбях. Страдал в юности от болезни отца, от нищеты и скорбей мамочки, и с юности и до сего дня в скорбях от тяжкой болезни брата и его тяжелого характера – всегда кого-нибудь ругает. А я строго не могу с ним поступать, ибо это противно моему характеру.

Ты то молись, то читай жития святых и слово Божие, то читай русских классиков – Пушкина, Гоголя, Лескова, Крылова басни и проч. Отец Амвросий Оптинский любил слушать басни Крылова. Кушай хорошо и гуляй, ибо тебе предстоят монастырские иноческие подвиги. Если желаешь, чтобы Господь смилостивился над тобой, всегда кайся и будь милостива к скорбным, утешай их. *Блажени милостивии, яко тии помиловании будут (Мф.5:7).*

Четыре письма архиепископа Серафима

Письмо архиепископу Анастасию (Грибановскому) о церковных разделениях

Ваше Высокопреосвященство,
Возлюбленный во Христе
Высокопреосвященнейший Владыко!

Приветствую Вас с новым годом. От души желаю Вам доброго здоровья и всякого утешения от Бога.

По всей видимости, большевизм скоро окончится в России. Если не так, то Русская Православная Церковь погибнет. Но этого не допустит Господь, ибо по преимуществу ей принадлежит обетование Христа: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». В этом тоже приходится сейчас убеждаться, наблюдая отступление от истины в восточных Православных Церквях (в особенности вспомним всеправославный конгресс в Константинополе в 1923 г.).

Через 2 часа еду с Архиепископом Феофаном в Сремские Карловцы на заседание Русского Архиерейского Синода. На сердце очень тяжело, ибо сие заседание должно быть решительным. Нельзя обойтись без мер канонического воздействия на революционных митрополитов, иначе погибнем вместе с Высшей Церковной властью за границей и Русской Синодальной Церковью: мы должны тогда слиться с Поместными Православными Церквями, а в неправославных странах допустить организацию самостоятельных Церквей. К этому мы можем прийти, если бы нам не удалось сохранить Высшего центра, как писал Митрополит Сергей в своем частном письме, попавшем, к сожалению, к Великому Князю Кириллу Владимировичу. 2-й раз Митрополит Сергей выражает волю (в 1 раз в декларации)²⁷, чтобы наша Заграничная Церковь была самостоятельна и имела сей центр, способный без его поддержки управляться и карать непослушание. Не знаю, как другие, но Синод должен защищать истину до последней капли крови, как бы ни было сие трудно.

С любовью Вам о Христе Вашего Высокопреосвященства богомолец
Епископ Серафим.

1927 г. 11 / 24 января, София.

(Архив Русской духовной миссии в Иерусалиме. Дело 46-н.)

Письмо архиепископу Вениамину (Федченкову) о митрополите Антонии, святом Иоанне Кронштадтском, Распутине и

коммунистической власти

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

В 1932 г. ,в августе месяце, прибывшие из Парижа на Собор русских зарубежных архиереев Архиепископ Серафим (Лукьянов), Епископ Николай (Карпов) Лондонский и Епископ Тихон (Троицкий) Сан-Францисский, ныне Северо-Американский, передали остальным членам Собора, что Архиепископ Феофан (Быстров) Полтавский всех нас, своих братьев-архиереев, считает еретиками и масонами, а на одного из нас возвел безумную клевету, будто бы он участвовал в отравлении одного архиерея, конечно, умершего своею естественною смертью. Особенно сильно сравнительно с другими архиереями Архиепископ Феофан злословит Митрополита Антония, меня, Тебя и Архиепископа Анастасия.

В ответ на эти заявления вышеобозначенных трех архиереев члены Собора высказались в том смысле, что Архиепископ Феофан находится в очень опасном и пагубном состоянии и что за него надо молиться Богу.

Все это я говорю Тебе потому, что надо относиться к его обвинениям нас в ереси и пороках крайне осторожно, ибо он ревнует о славе Божией не из любви ко Христу, а на почве только своего тщеславия и совершенно расстроенного своего душевного состояния. К тому же надо иметь в виду, что он сам раньше был склонен всецело разделять заблуждение имябожников, а еще раньше участвовал в гибели России чрез Распутина, которого свёл во дворец к Великой Княгине Милице Николаевне, а последняя, в свою очередь, отвела Распутина и в Царский Дворец и познакомила его с Государыней.

Да, следственная комиссия правительства Керенского оправдала в этом отношении Архиепископа Феофана, но ин суд человеческий и ин суд Божий. В бытность свою студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии в одно из своих свиданий с отцом Иоанном Кронштадтским в алтаре Андреевского собора я имел счастье беседовать с ним. Отец Иоанн был очень внимателен ко мне. Но когда я сказал великому Праведнику, что ему кланяется наш инспектор, отец Архимандрит Феофан, то у отца Иоанна вдруг резко изменилось выражение лица. С недовольным взором он очень резко спросил меня: «Это маленький, черненький, худенький?» Я ответил, что да. Сразу после этого отец Иоанн перестал со мной разговаривать и отошел от меня, не удостоив послать своего приветов отцу Феофану. А между прочим, когда пред этим я сказал, что ему кланяется наш ректор, о. Иоанн просил меня передать ему от него поклон. У меня тогда же мелькнула мысль, что это за Распутина. Иной причины и не могло быть для такого отрицательного отношения отца Иоанна к отцу

Феофану.

Следовало бы Архиепископу Феофану со слезами каяться день и ночь в том, что он сделал для России и всей нашей Русской Церкви через Распутина, чем заниматься обличением ересей, возводить чудовищные по своей глупости и злостности клеветы на своих братьев-архиереев, анархически совершать Божественную литургию на дому у себя без благословения своего правящего архиерея Архиепископа Серафима (Лукьянова), а себя считать чуть ли не единственным защитником Божественной Истины.

В своих осуждениях иерархов он все ссылается на свою совесть. Но надо иметь совершенно извращенную совесть, чтобы так гнусно пачкать людей и через это быть их нравственным убийцей. Куда после этого, если он не покается, пойдет его душа, когда умрет он? – Вот о чем ему надо бы подумать.

Я никому и никогда не заявлял, что считаю учение Митрополита Антония об искуплении вполне православным. Но и еретиком его не объявлял, как это делается Архиепископом Феофаном и Тобою. Не объявлял Митрополита Антония еретиком, во-первых, потому, что святитель Афанасий Великий до осуждения Оригена Церковью «говорил о нем с уважением, объяснял его язык и защищал его от ложного понимания» (История Христианской Церкви Джемса С. Робертсона. Т. 1. С. 99. СПб., 1890), а святитель Григорий Неокесарийский, Чудотворец, на смерть Оригена говорил ему похвальное слово. В жизнеописании Святителя Кирилла, Архиепископа Александрийского, сообщается, с какою любовью и каким почитанием он относился к одному старцу, великому и популярному подвижнику, который учил, что упоминаемый в Библии Мельхиседек есть действительный Христос. Эта любовь Святителя Кирилла и его молитва, при содействии молитв самого заблуждавшегося старца, и обратила последнего на путь истины. Святая Церковь наша даже в числе прославленных ею святых имеет таких, мнения коих не совпадали с ее учением. Например, в творениях священномученика Ириния, Епископа Лионского, есть учение о тысячелетнем земном царстве Иисуса Христа (Сочинения Св. Ириния, епископа Лионского. СПб., 1900, кн. 5-я против ересей. С. 519–526). В творениях святителя Григория Нисского, в частности в его разговоре с своею сестрою Макриною, на основании слов Апостола Павла: *Да будет Бог всяческая во всех* (1Кор.15:28), выражается мнение о том, что некогда исчезнет зло и порок. Следовательно, прекратится и мучение. Правда, в том же разговоре и в других местах своих творений святитель Григорий Нисский учил о вечности мучений

(Творения святителя Григория Нисского. О душе и воскресении, разговор с сестрою Макриною. М., 1862. С. 275, 278–279). Тем не менее, Святая Церковь не скрыла от нас строк из творений сего святого отца о наступлении момента, когда будто бы исчезнет зло и прекратится порок; и не почла их препятствием для включения Святителя Григория Нисского в число угодников Божиих.

Во-вторых, я не могу объявлять еретиком Митрополита Антония и потому, что он печатно объявил, что его учение об искуплении есть его частное богословское мнение, и просил его катехизис не вводить в учебные заведения в качестве учебника. Кроме того, он в том же своем учении об искуплении не отрицает спасительного значения для нас крестной смерти Спасителя, но больше придает значения в деле нашего искупления не человеческим, а гефсиманским страданиям на том основании, что душевные муки тяжелее телесных.

В своих же печатных проповедях и беседах, произнесенных в бытность свою ректором Казанской Духовной Академии, Митрополит Антоний в вопросе об искуплении держится общецерковного учения. Интересно обратить внимание на следующие выдержки из этих проповедей и бесед:

1) «Самая жизнь, – говорит он, – с настойчивостью подтверждает учение Божественного Писания о том, что природа наша повреждена грехом, что мы требуем благодатного обновления, высшей духовной помощи» (Сочинения Епископа Антония. Т. 1. С. 20. Слово в день сошествия Святого Духа. 1887).

2) «Господь наш Иисус Христос взял на Самого Себя смерть всех людей и Сам умер за нас на кресте» (ibid. Слово в день Святителя Николая 6 декабря. С. 11).

3) «Ни один человек не мог своею праведностью загладить греховность всех, да еще ведь всякий человек рождается в грехе сам... Он (Сын Божий) от Чистой Девы без мужа бессеменно принял в Себя естество человеческое. И затем не сотворил Сам ни единого греха, благоволил взять на Себя вину всего человечества и страшными муками душевными и телесными удовлетворил правду Божию и искупил род человеческий от греха, проклятия и вечной смерти, примирив его с Богом... Своим крестным подвигом исполнил все то, что должны были претерпеть люди... Поэтому старайтесь чаще и внимательнее вдумываться в тайну искупления, вчитываясь с священные строки Евангелия, – особенно в те его главы, где описываются крестные страдания и смерть Господа нашего Иисуса Христа (ibid. С. 25–27. Беседа в Неделю 4-ю святого поста

произнесена в Санкт-Петербургском Казанском соборе в 1887 г.).

Устно в беседах с Митрополитом Антонием и письменно – только для него – я лишь говорил о несоответствии его учения учению святоотеческому.

Интересно отметить, что 1 $\frac{1}{2}$ года тому назад в беседе наедине с Владыкою Митрополитом я вновь об этом сказал ему. Причем он заявил мне, что не видит несоответствия в своем учении учению святых отцов Церкви. Этим заявлением Митрополит Антоний свидетельствует, что у него нет желания расходиться с святыми отцами Церкви; следовательно, нет и настроения, свойственного еретикам, которые не стесняются открыто отрицать их авторитет.

Обо всем этом в кратком и существенном виде я хотел сказать на нашем соборе в 1928 г. и резюмировать свое отношение к учению Митрополита Антония в такой форме: несмотря на то, что это учение не совпадает с учением святоотеческим, тем не менее я не могу Митрополита Антония называть еретиком. Но Архиепископ Феофан в самом начале моей речи о сем прервал меня, не дав мне говорить, и я замолчал. Таким образом, он сам воспрепятствовал соборному обсуждению сего вопроса.

Если Бог приведет дожить мне до падения советской власти – до прекращения кровавого гонения на Русскую Православную Церковь и до созыва свободного канонического Всероссийского Собора Церковного, то об этом, если будет нужда, скажу на сем Соборе.

В заключение настоящего моего письма я должен сказать, что не следовало бы и Тебе объявлять еретиком Митрополита Антония не только в силу вышеизложенного мною, но и по той еще причине, что содеянный Тобою грех – признание советской власти, и при том признание свободное и убежденное, тяжелее греха ереси. Этим признанием Ты сознательно и свободно санкционируешь бесчисленные злодеяния советской власти по уничтожению ею нашего русского православного народа и нашей Русской Православной Церкви, – осуждаешь бесчисленный и доблестный сонм новых мучеников и исповедников, пострадавших от советской власти как кровавой гонительницы не только веры нашей, но и всего доброго на земле, и предаешь всю нашу Русскую Церковь во власть сатаны, ибо советская власть служит не Богу, а сатане, являясь властью безбожною и богоборческою. Я не буду распространяться о том, что представляет из себя советская власть. Это с исчерпывающей полнотою выяснил в своих статьях Архиепископ Серафим Парижский.

Обличать в ереси Митрополита Антония после свободного признания советской власти – это значит замечать сучок в глазе брата своего и не

видеть в своем собственном глазе бревна. Если даже и допустить, что Митрополит Антоний раскалывает один из камней в основании Православной нашей Церкви, то Ты, признавши советскую власть, валишь в пропасть все церковное здание.

Смотри на эти строки письма моего как на выражение моей любви к Тебе, в ответ на Твою искреннюю братскую и дружескую любовь, которую Ты оказывал мне в наши студенческие годы, да и в последующее время. Я эту любовь никогда не забуду.

Если же означенные строки не найдут должного отклика в душе Твоей и ты будешь ими огорчен, то тогда прости меня.

Всякий день усердно молюсь за Тебя, мой милый Владыко! И Тебя прошу не оставлять меня в молитвах Твоих. Тебе с любовью кланяется мой брат, очень тяжело страдающий головными и желудочными болями после операции.

Храни Тебя Господь.

Любящий Тебя Твой брат о Христе Епископ Серафим.

14 / 27 февраля 1934 г., София.

(ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 283. А. 6–9 об.)

Письмо Патриарху Алексию I с поздравлением в связи с избранием на Патриарший Престол

Ваше Святейшество,

Возлюбленный о Христе

Святейший Владыко!

Приветствую Вас с избранием Поместным Собором Русской Православной Церкви на кафедру Всероссийского Патриарха.

Молитвенно и сердечно желаю Вам от Бога благодатных сил для несения великого подвига Патриаршего служения. Дай Бог Вам быть утешением для русского православного народа и вести его путем неизменного сохранения православной веры и соблюдения заповедей Христовых к вечному спасению.

Да поможет Вашему Святейшеству в сем многотрудном служении Ваш соименник, а может быть и Небесный Покровитель, Митрополит Московский и всея России Алексей, который возглавлял Русскую Церковь в крайне трудные времена жизни нашего Отечества.

2/15 февраля сего года через Его Блаженство, Экзарха Болгарской Церкви, Блаженнейшего Стефана, который собирался ехать в Москву на Собор, я передал на Ваше имя приветствие от меня Московскому Собору, а Вашему Святейшеству я передал две книги моего сочинения: «Новое учение о Софии Премудрости Божией» – против софианской ереси отца

Протоиерея Сергия Булгакова и «Протоиерей Сергий Булгаков как толкователь Священного Писания».

По удивительному совпадению, еретическое учение отца Булгакова было осуждено в одно и то же время (в 1935 г.) и покойным Патриархом Сергием на основании доклада Алексея Ставровского, отосланного в свое время Митрополитом Елевферием Митрополиту Сергию, и Собором русских заграничных епископов на основании моей первой книги.

Очевидно, осуждение ереси отца Булгакова Патриархом Сергием не было доведено до конца и Вам, Ваше Святейшество, вероятно придется это дело закончить. Поэтому посылаю Вам поименованные две книги с оказией, ибо не знаю, придется ли Экзарху Стефану в скором времени отправиться в Москву.

Через Митрополита Вениамина, Экзарха Северо-Американского, Патриарха Югославии Варнаву и Митрополита Елевферия я отослал в 1935–1936 гг. три экземпляра моей книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией» Митрополиту Сергию в Москву, но не знаю, получил ли он эти книги.

Вашего Святейшества
с любовью к Вам о Христе послушник и богомолец
Управляющий русскими православными
общинами в Болгарии
Архиепископ Серафим.

1945, 17 февраля – 2 марта. София.

Ул. Велико Тырново, № 30.

(Архив ОВЦС. Д. «Болгарская Православная Церковь».)

Письмо Патриарху Алексию I с просьбой о принятии в Московский Патриархат

Ваше Святейшество,
Возлюбленный о Христе
Святейший Владыка!

Долг имею заявить Вашему Святейшеству о своей готовности принять юрисдикцию Московского Патриархата, Вами возглавляемого. Если Вашему Святейшеству угодно будет принять меня в свою юрисдикцию, то прошу оставить меня Вашим представителем здесь, в Болгарии, так как я сроднился со своею паствою, со своими духовными детьми, не только русскими, но и болгарскими, и так как на моих руках находится больной брат архимандрит о[тец] Сергий, настоятель русского Кокалянского монастыря в Болгарии близ Софии. Если примете меня в свою юрисдикцию, то прошу Ваше Святейшество включить в нее и моего брата

о[тца] Архимандрита Сергия с его обителью и все русское духовенство, которое находится здесь в моем ведении. К Советской Власти буду лояльным. Нужные для Вас сведения даст обо мне посетивший Болгарию Высокопреосвященнейший Григорий [Чуков], Архиепископ Псковский и Порховский.

Со своей стороны сообщаю Вашему Святейшеству, что я родился в г[ороде] Рязани 1 декабря 1881 года. Окончил Рязанскую духовную семинарию, а затем в 1908 году Петроградскую Духовную Академию, в которой на 4-м курсе был пострижен в монашество. По окончании Академии служил преподавателем Пастырского Житомирского училища, помощником смотрителя Калужского духовного училища, инспектором Костромской духовной семинарии и с 22 декабря 1912 года ректором Воронежской духовной семинарии – до 1919 года. После этого был перемещен на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии, куда не смог прибыть вследствие занятия Екатеринослава атаманом Махно, почему мне была предоставлена должность ректора духовной семинарии в г. Симферополе, где в 1920 году 1 октября был посвящен во епископа Лубенского, причем Святейшим Патриархом Тихоном был переименован Богучарским во время уже пребывания за границей. Здесь в 1921 году в мае месяце был назначен Высшим церковным управлением, образованным на основании указа Святейшего Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года, на должность Управляющего русскими православными общинами в Болгарии на правах епархиального архиерея. В 1934 году был возведен в сан архиепископа. В 1937 году мне была присуждена Русским Архиерейским Синодом по ходатайству ученого при нем Комитета степень магистра Богословия за сочинение «Новое учение о Софии Премудрости Божией».

Ко всему этому должен присовокупить, что в 1937²⁸ году покойным Патриархом, тогда Митрополитом, Сергием я не был запрещен в священнослужении, когда им были запрещены почти все заграничные русские архиереи.

Вашего Святейшества
с любовью о Христе
послушник и богомолец
Управляющий русскими
православными общинами в Болгарии
Архиепископ Серафим.
1945 г., 2 / 15 Апреля. София.
Ул. Велико Тырново, № 30.

(Архив ОВЦС. Д. «Болгарская Православная Церковь».)

Избранные труды архиепископа Серафима

О новом и старом календарном стиле

Один из ученых исследователей вопроса о новом и старом стиле, действительный член Русского астрономического общества Е. Предтеченский говорит, что лишь с эпохи Возрождения стали на Западе заниматься в числе других научных вопросов и пасхальным вычислением. «К несчастью, – заявляет он, – едва поняв устройство Александрийского канона, и поняв, может быть, далеко не как следует, западные пасхалисты вскоре захотели быть реформаторами и самонадеянно взялись за исправление прекрасно исполненного труда». По словам Предтеченского, «если бы эпоха Возрождения началась одновременно как на Западе, так и на Древнем Востоке Европы, если бы несчастные обстоятельства не загубили вконец образованности в древних Христианских Церквях в Византии... если бы александрийские традиции и образованность первых веков не прерывались на Востоке, то едва ли бы возможно было и все преобразование, сделанное папою Григорием XIII»²⁹.

К этим словам Предтеченского мы должны добавить, что появление календарной реформы папы Григория XIII обуславливалось не только отсутствием должного понимания и усвоения западными пасхалистами Александрийского канона с его пасхальным вычислением и падением научности на Востоке, но главным образом их неверием в Святую Церковь, точнее в то, что в ней живет и действует Дух Святой как Источник всякой истины. Если бы Римско-католическая Церковь имела эту веру, то она в лице папы и своих ученых пасхалистов не стала бы подвергать изменению канонические правила, положенные в основу нашей старостильной Пасхалии, через которые Дух Святой выразил истину, не подлежащую изменению. Мы имеем в виду прежде всего 7-е апостольское правило: *«Аще кто епископ или пресвитер или диакон святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет, да будет извержен из священного чина»*. Сюда же относится и 1-е правило Антиохийского Собора, которое гласит: *«Все дерзающие нарушати определение святого и великого Собора, в Никее бывшего, в присутствии благочестивейшего и боголюбезнейшего царя Константина, о святом празднике спасительных Пасхи, да будут отлучены от общения и отвержены от Церкви, аще продолжат любопрительно восставати противу доброго установления. И сие речено о мирянах. Аще же кто из предстоятелей Церкви епископ, или пресвитер, или диакон, после сего определения дерзнет к развращению людей, и к*

возмущению Церквей, особитися, и со иудеями совершати Пасху, такового святыи Собор отныне уже осуждает быти чуждым Церкви яко соделавшегося не токмо виною греха для самого себя, но и виною расстройства и развращения многих. И не токмо таковых Собор отрешает от священнослужения, но и всех дерзающих быти в общении с ними, по их извержении из священства. Изверженные же лишаются и внешняя чести, каковыя были они причастны по святому правилу и Божию священству».

Приведенное правило Антиохийского Собора для нас тем в особенности знаменательно, что оно не только запрещает праздновать Пасху с иудеями, но указывает, что такое же запрещение было вынесено и определением I Вселенского Собора. Правда, это соборное определение не дошло до нас, но о содержании его говорится в известном послании императора Константина Великого ко всем епископам, которые не были на I Вселенском Соборе в Никее.

Приведем сущность сего Никейского определения, как оно изложено в толковании 1-го правила Антиохийского Собора признанным всею Православной Церковью истолкователем святых канонов епископом Никодимом. «Никейский Собор, – говорит он, – занимался рассмотрением этого вопроса (о времени празднования Пасхи) с намерением одним общим решением предотвратить всякий спор, который мог бы возникнуть по этому поводу и восстановить единообразие для всей Церкви. Прежде всего, на основании 7-го апостольского правила и новозаветного учения о седьмом дне было вынесено следующее решение: 1) Христианская Пасха должна всегда праздноваться в воскресенье; 2) это воскресенье должно быть после первого полнолуния, которое наступает после весеннего равноденствия; 3) если случится, что с этим воскресеньем совпадает иудейская пасха, тогда христианская Пасха должна праздноваться в следующее после него воскресенье».

Ко всем этим каноническим установлениям Православной Церкви мы должны еще присоединить 7-е правило II Вселенского Собора и однородное ему по содержанию 95-е правило Трулльского Собора, указывающие, как нужно принимать еретиков в Церковь.

«Присоединяющихся к Православию, – говорится здесь, – и в части спасаемых из еретиков, приемлем по следующему чиноположению и обычаю: ариан, македониан, новатиан, четырнадцатников, или тетрадитов, и аполлинаристов, когда они дают рукописания и проклинают всякую ересь, не мудрствующую, как мудрствует Святая Божия Кафолическая и Апостольская Церковь, приемлем, запечатлевая,

то есть помазуя святым миром, во-первых, чело, потом очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлевая их глаголом: «Печать дара Духа Святаго»...»

Как видим, здесь четырнадцатники, то есть те из христиан, которые праздновали Пасху вместе с иудеями 14 Нисана, прямо называются еретиками и ставятся в один ряд с арианами и другими великими еретиками, почему и принимаются они в лоно Церкви, в случае их покаяния, через помазание миром.

Вот к чему ведет отступление от канонических правил о времени празднования Святой Пасхи. Из приведенных канонических постановлений Православной Церкви ясно, что мы должны свято хранить их неизменными. Поэтому 21-е правило Гангрского Собора гласит:

«Да бывают в Церкви вся принятая от Божественных Писаний и апостольских преданий».

А во 2-м правиле VI Вселенского Собора говорится:

«Никому да не будет позволено вышеозначенные правила апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святых Отцов изменяти, или отменяти, или, кроме предложенных правил приимати другие, с подложными надписаниями, составленные некими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною...»

Такое же твердое и неизменное соблюдение канонических установлений заповедует нам и VII Вселенский Собор в своем 1-м правиле, которое гласит:

«Божественные правила со услаждением приемлем, и всецелое и непоколебимое содержим постановление сих правил, изложенных от всехвальных апостол, святых труб Духа, и от шести Святых Вселенских Соборов и поместив собиравшихся для издания таковых заповедей, и от святых Отец наших. Ибо все они, от Единого и Того же Духа быв просвещены, полезное узаконили. И кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем, а кого извержению, тех и мы извергаем, а кого отлучению, тех и мы отлучаем».

Но из всех приведенных нами канонических правил ясно и то, в какой великий грех впали католики, ниспровергнув святые каноны, не позволяющие нам праздновать Пасху одновременно с Пасхой иудейской. Это грех хулы на Духа Святого, который не прощается Богом ни в сей, ни в будущей жизни. Ведь через святые каноны говорит Сам Бог Дух Святой, ибо канонические, как и догматические постановления Вселенских Соборов, выносились согласно с словами Божественного Писания: *Изволися Духу Святому и нам (Деян.15:28)*. И не для того Божественный Дух, совместно с Апостолами, Вселенскими Соборами и святыми Отцами,

устанавливал канонические истины, чтобы мы их потом исправляли и отменяли, как будто несовершенные и ошибочные. Такое отношение к святым канонам является совершенно недопустимым и кощунственным.

В этом и повинна Римско-католическая Церковь, которая, в прямое нарушение и в упразднение канонических правил, праздновала Пасху в 1805, 1825, 1853, 1854... 1903, 1923, 1927 годах и во многие другие годы одновременно с Пасхой иудейской³⁰. Этого мало. Новый стиль заставляет Римско-католическую Церковь идти против Святого Евангелия нарушением хода евангельской истории. Из Евангелия видно, что христианская Пасха совершалась после иудейской. Но у католиков, в силу новой Пасхалии, не только бывают годы, когда Пасха совпадает с иудейской, но когда она совершается до Пасхи иудейской, как это было в 1839, 1840, 1842, 1843, 1845, 1849, 1850, 1856, 1891, 1894 и во многие другие годы³¹. А в 1921 году еврейская Пасха была 10 апреля, католическая же Пасха праздновалась 11 марта, то есть почти на месяц раньше еврейской.

Но если, в силу канонических оснований, принятие нового стиля во всей его полноте для нас недопустимо, то точно так же недопустимо для православных христиан принятие нового стиля и в компромиссной форме. Этот компромисс в последнее время наблюдается в жизни некоторых Православных Церквей и проявляется в том, что Пасха празднуется по старой Православной Пасхалии, а все непереходящие, неподвижные праздники празднуются по новому стилю. Но такой смешанный календарь не может быть принят православными, так как он влечет за собою нарушение других церковных установлений, о коих говорит нам Устав и которые свято и неуклонно нами должны соблюдаться, поскольку не должны мы выходить из послушания Матери нашей Церкви. Новостильники грешны этим непослушанием. Мы так говорим имея в виду нарушения ими требования Устава касательно неподвижных праздников.

Церковь установила в Типиконе определенные границы времени, в пределах коих празднуются неподвижные праздники, падающие на время Святой Четыредесятницы. Так, например, праздник Обретения главы святого Иоанна Предтечи бывает со среды Мясопустной недели (ранняя граница) и доходит до вторника четвертой недели Великого поста (самая поздняя граница)³². Но эти границы новостильниками уничтожаются, ибо все неподвижные праздники ими празднуются на 13 дней раньше. То же самое нужно сказать и относительно праздника Благовещения (25 марта).

По требованию Устава Благовещение празднуется в период времени, которое начинается от четверга третьей недели Великого поста и восходит до среды Светлой седмицы³³. Но при введении нового стиля время празднования Благовещения заходит до пятницы первой недели и простирается лишь до четверга шестой недели Великого поста.

Но этим не исчерпывается данный грех новостильников по отношению к требованиям Церкви и ее Устава. Отрицательное отношение к указанным границам для определения времени празднования великих праздников влечет новостильников к дальнейшему нарушению великих праздников, влечет новостильников к дальнейшему нарушению Типикона. Церковь предвидела совпадения того или иного из великих неподвижных праздников с праздниками подвижными, а также с теми или другими днями Великого поста. На все эти случаи совпадений она установила свой точный богослужебный порядок. Но, уничтожая данные границы, новостильники, естественно, уничтожают и это установление Православной Церкви. Поэтому у новостильников никогда не может быть соединения того же праздника Благовещения со днями Страстной седмицы, а также не может быть Кириопасхи, то есть совпадения Благовещения с праздником Пасхи, чем явно нарушается церковный Устав.

В особенности возмутительное нарушение Устава наблюдается в отношении новостильников к празднику святых апостолов Петра и Павла. Святая Церковь так почитает этих великих апостолов, что предварила их праздник (29 июня) постом, который продолжается от 8 до 42 дней. Но при введении нового стиля этот пост, вопреки Уставу, всегда сокращается. А когда Пасха празднуется в период времени от 20 до 25 апреля включительно, то Петровский пост совсем упраздняется: для него не остается времени.

Могут сказать, что нарушение Типикона не является тяжким грехом, ибо здесь нет отступления от догматов. Но ведь и слова Христа: *Аще и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф.18:17)* не говорят нам о нарушении тех или других догматических истин нашей веры. Тем не менее, по свидетельству этих божественных слов, кто из нас не окажет послушания Церкви, тот отсекается от нее и становится в ряд тяжких грешников, ибо в данном случае налагается высшая мера наказания – отлучение от Церкви. Причем этот грех непослушания Церкви, с пренебрежением к ее Уставу, новостильники совершают открыто, дерзновенною рукою.

С точки зрения православной веры, такое пренебрежительное

отношение к Типикону чад Святой Церкви недопустимо, как недопустимо наше отступление от догматов и канонических правил. И это понятно. Как наше пренебрежение догматическими и каноническими определениями ведет к отступлению от Православия, так к тому же отступлению ведет и указанное пренебрежение Типиконом. Ведь Типикон есть для нас священный закон, руководствующий нас в нашем православном богоугождении богослужениями, праздниками и постами. Типикон есть святая книга, связанная с именем дивного сосуда благодати прп. Саввы Освященного, и принята Православною Церковью как одна из основоположительных книг. Типикон есть не что иное, как голос Матери нашей Церкви. И к этому голосу мы должны относиться не с пренебрежением, а с безусловным и неуклонным послушанием, если хотим быть верными и преданными Святой Церкви и всем ее православным нормам.

Что же получается в итоге от нарушений сей священной книги введением нового стиля? Если мы воспользуемся последним для установления новых времен в отношении своих праздников, постов и богослужений, то мы тем самым будем свидетельствовать, что новый стиль указывает правильное церковное времяисчисление, а Типикон – неправильное. И это в то время, когда мы знаем, что Типикон исходит от Православной Церкви, той Церкви, в которую, как в богатую сокровищницу, апостолы положили все, что принадлежит истине. И это в то время, когда нам хорошо известно, что указанные нарушения Устава исходят от католиков, погрязающих во тьме всяких ересей и заблуждений. Как порождение католичества и явление противоцерковное, новый стиль кроме смуты ничего не может дать Православной Церкви. Так он был истолкован с самого начала своего появления его первыми противниками, Константинопольским патриархом Иеремией II и созванным им в 1583 г. поместным Константинопольским Собором. Таким разлагающим началом и весьма вредною католическою пропагандою для жизни Православных Церквей новый стиль остается и доселе. Поэтому принятие нами, вопреки воле Святой Церкви, нового стиля, хотя бы и в компромиссной форме, может привести нас только к тому, что мы сами будем содействовать возникновению в нашей церковной жизни смут и нестроений, в силу чего будем своими собственными руками разрушать авторитет Святой Православной Церкви.

Таким образом, как мы становимся на путь тяжкого греха непослушания Церкви принятием нового стиля всецело через отвержение святых канонических правил, так точно мы становимся на этот путь

непослушания и принятием нового стиля при смешанном календаре через отвержение требований Типикона.

Отсюда понятно, почему Православная Церковь так решительно и ревностно противилась этому антицерковному новшеству с самого начала введения календарной реформы и до самого последнего времени. Как только папа Григорий XIII ввел новый стиль, немедленно, в том же 1582 г., Вселенский патриарх Иеремия II, вместе со своим Синодом, осудил новое римское счисление как несогласное с преданием Православной Церкви. В следующем, 1583 г. патриарх Иеремия, при участии патриархов Александрийского Сильвестра и Иерусалимского Софрония VI, созвал Церковный Собор, осудивший введение в Римской Церкви григорианского календаря как противное канонам всей Вселенской Церкви и нарушающее постановление I Вселенского Собора о порядке исчисления дня Святой Пасхи. Этот Собор в своем постановлении – Сигиллионе 20 ноября 1583 г. – призывает православных твердо и неуклонно, даже до пролития своей крови, держаться православного месяцеслова и юлианской Пасхалии, налагая на всех нарушителей настоящего своего постановления анафему, отлучение от Православной Церкви. О таком же своем решении Константинопольский Собор сообщил всем Восточным Церквам, Московскому митрополиту Дионисию, Церкви Ионийских островов, знаменитому поборнику Православия в Западной Руси князю Константину Острожскому, Венецианскому дожу Н. Дапонте и папе Григорию XIII, виновнику церковной смуты.

Также совершенно отрицательно к введению нового стиля относились Вселенские патриархи, а вместе с ними и вся Вселенская Церковь и в последующие столетия. Например, Константинопольский патриарх Каллиник XI вместе с Антиохийским патриархом Афанасием (1686–1728) свидетельствовал, что празднование Пасхи одновременно с католиками, отречение от установлений Православной Церкви о постах и применение уставов Церкви Римской есть измена Православию и отступление от святоотеческих заветов, губительное для чад Православной Церкви, поэтому каждый христианин обязан праздновать Пасху и соединенные с нею праздничные дни и церковные времена применительно к практике Православного Востока, а не инославного Запада, чуждого нам по вере.

Вселенский патриарх Кирилл V в своем Окружном послании в 1756 г. налагает на всех христиан, принявших новый стиль, страшные проклятия на временную земную и вечную жизнь.

С целью предохранения православных от принятия нового стиля, как

величайшего греха, Вселенский патриарх Анфим VI, совместно с прочими Восточными патриархами: Александрийским Иерофеем, Антиохийским Мефодием и Иерусалимским Кириллом с их Синодами в 1848 г. в Окружном послании от имени Единой Кафолической и Апостольской Церкви высказали такое исповедание веры:

«У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое Тело Церкви, то есть народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцев его... Да держим исповедание, какое приняли от таковых мужей, – святых отец, да отвращаемся всякого новшества, как диавольского внушения, на что, если бы кто дерзнул или делом, или словом, или помышлением, таковой отрекся уже веры Христовой, уже добровольно подвергся вечной анафеме за хулу на Духа Святого, якобы несовершенно глаголавшего в Священном Писании и во Вселенских Соборах. Итак, все новшествующие: еретики ли то, или раскольники, добровольно облекошесь в клятву, яко в ризу (Пс.108:18), хотя бы то были папы, хотя бы патриархи, хотя бы миряне, аще бы Ангел с небесе – анафема ему».

В 1902–1904 годах по инициативе знаменитого Константинопольского патриарха Иоакима III Автокефальные Церкви Константинопольская, Иерусалимская, Греческая, Русская, Сербская, Румынская и Черногорская в лице своих представителей высказались за отрицание календарной реформы папы Григория XIII.

В таком же смысле высказался Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 годов, сделавши постановление строго держаться старого стиля для церковного времяисчисления. При этом своем постановлении Московский Собор, вместе с другими основаниями, принял во внимание мнение проф. Московской духовной академии о. Дмитрия Александровича Лебедева, который, в силу научно-астрономических и церковно-канонических данных, засвидетельствовал пагубность всякого сближения с григорианским стилем, отдавая безусловное преимущество старому юлианскому стилю³⁴.

К сожалению, Всеправославный конгресс, созванный Константинопольским патриархом Мелетием в 1923 г., отступил от священных традиций, коих так ревностно и свято держались Вселенские патриархи в течение целого ряда столетий. На этом конгрессе было решено перейти на новый стиль. Православный народ г. Константинополя отнесся к этому противоканоническому новшеству со страшным возмущением. И патриарху Мелетию пришлось уйти на покой.

Тем не менее бывший после него Константинопольский патриарх Григорий в 1924 г. сделал попытку ввести для непреходящих праздников новый стиль, оставив временно, до созыва Вселенского Собора, празднование Пасхи и зависящих от нее праздников по старой Пасхалии. В официальном органе Греческой Церкви, журнале «Екклезия», и в некоторых русских газетах он напечатал от своего имени и от имени своего Синода грамоту о переходе Православной Церкви Константинопольского Патриархата на новый стиль.

Под влиянием Константинопольского патриарха Афанасия и Румынская Церковь также ввела у себя для непреходящих праздников новый стиль. Но Восточные патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, в согласии со Священными Соборами своих Патриархий, решительно отклонили вопрос об изменении существующего церковного времяисчисления. Так же отрицательно отнеслись к грамоте Патриарха Григория и все другие Православные Церкви.

В ответ на эту грамоту Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, довел до сведения Вселенского патриарха, что хотя им и получена от него грамота о введении нового стиля с 10 марта, но в Русской Церкви ввести новый стиль оказалось невозможным ввиду решительного сопротивления народа.

Совершенно отрицательно отнеслись к введению нового стиля в церковное времяисчисление и соборы заграничных русских архиереев, бывшие в 1923, 1924 и 1925 годах.

Нам следует быть с теми Православными Церквами, которые строго, без всякого компромисса, держатся старого стиля в своей церковной жизни вследствие канонических установлений, которые должны быть незыблемы, ибо эти установления являются одною из основ бытия нашей Православной Церкви.

К тому же новый стиль, как свидетельствуют научные данные, содержит в себе большие дефекты и, во всяком случае, дальше от истины, чем старый стиль. Вот почему Ученая комиссия, образованная 18 февраля 1899 г. Русским астрономическим обществом³⁵ для обсуждения вопроса о реформе календаря, заявила, что «нет основания к введению в России (а тем более в Церкви) заведомо неправильного григорианского календаря»³⁶.

Необходимо отметить, что до последнего времени в астрономии употреблялся не григорианский, а юлианский стиль³⁷. Американский астроном Ньюком даже высказался за возвращение к юлианскому

календарю как к простейшему и более удобному для астрономических вычислений.

Для нас весьма интересно и полезно знать мнение о новом и старом стиле знаменитого профессора Петербургской духовной академии Василия Васильевича Болотова. В последний год своей жизни он Святейшим Синодом Русской Церкви был назначен в качестве делегата от духовного ведомства в только что образованную при Русском астрономическом обществе Комиссию по вопросу о согласовании старого стиля православного календаря с новым. Проф. В.В. Болотов изучил этот вопрос во всех деталях не только с церковно-канонической и научно-исторической, но и со всех других сторон.

Обладая всеми этими научными познаниями, он присутствовал на астрономическом собрании Ученой комиссии, когда на нем обсуждался вопрос о введении нового стиля в России. И вот, когда собрание не могло прийти к определенному решению и многие из его членов стали склоняться в пользу нового стиля, председатель собрания предложил проф. В.В. Болотову высказать свое мнение. Проф. Болотов два часа говорил свою историческую речь, имея в руках составленные им астрономические таблицы³⁸. Он всецело стоял за старый стиль. Его доводы в пользу этого стиля были так научны и неопровержимы, что все собрание единогласно постановило остаться при старом стиле.

Будем всегда это помнить, а также никогда не будем забывать завещания, которые оставил нам касательно нового и старого стиля наш гениальный ученый Болотов.

«Сам я, – говорил он, – отмену стиля в России нахожу отнюдь не желательною. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его научное преимущество перед всякими календарями исправленными. Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать в жизни юлианский календарь и через то облегчить и для западных народов возвращение от не нужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю»³⁹.

Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?

В последнее время Русская Церковь испытывает сильное давление со стороны экуменистов, чтобы побудить ее участвовать в экуменическом движении.

22 августа с. г. экуменисты созывают в Амстердаме, как они говорят, «Всецерковную конференцию». По сообщению «Церковного вестника», издаваемого при Болгарском Синоде, в этой «Всецерковной конференции» будут участвовать 136 так называемых христианских церквей и представители восточных греческих церквей⁴⁰. Несомненно, на этом экуменическом съезде будут присутствовать и представители русских церковных организаций за границей.

Экуменисты приглашают и Всероссийскую Церковь принять участие в трудах Амстердамской конференции. Доселе Православная Церковь в России не примыкала к экуменическому движению. Желательно, чтобы она и впредь не имела ничего общего с этим движением в силу вот каких соображений.

Русскую Православную Церковь приглашают участвовать в экуменической конференции, как одну из множества церковных организаций, каждой из коих прилагается понятие Церкви. Но мы, православные христиане, исповедуем, что Церковью, как учрежденною Самим Богом для нашего спасения, можно называть в строгом смысле только одно общество истинноверующих христиан. Называть же церковью каждое из еретических обществ – это значит не иметь правильного понятия о Церкви и попирает нашу веру в догмат о Церкви, изложенный в девятом члене Символа веры. Очевидно экуменисты, указывая на огромную численность так называемых христианских церквей, входящих в состав экуменического движения, представители коих примут участие в Амстердамской конференции, придают этому количеству положительное значение. Но от того, что ложь будет проявляться не в малом, а в большом количестве ее видов, она не станет истиной; напротив, она еще более будет ее искажать и отрицать.

Впрочем, суть дела заключается не в этом, а в том, что экуменисты, и притом, к сожалению, даже из православной среды, не имеют правильного понятия о Церкви. Они считают, что к Церкви принадлежат все крещенные во Христа, ставят в один ряд как православных, так и еретиков, признавая тех и других телом Христовым. Для примера укажем на статью одного из

самых влиятельных русских экуменистов в Париже, профессора и помощника ректора Богословского института в Париже В.В. Зеньковского. В журнале русской ИМКИ «Вестник русского студенческого христианского движения» (№ 5. С. 17–18) он пишет: «Мы должны навсегда забыть, отвыкнуть от горделивой мысли, что Дух Божий только у нас и с нами (т. е. православными)... Будучи... вне Православия, я все же чувствовал себя в Церкви. Я видел, что рамки Церкви бесконечно более широки и более вместительны, чем мы обыкновенно думаем. И действительно, кто может указать, где кончается церковная ограда и начинается зеленеющая нива Христова.

Кто посмеет утверждать, что вне этой ограды у Христа нет Церкви, нет служителей и учеников... Неужели мы должны их отбросить только потому, что они служат Ему иначе, чем мы... я теперь убедился, что и они, протестанты, стоят в Церкви и работают, может быть сами того не сознавая и не называя вещи их именами, для Церкви... Нет, Церковь Христова шире нашего стесненного понимания о ней; она включает в себя всех верующих в Бога и любящих Его, как бы ни проявлялась их вера и любовь».

В другой своей статье в том же журнале под заглавием «Основы экуменического общения» проф. В.В. Зеньковский высказывает еще более странные мысли, совершенно недопустимые для православного сознания. Разумея под основой и целью экуменического движения общение разных церквей и соединение их «по линии любви», он требует от представителей объединяемых церквей абсолютной веры, что «спасение возможно лишь через Церковь, к которой они принадлежат, и что в их Церкви есть абсолютная (хотя бы и неполная) истина» (январь-февраль, 1935).

В этих своих словах проф. Зеньковский высказывает мысль, что спасение будто бы возможно в каждом инославном исповедании. И, напротив, если кто из инославных христиан оставит свое исповедание и соединится с еретиками другого какого-либо вида и даже с Православной Церковью, то спасение для такого человека уже невозможно. Конечно, соединение церквей мыслится здесь при полном игнорировании догматических разностей – только по линии любви, т. е. как приятельское общение.

Подобные в своей сущности мысли высказывает также и весьма авторитетный в глазах экуменистов профессор Софийского Богословского факультета протопресвитер о. Стефан Цанков в своей статье под заглавием «Актуальные проблемы и задачи православного богословия и Православной Церкви». Он пишет: «Вопрос о единстве Церкви стал весьма

сложным вопросом, и его нельзя рассматривать... схоластическим и самоудовлетворенным способом, каким его рассматривали до сего времени... Уже действительное отношение Православных Церквей нового времени к ряду инославных церквей (признание их крещения, иерархий у некоторых из них и пр.) и признание Православною Церковью недугов и несовершенств в рядах собственных ее членов показывают, что неправильна мысль, будто к мистическому Телу Христа (Церкви) принадлежат только православные христиане и что за видимой разделенностью не существует невидимого мистического единства в Церкви Христовой»⁴¹.

Интересна в данном случае рецензия проф. Софийского Богословского факультета Ильи Цоневского по поводу изданной в Цюрихе на немецком языке в 1946 г. книги того же проф. о. Цанкова: «Восточная Православная Церковь с экуменической точки зрения».

В рецензии профессора Цоневского говорится: «Природа Церкви и ее основные свойства самым тесным образом связаны с ее единством, потому что она есть Тело Христово и Христос ее Глава. Церковь не могла бы быть ни святой, ни католической (соборной), ни апостольской, если она не едина. Весь смысл и полное значение экуменического движения заключается в единстве Церкви; оно является его основой, а также и его задачей и осуществлением. Самый факт, что Православные Церкви деятельно участвуют в экуменическом движении, говорит о том, что уже постепенно оставляется старый взгляд, что только православные христиане суть истинные христиане и что только они принадлежат к Церкви Христовой»⁴².

Таким образом, православные экуменисты во главу угла ставят единство церкви или единую церковь. Но в понятие «единая» они вкладывают свой неправильный, извращенный смысл, ибо под этой единой церковью они разумеют не только всех православных, но и всех инославных христиан, т. е. еретиков.

Эта экуменическая точка зрения совершенно расходится с православным взглядом, который под единой церковью всегда разумеет одних только истинноверующих православных людей. Наша Церковь никогда не считала еретиков входящими в ее состав, в состав самого Тела Христова. Да и как возможно данную экуменическую точку зрения считать православною, когда Вселенские Соборы всегда предавали еретиков анафеме, т. е. отлучению от Церкви? Очевидно, экуменисты в своем учении о Церкви не признают над собою авторитета Вселенских Соборов. Но это равносильно отрицанию авторитета всей Православной

Церкви и признанию, в данном случае, единственным критерием истины своего собственного разума при отрицании православной веры в Церковь.

Такой же рационализм и такое же неверие в истинную Христову Церковь экуменисты вкладывают в свое толкование наименования Церкви соборною. Мы вместе со святыми отцами называем Церковь соборною, или кафолическою, или вселенскою потому, что «она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народностью, но заключает в себе истинноверующих всех мест, времен и народов»⁴³. Но экуменисты под этим наименованием церкви разумеют не только истинноверующих православных христиан, но и всех еретиков.

Такое же заблуждение они обнаруживают и в своем отношении к наименованию Церкви апостольскою. Как это ни странно, экуменисты относят к этой апостольской Церкви и так называемые «христианские церкви», которые совсем не имеют апостольского происхождения или преемства. Они считают все еретические исповедания принадлежащими к Апостольской Церкви, несмотря на то что Павел, величайший апостол, отлучает всех еретиков от Православной Церкви и предает их анафеме, говоря: *аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал.1:8)*.

Но больше всего православные экуменисты погрешают против девятого члена Символа веры в отношении наименования Церкви Святою, когда включают в состав этой Святой Церкви еретиков. Церковь называется Святою потому, что она есть раздаятельница благодати Святого Духа, которая сообщается верующим в Таинстве миропомазания при совершении над ними крещения.

Эта возрождающая, освящающая и спасающая благодать есть самое драгоценное и высшее для нас благо, ибо дарование ее нам было целью пришествия в мир Христа и Его крестных страданий и смерти. *Огонь пришел Я низвести на землю, – сказал Он, – и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! (Лк.12:49)*. По изъяснению этих слов Христа св. Антонием Великим и Макарием Египетским, под огнем здесь разумеется возрождающая благодать Святого Духа, которая изливается на нас в Таинстве миропомазания при совершении над нами Таинства крещения, почему она и называется крещенскою⁴⁴. Как на параллельные к этим Божественным словам надо указать также и на следующие слова Христа: *уне есть вам, да Аз иду (разумеется на крест и смерть): аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще (ли) же иду, пошлю Его к вам (Ин.16:7)*. Вот почему Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего домостроительства Христова, чтобы верующие принимали Духа

Святого... и чтобы Он был как бы душою нашей души... и чтобы действием Сего Духа мы освящались, обновлялись и пересозидались по уму, совести и по всем чувствам»⁴⁵.

Сей великий святой отец Церкви согласно с учением о Царстве Божиим Христа и апостола Павла (Ин.3:5; Мф.13:33, 45–46; Лк.19:12–27; Деян.1:3–8; Рим.14:17), вместе со св. отцами Антонием Великим⁴⁶, Макарием Египетским⁴⁷ и Ефремом Сириным⁴⁸ даже учит, что Царство Божие, которого Господь повелел нам прежде всего искать (Мф.6:33), и есть возрождающая благодать Святого Духа как источник нашей святой жизни⁴⁹.

Но этого самого драгоценного для нас блага, этой возрождающей благодати Святого Духа с ее святостью нет и не может быть у протестантов, ибо у них нет Таинства миропомазания. В крещении, как это явствует из «Православного исповедания»⁵⁰, мы только очищаемся от грехов, умираем для жизни плотской и возрождаемся от Святого Духа для жизни новой и святой. Но последняя возможна для нас только при помощи той благодати, которую мы получаем в Таинстве миропомазания. В этом Таинстве преподается нам Дух Святый со всеми Его дарами, возвращающими и укрепляющими нас в духовной святой жизни⁵¹.

Эта благодатная святая жизнь невозможна и для тех инославных христиан, которые хотя и имеют Таинство миропомазания, но в силу отвержения их Православной Церковью за ереси благодать сия является у них недейственной и неспасительной.

Отсюда совершенно не правы православные экуменисты, когда в Святую Церковь включают всех еретиков, когда словами одного из своих экуменических вождей заявляют, что инославные и в отдельности и в лице целых групп (инославных церквей), как и отдельные грешные члены Православной Церкви, «станут святыми через благодать Божию и через любовь общения»⁵².

Здесь православные экуменисты смешивают воедино отдельных членов Православной Церкви, как грешников и немощных людей, с инославными христианами и их «церквями», полагая, что те и другие станут святыми через благодать Божию и через любовь общения.

Но между теми и другими существует огромная разница. Члены Православной Церкви, будучи грешниками, как бы ни были велики их грехи, всегда могут через Таинство покаяния и при помощи действенной и спасительной благодати стать святыми – достигнуть истинной и совершенной благодатной святости. Но еретикам в отдельности или в их целых группах, организациях эта святость никогда не будет присуща, ибо

у них не действует благодать Таинства миропомазания и благодать Таинства покаяния. Еретики могут быть святыми только после покаяния или отречения от всех своих ересей и после воссоединения с Православною Церковью. Только тогда инославных христиан можно включить в состав Святой Христовой Церкви.

И что это за благодать Божия, при помощи которой, по словам православных экуменистов, инославные христиане становятся святыми? По учению святых отцов Церкви, благодать Святаго Духа проявляется в двух видах: как благодать общего и внешнего промысления, предваряющая и подготовляющая людей к принятию истинной веры, и как благодать внутренняя, возрождающая, спасающая и действующая только в Православной Церкви. Несомненно, в приведенных словах православных экуменистов благодать внешнего промысления не имеется в виду, ибо, действуя в жизни инославных христиан и даже язычников, она их святыми не делает⁵³. Следовательно, здесь имеется в виду благодать внутренняя, возрождающая. Но этой благодати у инославных христиан или совсем нет, или она у них не действует, их не спасает и не делает их святыми. Следовательно, ни та, ни другая благодать не может инославных христиан делать святыми, почему православным экуменистам не следовало бы совсем говорить ни о благодати, ни о святости в отношении инославных христиан.

Кроме того, разве может делать святыми инославных христиан и вообще грешников любовь общения? Если иметь в виду самое любвеобильное общение с еретиками православных христиан, и притом не с извращенными, а с истинными понятиями о Православии, то от такого общения православных с еретиками останется для последних, если они не фанатичные еретики, приятное воспоминание, и только. А для того, чтобы сделаться святыми, еретикам не только надо воссоединиться с Православною Церковью и воспринять ее спасительную благодать, но и стать еще на путь истинной христианской жизни, на путь бескомпромиссной борьбы со страстями и с грехом через неуклонное исполнение Божественных заповедей, на путь узкий, скорбный и тернистый. Только тогда инославные христиане при содействии благодати Божией станут святыми.

Поэтому слова православных экуменистов о возможности еретикам стать святыми надо признать совсем необоснованными и великим заблуждением.

Однако толкование православными экуменистами наименования Церкви Святою, как и других ее наименований, не является одним только

простым заблуждением. Это заблуждение в своей сущности есть ниспровержение нашей православной веры в Церковь. Последняя требует от нас веры в Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, с тем чтобы мы все эти свойства прилагали только и исключительно к нашей Православной Церкви. А православные экуменисты не хотят ей оказывать послушания. В силу этого они до неузнаваемости искажают девятый член Символа веры. В итоге получается какое-то неестественное смешение истины с ложью, Православия с ересями, что приводит православных экуменистов к крайнему извращению истинного понятия о Церкви, и настолько, что они, будучи членами Православной Церкви, в то же время являются членами экуменической церкви, точнее, какого-то вселенского еретического общества с его бесчисленными ересями. Следовало бы им всегда помнить слова Христа: *аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф.18:17)*.

Это непослушание православных экуменистов приводит их к заявлению, что «разделительные стены между церквями не достигают до самого неба, до Христа-Главы, и не спускаются до самого сердца Церкви, до Святого Духа»⁵⁴.

Но эти разделительные стены, т. е. разделения Православной Церкви с еретиками, начали происходить на Вселенских Соборах. Происходили они в целях сохранения православной веры от гибели через смешение с пагубными ересями. Происходили эти разделения во исполнение слов Христа: *Мните ли, яко мир приидох дати на землю? Ни, глаголю вам, но разделение (Лк.12:51)*. А также на Вселенских Соборах осуществлялись и слова нашего Господа, сказанные апостолам и их преемникам, стоящим во главе Православной Церкви епископам: *Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех (Мф.18:18)*. Ясно, что эти разделения достигают самого неба. Каким же образом эти церковные разделения не достигают Христа, когда они основаны на собственных словах Христа Спасителя?!

Затем, догматические постановления Вселенских Соборов с анафемой против еретиков выносились на основе апостольских слов: *Изволися бо Святому Духу и нам (Деян.15:28)*. Следовательно, постановления против еретиков исходили не только от св. отцов Вселенских Соборов, но и от Самого Духа Святого. Знаменательны в данном случае слова Христа, сказанные во время Его явления ученикам по воскресении: *приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся (Ин.20:22–23)*.

Ясно, что анафема Вселенских Соборов, имевшая в своей основе слова Христа, накладывалась на еретиков совместно: и от Святаго Духа, и от Церкви. Спрашивается, могут ли эти догматические разделения не достигать и Святаго Духа, как от Него происшедшие?

Но и это не все. Из слов Христа: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси*, явствует, что анафема на еретиков, т. е. отлучение их от Церкви, переходит в будущую жизнь и что все еретики после смерти идут в адские муки.

Весьма поучительно в этом случае откровение, бывшее великому угоднику, Христа ради юродивому Симеону. Бог открыл ему, что душа знаменитого ученого богослова Оригена погибла и находится в адских муках за его еретические учения⁵⁵. Подобное откровение имел инок Феофан, как об этом повествуется в известной книге блаженного Иоанна Мосха «Луг Духовный». Он видел в огненном пламени того же Оригена, Ария, Нестория и многих других еретиков⁵⁶. Как ненавистна Богу ересь, об этом свидетельствует видение, бывшее прп. Кириаку Отшельнику. Божия Мать, явившаяся ему с Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом, не соизволила войти к нему в келлию, несмотря на все его мольбы, только за то, что у него в числе других была книга, в конце которой находились два слова еретика Нестория⁵⁷.

Православные экуменисты не только не слушают Православную Церковь, но даже открыто обвиняют ее в грехе разделения. Правда, этот грех они приписывают не только Православной Церкви, но и всем инославным церквам⁵⁸.

Но не Православная Церковь, а еретики создавали ереси. Православная же Церковь до мученической крови защищала от еретиков чистоту православной веры. Если бы не было этой борьбы, то православная истина через смешение с еретической ложью перестала бы существовать, а вместе с этим исчезла бы и Православная Церковь с лица земли. Не обвинять надо последнюю за то, что она не смешалась с еретиками и отделилась от них, а ублажать ее надо за мученические подвиги разделения, происходившего по причине восстания еретиков на Церковь, на ее богооткровенные и святоотеческие истины и даже на Самого Бога.

Однако это обвинение показывает, в какой великий грех дерзкого самомнения и гордости впали православные экуменисты, присвоив себе право быть судьями Православной Церкви. Кажется, настал момент, когда последней нельзя более молчать. Надо указать им на всю их неправоту в отношении одинаково, как к Православию, так и инославию, и предостеречь их, на какой опасный и гибельный путь они стали. Этот путь

толкает их на непослушание и даже на публичное обвинение своей Матери-Церкви.

Нельзя, наконец, не обратить внимания на то обстоятельство, какое отрицательное значение имеет участие православных представителей в экуменических конференциях. Самый факт этого присутствия утверждает инославных христиан в их мысли, будто все христианские исповедания принадлежат к Единой Вселенской Православной Церкви.

Мы же считаем, что это присутствие совсем не означает того, что инославные христиане стали принадлежать к истинной Христовой Церкви. Какими далекими от Православной Церкви по своим религиозным заблуждениям они были, такими и остались. Присутствие православных представителей на экуменических конференциях говорит лишь о том, что православные христиане стали отступать от своего Православия. Трудно сказать, где более православные экуменисты отступают от Православной Церкви – в своих ли писаниях или же присутствуя на экуменических конференциях? Это присутствие является в своей сущности изменой нашему православному догматическому учению о Церкви, выраженному в девятом члене Символа веры. Присутствуя на еретическом собрании, которое экуменисты называют «Всецерковной конференцией», «собранием всех христианских церквей» и «единою святою Христовой церковью», православные представители тем самым фактически утверждают бытие этой «единой святой церкви Христовой» со всеми ее еретическими заблуждениями. Следовательно, без слов, без всякого писания православные представители-экуменисты одним своим присутствием на Амстердамской конференции будут содействовать ниспровержению нашей веры в догмате о Церкви. Кроме того, на всех экуменических конференциях происходит совместная молитва еретиков с православными. Но такая совместная молитва возбраняется святыми канонами нашей Церкви. 10-е апостольское правило гласит:

«Аще кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме, таковый да будет отлучен».

А в 45-м апостольском правиле говорится:

«Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками помоливыйся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что-либо, яко служителям Церкви, да будет извержен».

В своем толковании этого последнего правила епископ Смоленский Иоанн говорит: «Правила стремятся не только к охранению православных от заразы еретическим духом, но и к охранению их от индифферентизма к вере и Православной Церкви, который легко может возникнуть от общения

с еретиками в делах веры. Такое положение впрочем нисколько не противоречит духу христианской любви и терпимости, отличающему Православную Церковь, так как большая разница – терпеть заблудших в вере... и жить с ними во внешнем гражданском общении или вступать с ними без разбора в религиозное соприкосновение, так как последнее означает, что мы не только не стараемся об их обращении в Православие, но и сами в нем колеблемся».

По поводу толкования приведенных канонических правил епископом Иоанном Смоленским нужно иметь в виду слова св. Киприана, епископа Карфагенского, который говорит, что еретики никогда не будут приходить к Церкви, если будут нами самими укрепляться в убеждении, что у них тоже есть Церковь и Таинства.

Только в том случае православные представители могли бы присутствовать на экуменических конференциях, если бы устроители последних заявили Православной Церкви от лица так называемых христианских церквей, входящих в экуменическое движение, о их готовности отказаться от всех своих религиозных заблуждений и соединиться с нею в православной вере. Но заправляющие всем ходом экуменических конференций никогда таких заявлений не делали и не сделают, ибо инославные христиане и не думают отречься от своих ересей и воссоединиться с Православием. Не следует забывать, с каким упорством и фанатизмом еретики отстаивают свои религиозные убеждения. Соединение с Православной Церковью, как показывает действительность, нужно отнести к разряду единичных фактов, и притом весьма редких и исключительных. Будем всегда помнить пророческие слова Христа: *Сын Человеческий придет убо обрящет ли веру на земли?* (Лк.18:8).

Ввиду всего этого у нас не может быть основания для надежды, что так называемые «христианские церкви» могут соединиться в вере с Православной Церковью. Мы должны ожидать большего и большего сокращения числа истинно верующих людей.

Впрочем, и сам главный Экуменический Совет совсем не помышляет о том, чтобы инославные христиане воссоединились с Православной Церковью. Через своего секретаря доктора Хуфта он ясно заявил, что Экуменический Совет не представляет собою какой-либо централизованной формы церковного единства, в котором церкви могли потерять свою обособленность и самобытность⁵⁹.

Поэтому на экуменических конференциях даже не поднимаются для обсуждения вопросы о соединении инославных церквей с Православной

Церковью. В программах экуменических конференций эти вопросы никогда не ставились. Не включены они и в программу предстоящей Амстердамской конференции⁶⁰.

Правда, экуменисты – и инославные, и православные – стараются на своих конференциях найти точки соприкосновения в области веры, чтобы придти к возможному для них единству. Весьма показательным в данном случае является послание Оксфордской конференции, скрепленное подписями всех участников: «Мы едины, – говорится здесь, – в вере в Господа нашего Иисуса Христа, как воплощенное Слово Божие. Мы едины в нашей привязанности к Нему, Главе Церкви, Царю царей и Господу господствующих. Мы едины в исповедании, что эта привязанность имеет преимущество пред всеми другими привязанностями... Мы едины, потому что все являемся предметом Божией любви и благодати»⁶¹.

Но все эти единства не имеют никакого отношения к вопросу об истинном соединении православных с инославными. Однако православные экуменисты, по крайней мере в лице своих вождей, придают этим единствам общего характера большое значение. Поэтому они указывают на слова Иоанна Богослова: *всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста (Ин.4:2–3)*⁶².

Да, в апостольские времена такого исповедания веры во Христа было достаточно, чтобы определить: кто с Христовою Церковью и кто против нее. Тогда главными противниками апостолов были гностики, которые в силу своего гностического лжеименного знания (см.: 1Тим 6, 20) не допускали непосредственного соприкосновения Бога с тварью, почему и отрицали воплощение Бога, этот основной догмат всего христианства.

Но когда после апостолов стали появляться другие ереси, то, соответственно этому, стали возникать и другие догматы, неисповедание коих еретиками также делало их противниками Святой Церкви, как и неисповедание Христа, пришедшего во плоти. Иконоборцы исповедовали Христа, пришедшего во плоти, как исповедуют это ныне и протестанты, но они – еретики-иконоборцы – целых два столетия до основания колебали Церковь. И притом ни одна из ересей не причинила Православию столько зла, как иконоборческая ересь, осужденная Святою Церковью и преданная анафеме.

Указывая на приведенные слова св. Иоанна Богослова, православные экуменисты тем самым могут дать повод думать, что они готовы соединиться с инославными христианами на основе одной только веры в

воплотившегося Христа, при наличии всех их ересей.

Итак, если наша Православная Церковь от организаторов экуменических конференций не имеет никаких заявлений о готовности инославных церквей воссоединиться с нею и если на этих конференциях даже не обсуждается вопрос о сем воссоединении, то, спрашивается, зачем же нашей Русской Церкви посылать туда своих представителей? Какие плоды даст нашей Церкви ее участие в экуменических конференциях? Конечно, плоды только недобрые. Одним из этих плодов является то, о чем мы уже говорили – отступление православных от своей веры через поправление ими св. канонов и догмата о Церкви, который мы исповедуем в девятом члене Символа веры.

Есть и другой недобрый плод, который проистекает от участия представителей Православных Церквей в экуменических конференциях и который является таким же отступлением от нашего святого Православия. Мы имеем в виду дружбу между православными и инославными христианами, которая завязывается от экуменического общения. Конечно, экуменисты очень приветствуют такую дружбу инославных, в особенности протестантов с православными христианами. Без этой дружбы западных инославных христиан с восточными православными христианами экуменизм не может осуществить своей задачи. По заявлению главного секретаря Экуменического Совета доктора Хуфта, это хорошо сознается руководящими лицами Экуменического Совета, так как, по его словам, без сотрудничества с Православными Церквями экуменизм не будет истинным Вселенским Телом⁶³. Поэтому Экуменический Совет делает все возможное, чтобы прочно укрепить на своих конференциях эту дружбу между инославными и православными христианами. Несомненно с этой целью он оказывает всякого рода материальную помощь Православным Церквам⁶⁴.

Принимая все это во внимание, мы можем сказать, что дружба, которая устанавливается на экуменических конференциях, более и более делается прочною и глубокою, но – увы! – весьма и весьма вредною для Православной Церкви. Эта дружба между православными представителями и протестантами переносится в православные страны и производит здесь дружеское общение между православными и протестантами, и в частности между духовными лицами Православной Церкви, с одной стороны, и протестантами – с другой. До чего иногда доходит это дружественное общение, видно из следующего.

Во время своих миссионерских путешествий в православных странах протестантские пасторы и в селах и в городах с большой помпой

устраивают собрания, на которые приглашают православных, и прежде всего православных священников. Бывали даже такие случаи, что пред лицом множества собравшихся православных христиан пасторы и православные священники держа друг друга за руки пели песнь: «О, сладкий наш союз верных братьев, как Господь наш Иисус держит нас в любви». Сплошь и рядом бывало совместное служение молебнов православными священниками и пасторами.

На Женевской конференции представитель Константинопольского патриарха митрополит Фиатирский Германос и представитель Александрийского патриарха проф. Лукарас обратили внимание конференции на прозелитизм среди христианских народов как на факт недопустимый и противный идее сближения и соединения христианских Церквей. Конечно, здесь под прозелитизмом в осторожных выражениях разумелась инославная пропаганда среди православных христиан. Заявление об этом прозелитизме митрополит Германос в письменной форме представил Конференции, и притом от имени всех православных ее участников, чтобы пресечь эту инославную пропаганду⁶⁵.

Как бы в ответ на это протестанты, исходя из той же экуменической дружбы, понимаемой ими в смысле готовности православных объединяться с ними и в их протестантском учении, как никогда предаются без всякого для себя удержу неистовой протестантской пропаганде, имеющей своею целью соединение Православия с протестантизмом и уничтожение Православной Церкви. Пользуясь огромными средствами, протестанты распространяют свою пропаганду через печать, издавая книги и газеты. Причем в своей литературе они обливают грязью не только наше иконопочитание, обряды и все Православие, но выступают и против Библии, против ее повествования о творении Богом мира в шесть дней, отрицательно относятся к библейскому повествованию о некоторых чудесах. В результате такой пропаганды в православных странах быстро растет множество протестантских сект – адвентистов, баптистов, методистов, пятидесятников, евангеликов и других.

До экуменизма в православных странах не было такой протестантской пропаганды, ибо не было такого дружеского общения православных с протестантами, которое утверждается на экуменических конференциях и которое налагает на православных представителей нравственную обязанность не препятствовать протестантской пропаганде в православных странах. В этом заключается великое зло экуменизма: *всякое дерево, – сказал Господь, – познаётся по плоду своему (Лк.6:44).*

Если от этой дружбы происходит вред для Православной Церкви, то ясно, что дружба проистекает от врагов Святой Церкви. В данном случае такими врагами являются масоны. Они устраивают эту дружбу на экуменических конференциях, ибо они их организуют, так же как они организуют и съезды ИМКИ. В 1928 г. в Софии состоялось совещание представителей Православных Церквей Всемирного комитета масонской ИМКИ и Национальных движений ИМКИ в Православных Церквах под руководством известного масона д-ра Джона Мотта. Последний является Генеральным секретарем всемирной ИМКИ. В его распоряжение Всеамериканский протестантский конгресс отпускает огромнейшие средства для мировой протестантско-масонской пропаганды. Второе такое же совещание состоялось в 1930 г. в Афинах. Организатором Оксфордской конференции в 1937 г. И ее представителем был также известный масон доктор Джон Мотт. Он, как один из председателей руководительного комитета Экуменического совета, в январе 1948 г. вместе с другими членами разработал программу предстоящей Амстердамской экуменической конференции, ее организацию и подготовку⁶⁶. Все тот же доктор Джон Мотт будет и одним из представителей Амстердамской конференции⁶⁷.

После этого нет ничего удивительного, что на Стокгольмской экуменической конференции, бывшей в 1945 г., и Лозаннской экуменической конференции в 1927 г. 80 % участников были членами масонской организации ИМКИ, руководимой тем же доктором Джоном Моттом⁶⁸. Строго соответствующим этому обстоятельству является сообщение, которое было сделано участниками Оксфордской конференции на заграничном соборе архиереев с клириками и мирянами в 1938 г., о том, что эта конференция протекала при полном масонском засилье.

Отсюда понятно, кто стоит за экуменическим движением. За ним стоят исконные враги Православной Церкви – масоны. А также ясно отсюда, к какому соединению в своих истоках стремится это движение на своих экуменических конференциях. Их устроители стремятся не к догматическому соединению всех так называемых христианских церквей с Православными Церквами, а к смешению тех и других через отступление православных от своей веры и их экуменической дружбы с еретиками, в особенности с протестантами. А это смешение равносильно уничтожению Православия.

Конечно, в экуменическом вопросе мы не должны упускать из вида, что в самом последнем истоке экуменического движения перед нами стоят

не только исконные враги нашей Православной Церкви, но стоит отец всякой лжи и пагубы – диавол. В прежние века, возбуждая в Церкви всякие ереси, он хотел погубить Святую Церковь через смешение православных с еретиками. Это делает он и ныне через то же самое смешение посредством экуменизма с его неисчерпаемыми масонскими капиталами.

Однако раньше это дело смешения имело больше препятствий, чем ныне. Тогда у христиан была огненная ревность о православной вере, ибо последняя защищалась ими до мученической крови. Ныне православные объаты небывалым равнодушием к своей вере, что так ненавидит Господь, сказавший: *О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр.3:15–16)*. Тогда за ревность о вере и чистоту христианской жизни православные имели от Бога ведение. Богословски не просвещенный народ в лице даже простых женщин спорил на рынках: единосущен или подобосущен Христос Своему Божественному Отцу? Ныне среди православных царствует всеобщее ослепление в вопросах веры. Пользуясь всем этим, экуменическое движение быстро разрастается по лицу всей вселенной, пленяя в свои хитросплетенные сети даже Православные Церкви. Но Русская Церковь, включающая в себя сто пятьдесят миллионов православно верующих людей, пока не вошла в это движение.

Экуменизм пока еще не будет торжествовать своей победы, он не заключит все Православные Церкви в свое экуменическое вселенское кольцо.

Не дадим ему этой победы! Памятуя его сущность и его цели, всецело отвергнем экуменическое движение, ибо здесь – отступление от православной веры, предательство и измена Христу, чего всячески мы должны избегать во исполнение слов прп. Серафима: «Горе тому, который хотя на одну йоту отступил от святых Вселенских Соборов». Здесь мир, враждебный Христу и Его Святой Православной Церкви. Поэтому дружба с этим миром есть, по словам апостола, вражда против Бога (см.: Иак.4:4).

Не с инославными Православная Церковь должна соединяться, что является делом неосуществимым, утопическим и крайне для нее вредным и пагубным. Православные христиане должны объединяться друг с другом по заповеди Христа в Его словах: *Не о них же только (разумеется, апостолах) молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино (Ин.17:20–21)*. Здесь слово «все» по контексту речи относится к слову «верующие». А под верующими здесь нельзя разуместь вместе с экуменистами и православных, и инославных христиан. Здесь надо

разуметь только одних истинноверующих, т. е. православных христиан, ибо Господь, сказавший: *Аз есмь... истина* (Ин.14:6), не мог иметь здесь в виду еретиков, не истинноверующих людей.

Не будем смущаться обвинением нас православными екуменистами в отсутствии любви к инославным христианам за это наше отвержение. Это обвинение прежде всего не соответствует действительности. Наша Святая Церковь всегда боролась с ересями, и даже до крови. Но людей, впавших по внушению диавола в ереси, Православная Церковь всегда жалела, движимая любовью к ним, она налагала на них епитимию вплоть до отлучения от церковного общения. Однако она никогда не прекращала и не прекратит своей молитвы, этого дыхания благодатной истинной любви, о вразумлении и обращении еретиков на путь спасительной истины. Вот как Святая Церковь учит нас молиться о них: «Отступившие от православных веры, и погибельными ересями ослепленные, светом Твоего познания просвети и Святей Твоей Апостольстей Соборней Церкви причти»⁶⁹.

Таким образом, Святая Церковь различает самые ереси, требуя бескомпромиссной борьбы с ними от людей, впавших в эти ереси, всегда простирая к ним свои материнские любвеобильные объятия.

Затем, нас обвиняют в отсутствии любви к инославным христианам в сущности за то, что мы не относимся к екуменическому движению так, как к нему относятся православные екуменисты. Последние в этом своем отношении к екуменическому движению нарушают святые каноны, попирая наше догматическое учение о Церкви, устраивают на екуменических конференциях дружбу с протестантами и масонами, а через эту дружбу потворствуют протестантской пропаганде в православных странах, содействуют врагам Православной Церкви в деле ее разрушения. Таким образом, это отношение православных екуменистов к екуменизму является сплошным бесчинством. Но в бесчинстве, по учению апостола Павла, нет любви. Любовь... – говорит он, – *не бесчинствует* (1Кор.13:4–5).

Ясно, что не у нас, а у православных екуменистов нет любви к инославным христианам, ибо у них не любовь, а бесчинство. Пусть они спросят у своей совести, и она скажет им, что лежит в основе их екуменической деятельности и в их отношении к инославным христианам, любовь ли к последним или что-либо другое?!

Да избавит нас Господь от такой любви, от такого отношения к екуменическому движению. Дай Бог, чтобы наша Русская Церковь и впредь держалась той обособленности в отношении к екуменизму и его

конференциям, в какой она пребывает доселе. Да, мы одиноки. Но в этом одиночестве, в этой нашей обособленности – залог спасения от губительного натиска на Русскую Церковь со стороны масонства, залог спасения не только Русской, но, может быть, и всей Вселенской Православной Церкви.

Поэтому не будем участвовать в экуменических конференциях. Надо нам как можно дальше быть от экуменического движения. Последнее, не надеясь, что Русская Церковь сразу вступит в ряды его настоящих членов, высказывает пожелание, чтобы ее представители присутствовали на Амстердамской конференции не как ее члены, а в качестве наблюдателей от своей Церкви⁷⁰.

Но не следует и таким присутствием накладывать даже малейшего пятна на великую нашу Русскую Церковь, ибо присутствие ее представителей в еретическом и масонском обществе, хотя бы в качестве наблюдателей, будет в известной мере иметь характер общения с таким обществом. Между тем и к нашей Русской Церкви вполне применимы слова апостола Павла: *Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее... чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (Еф.5:25–27).*

Поэтому не будем иметь абсолютно никакого общения с экуменическим движением. Будем в данном случае руководствоваться словами Священного Писания: *Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверными? (2Кор.6:14–15). Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых (Пс.1:1).*

К вопросу о соединении Англиканской Церкви Православной Церковью

У Англиканской Церкви, если иметь в виду одну из самых влиятельных ее групп – англо-католическую, никогда не было стремления совращать православных в свою веру. У нее никогда не было неприязни к нашей Церкви. Напротив, она всегда проявляла к ней чувство уважения и даже искренно стремилась к соединению с Православной Церковью. Об этом свидетельствуют факты.

Еще в 1642 г. Англиканская Церковь просила Восточных патриархов прислать ей православное исповедание веры, и эта просьба была исполнена. С развитием рационализма в XVIII в. это стремление на Восток у Англиканской Церкви замерло, но с появлением Оксфордского движения оно опять ожило. В 1840 г. выдающийся богослов Англиканской Церкви диакон Вильям Пальмер совершил путешествие на Восток с целью объединения Англиканской Церкви с Православной. В Петербурге ему как на условие этого соединения указали на необходимость миропомзания англикан, а в Константинополе даже потребовали перекрещивания. Поэтому Пальмер перешел в католичество. В 1888 г. архиепископ Кентерберийский Бенсон вел с Киевским митрополитом Платоном переговоры о совместном причащении, которые однако были преждевременными, так как вопрос об англиканском священстве еще не был выяснен. В 1897 г. Антоний, архиепископ Финляндский, посетил Лондон, и с этого момента начались переговоры Русской Церкви с Англиканской об их соединении, а вместе с тем и посещения России с той же целью представителями Англиканской Церкви.

Можно указать в данном случае на неоднократное посещение нашей Родины известным американским церковником Вильямом Биркбеном. Особенно памятен Русской Церкви Граф-тон, епископ в Фан дю Лаке в Америке, глава американской епископальной иерархии. Он был представителем той ветви, которая ближе других ветвей Англиканской Церкви стоит к Православию. О своем посещении России епископ Графтон написал статью под заглавием: «Соединение Восточной и Англиканской Церквей», которая была переведена с английского языка на русский и напечатана в нашем журнале «Странник» за 1904 г. В этой статье епископ Графтон высказывается в том смысле, что нет существенных препятствий к соединению Англиканской Церкви с Православной Церковью.

Он призывает всех англиканских епископов назвать священство Таинством. Предлагает Англиканской Церкви в Америке выбросить из символа Filioque не дождавшись согласия от Церкви в Англии, так как там, по его словам, будет препятствовать этому государственная власть. Он заявляет, что Англиканская Церковь вместе с Православною отвергает лютеранские и кальвинистические заблуждения, высказывает пожелания, чтобы Англиканская Церковь приняла целиком все вероучение Православной Церкви.

Русская Церковь всегда с полным сочувствием относилась к этому движению в Англиканской Церкви.

Однако нельзя скрывать, каким трудным и сложным является этот вопрос для его благоприятного разрешения. Ведь Англиканская Церковь желает, чтобы Православная Церковь признала апостольскую преемственность ее иерархии. Во исполнение этого желания в 1922 г. Константинопольский патриарх Мелетий IV признал ее действительность, после чего написал послание ко всем Православным Церквам, в котором изъяснял законность англиканского священства. Вследствие этого патриарх Иерусалимский, архиепископ Кипрский немедленно признали действительность англиканского священства. За ними последовали Греческая и Сербская Церкви.

В 1930 г. на Ламбертской конференции Александрийский патриарх торжественно провозгласил действительность англиканского священства. Нам неизвестно, в силу каких соображений произошло это признание. До сих пор не обнаружено никаких документов, которые показали бы нам, что Вильям Барлоу, главный рукополагатель Кентерберийского архиепископа Паркера в день рукоположения последнего 17 декабря 1559 г., оказался действительным звеном, соединяющим с апостолами англиканскую иерархию. До сих пор нет никаких данных, которые засвидетельствовали бы, что Барлоу был действительно епископом. Этого мало. Установлено, что он был крайне протестантских убеждений и отрицал необходимость архиерейского рукоположения при посвящении во епископа, ибо в одной из своих проповедей заявлял, что можно сделаться епископом и без благодати епископства, без архиерейского посвящения. «Для этого, – говорил он, – достаточно иметь только королевское назначение».

Некогда этот вопрос разбирал приснопамятный митрополит Московский Филарет. Он спрашивает: «Истинный ли епископ тот, при рукоположении которого первенствующий и рукополагающий, произносивший молитву посвящения в услышание Церкви, был не

верующий благодати епископства и непосвященный?» На этот вопрос митрополит Филарет отвечает: «При виде сего смешения неверия с верой, незаконности с беззаконием ум останавливается в недоумении; благочестивое чувство страдает, совесть удерживается от прикосновения к сему, чтобы не нарушить своего мира»...

Далее митрополит Филарет говорит, что если епископы, которые сослужили Барлоу при рукоположении им Паркера, веровали в благодать епископства и знали образ мыслей и неканоническое положение Барлоу, а, по мнению митрополита, они, конечно, знали, то не должны были вступать с ним в общение в рукоположении. А раз вступили, то не значит ли, что они недалеко были от его образа мыслей?

В статье проф. Н.Н. Глубоковского под заглавием «Православная и Англиканская Церкви» (их отношения в прошлом и настоящем)⁷¹ цитируются следующие слова митрополита Филарета, которые являются заключением его приведенных слов: «Нимало не сомневаюсь, – говорит митрополит Филарет, – что произошел не только иерархический перерыв в Англиканской Церкви вместе с прекращением веры в действительную силу апостольского возложения рук, но также осталась ли внутренняя благодать рукоположения, несмотря на то что ее форма сохранилась».

Все приведенные здесь слова митрополита Филарета, выражающие по своей форме его сильное сомнение в наличии у Англиканской Церкви апостольского преемства, в своей сущности указывают нам на препятствия к соединению с нею, которые были при нем и которые, к сожалению, существуют и доселе, причем отсутствие в Англиканской Церкви апостольской преемственности у митрополита Филарета ставится в неразрывную связь с отсутствием у нее веры в действительную силу апостольского возложения рук или Таинства священства. И эта связь естественна и понятна. Если в Англиканской Церкви нет благодати священства, через которое преподаются и все другие Таинства с их благодатью, то, следовательно, нет у нее и истинной веры в Таинство священства, сообразно со словами ап. Павла, где он называет веру плодом Святого Духа (см.: Гал.5:22).

Удивительно, что у митрополита Филарета в осторожных словах высказывается под знаком сильного сомнения, а именно, что вместе с прекращением апостольского преемства у англикан прекратилась вера в Таинство священства, что в Англиканской Церкви является исторической действительностью.

Если мы обратимся к вероучительным книгам Англиканской Церкви: «Книга общественных молитв», «39 членов веры», «Катехизис» и

«Ординал», – то увидим, что в этой Церкви истинными Таинствами признаются не семь, а только два. Так, в 25-м члене мы читаем: «Существуют два таинства, установленные Христом Господом нашим в Евангелии, а именно крещение и евхаристия. Те пять, обычно называемые таинствами, т. е. миропомазание, покаяние, священство, брак и елеосвящение, не должны почитаться за евангельские таинства: они отчасти возникли из извращенного последования апостолам, отчасти же представляют дозволенные Писанием состояния жизни, не имеющие, однако, одинаковой с крещением и евхаристией природы таинств, поелику они не имеют какого-либо видимого знака или обряда, установленного Богом». В книге общих молитв, в частности в «Катехизисе», который в ней находится, содержится вопрос: «Сколько таинств установил Христос в Святой Церкви?» – и дается ответ: «Только два, как общеобязательные для спасения, а именно – крещение и вечерю Господню».

Таинство священства англикане не только не считают богоустановленным, но не считают его таким Таинством, без которого Церковь не может существовать. Поэтому в «Ординале» священство нигде не называется Таинством, а лишь «поставлением» (ordination) и «посвящением» (consecration).

О таком отношении к Таинству священства мы можем найти немало свидетельств как со стороны отдельных влиятельных лиц Англиканской Церкви, так и целых церковных организаций. Известный в России ревнитель соединения Англиканской Церкви с Русской Биркбен, из англо-католической группы, в 1903 г. в своей беседе с нашим Экзархом Грузии вступил в спор с ним по вопросу: «Нужны ли для спасения все семь Таинств» и заявлял, что Таинство священства для него совсем не необходимо.

Выдающийся англиканский богослов доктор Хедлам, в бытность свою каноником Церкви и профессором богословия в Оксфордском университете, в своих лекциях, изданных в 1920 г., отвергал необходимость апостольской преемственности. Он даже заявлял, что эту теорию не любит большинство людей и не верит ей и она не признается даже значительной частью высокоцерковной группы (англо-католиков) Англиканской Церкви. Он оправдывает отказ от епископства некоторых сект и признает неепископальные служения действительными. По мнению этого богослова, епископы в древнехристианской Церкви и являются преемниками апостолов не потому, что они «получили благодать, переданную от апостолов, а потому, что были назначены Церковью исполнять те обязанности, которые исполняли апостолы»⁷².

Несмотря на такое отрицательное отношение к вопросу об апостольской преемственности и на чисто протестантский взгляд на церковное служение, доктор Хедлам вскоре после напечатания указанных его лекций был рукоположен в сан епископа.

Еще более отрицательные взгляды англиканских епископов на Таинство священства выявились в их переговорах с представителями «свободных», т. е. неепископальных, Церквей протестантского типа по вопросам о соединении с ними Англиканской Церкви. Для этого в 1922 г. образовалась Соединенная комиссия из 13 английских епископов с обоими архиепископами – Кентерберийским и Йоркским – во главе и из представителей Церквей. Переговоры продолжались до 1925 г. Точкой отправления в этих переговорах было Ламбетское воззвание от 1920 г., коим признавалась «духовная действительность» неепископальных служений, которые будто «были благословенны и признаны Св. Духом как действительные средства благодати». В меморандуме английских епископов от 6 июля 1923 г., врученном представителям свободных Церквей, говорится: «Мы готовы сказать, что служения пасторов, которые... имеют искреннее намерение проповедывать Слово Христа и преподавать таинства, как Христос повелел, и которым власть это делать торжественно дана подлежащею церковью, суть действительные служения Христова Слова и таинств во Вселенской Церкви»⁷³.

Если бы англиканские епископы, бывшие в составе Соединенной комиссии 1922–1925 гг., имели истинную веру в Таинство священства, то они никогда бы не решились вести переговоры с представителями неепископальных церквей о соединении с последними Англиканской Церкви и не стали бы считать и пасторов, не получивших рукоположения от епископов, священниками Вселенской Церкви, имеющими право совершать Таинства.

Правда, на Ламбетской конференции в 1930 г. англиканские епископы заявили, что священство есть Таинство. Касательно же всех прочих Таинств, разумеется кроме крещения и евхаристии, они остались на прежней точке зрения, т. е. оставили за собой право и свободу считать их только благочестивыми обрядами⁷⁴.

Однако на Румыно-Англиканской конференции, бывшей в 1935 г., англиканские делегаты уже признают все семь Таинств. Но, имея в виду крещение и евхаристию, они вместе с членами Румынской комиссии считают эти Таинства превосходящими все другие Таинства.

Прежде всего, в этой формуле о Таинствах крещения и евхаристии допущена и румынскими, и англиканскими членами комиссии большая

догматическая ошибка. Ведь сущность каждого Таинства заключается в благодати Святого Духа. Разве можно сказать, что благодать в одном Таинстве является большею, а в другом меньшею? Благодать, как Божественная энергия или сила, не может быть делима на части малые или большие. Благодать всегда одна и та же, только действия ее различны. В Таинстве крещения она уничтожает первородный грех и все личные наши грехи, в Таинстве евхаристии она пресуществляет хлеб и вино в Тело и Кровь Христа, в миропомазании она сообщает нам во всей полноте и совершенстве все дары Святого Духа и т. д. Поэтому все семь Таинств одинаково Божественны и необходимы для спасения.

Кроме того, в этой формуле не чувствуется полной отрешенности от учения о Таинствах, выраженного в вероучительных англиканских книгах, которые истинными Таинствами признают только два: крещение и причащение, а священство и другие Таинства не считают имеющими одинаковую природу с первыми двумя Таинствами.

Если Англиканская Церковь хочет искренно соединиться с Православной Церковью, то ей надо всецело отрешиться от своих неправильных и неопределенных взглядов на Таинство священства. Да и не только на это, но и на Таинство евхаристии.

Несмотря на то, что в упомянутой Румыно-Англиканской конференции англиканские делегаты заявляли, что евхаристия является превосходящим Таинством, в недрах самой Англиканской Церкви, в самом английском епископате допускается ниспровержение сего Таинства вплоть до кощунственного отрицания пресуществления. В особенности здесь надо указать на двух модернистов-протестантов: настоятеля (декана) собора св. Павла в Лондоне Инджа и епископа Бирмингемского доктора Барнса. Первый называет пресуществление языческим фетишизмом, о чем свидетельствует уже самое заглавие его статьи: «О голом фетишизме в форме почитания освященных элементов». Епископ же Барнс во время еще своей интронизации в 1924 г., когда произносил проповедь, то предостерегал против «языческого сакраментализма, утверждающего, что Хлеб Спасения может быть создан каким-то волшебством обряда и слов». В своей проповеди в Вестминстерском аббатстве 19 июля 1925 г. Барнс заявлял, что «христианство не сохранило в чистом виде учения Христа и Его апостолов, но придя в соприкосновение с языческим миром, восприняло от него тайны культов Изиды и Митры, веру в священство и в действие таинств или магический сакраментализм. По его словам, священник, в силу механической преемственности, облечен особой духовной силой и может совершением обрядовых действий и

произношением слов наделять безжизненную материю (хлеб и вино при евхаристии) духовными свойствами. Таинства в действительности действуют магией»⁷⁵. В своем отрицании пресуществления епископ Барнс идет еще дальше. Он предлагает произвести химический анализ евхаристических элементов до и после пресуществления, чтобы изобличить последнее⁷⁶.

Проповеди епископа доктора Барнса получили должный отпор в достойном ответе ему со стороны «Английского Церковного Союза» на имя Кентерберийского архиепископа доктора Девидсона. Но последний встал на защиту Барнса, который им же был посвящен во епископа⁷⁷.

Несомненно в таком отрицательном отношении к Таинству евхаристии сказалось то же самое отсутствие у англиканской иерархии истинной веры в Таинство священства. Если бы английские епископы имели эту веру, они считали бы себя строителями *таин Божиих* (1Кор.4:1), совершителями страшного евхаристического Таинства, и никогда не посмели бы допустить такого глумления над этим Таинством со стороны епископа Барнса. Вместо покровительства, которое английские епископы в лице Кентерберийского архиепископа ему оказали, они сняли бы с него архиерейский сан за его неверие и кощунство.

При таком отрицательном отношении английской иерархии к Таинствам священства и евхаристии можно даже усомниться, насколько искренно англиканская иерархия в последнее время стремится к соединению с Православной Церковью. Во всяком случае, в итоге получается какая-то страшная путаница.

С одной стороны, английские епископы потворствуют протестантским отрицательным взглядам на Таинства священства и евхаристии своих же собратьев, английских епископов, с другой – стремятся к соединению с Православной Церковью на почве православных воззрений на те же самые Таинства, как и на другие Таинства.

С одной стороны, англиканская иерархия ведет переговоры с представителями Православной Церкви для соединения с последней, с другой стороны, она ведет переговоры с представителями неепископальных церквей, а также с коптами, сирийцами и армяно-григорианами. На Ламбетской конференции 1920 г. уже установлено общение с Шведской лютеранской Церковью, а со старокатоликами Англиканская Церковь вела много лет переговоры в целях соединения с ними. В результате этих переговоров в 1925 г. старокатолики признали действительность англиканской иерархии, а в 1931 г. Англиканская Церковь заключила со старокатоликами унию без утраты той и другой

церковью своих вероисповедных особенностей.

Хотя англиканские епископы Гор и Фриор известны как ревнители соединения Англиканской Церкви с Православной, тем не менее это не помешало им в г. Малин участвовать в совещании с кардиналом Мерсье в целях соединения Англиканской Церкви с католичеством.

Известный друг Православия каноник Даглас в одно и то же время стремится к соединению и с Православной Церковью, и с Католической. Он восхищается Православной Церковью, но вместе с тем восхищается католичеством и восторженно о нем отзывается.

Ясно, что у Англиканской Церкви нет основы для того, чтобы иметь в самой себе целостную систему церковных воззрений, у нее нет критерия, исходя из коего она могла бы решить, с какими церковными исповеданиями она должна соединяться, с какими не должна. Отсутствием этого критерия объясняется бесконечная веротерпимость Англиканской Церкви ко всяким религиозным воззрениям. Даже англо-католики допускают в своей среде проповедь самых крайних протестантских взглядов вплоть до отрицания Воскресения Христова. А некоторые из англиканских священников, с благословения своего епископа, уступают храмы масонам для совершения в них их торжественных масонских ритуальных собраний⁷⁸.

Поэтому некоторые из англикан сознают, что прежде чем Англиканской Церкви соединиться с другими исповеданиями, ей надо было бы объединиться самой в себе⁷⁹.

Увы, этой объединенности, этой целостности у Англиканской Церкви нет и быть не может, ибо она руководствуется вероучительными книгами, которые приспособлены к удовлетворению религиозных нужд двух главных групп Англиканской Церкви: англо-католиков и протестантов, взаимно враждебных, противоположных и исключаящих друг друга по своему церковному направлению. «39 членов веры», составленные на Лондонском соборе в 1563 г., при королеве Елизавете, представляют собой странную смесь католицизма и протестантизма. Причем вероучение в них изложено в таких неопределенных и общих выражениях, что противные партии могут найти здесь для себя то, что ими принимается⁸⁰. Все пункты вероучительных книг неопределенны, не имеют между собой органической связи и двусмысленны. Эти пункты вероучения сами англикане толкуют в разных, даже противоположных смыслах. Например, епископ Глочестерский Хедлам, имея в виду новый чин евхаристии, установленный в 1927 г. после пересмотра «Книги общественных молитв», отрицает, что новою евхаристической молитвою устанавливается вера в

пресуществление евхаристического хлеба и вина. А епископ Бирмингемский Барнс, напротив, считает, что новая форма освящения Даров приближает наш чин евхаристии к римской литургии, и дает опору утверждениям, что определенная словесная форма совершает чудесное изменение хлеба и вина.

Недаром настоятель Русской Церкви в Париже, протоиерей И.В. Васильев, в конце прошлого столетия работавший по вопросу о соединении между англиканами и православными, заявлял, что среди взглядов отдельных представителей Англиканской Церкви царствует полное «столпотворение вавилонское»⁸¹.

Интересна в данном случае статья профессора Н.Н. Глубоковского, о которой мы уже упоминали. Здесь он говорит, что Англиканская Церковь «до того неопределенна в себе самой, что известный знаток западных церквей и активный деятель междуцерковного единения, покойный протопресвитер о. Иоанн Янышев прямо заявляет, что трудно проследить догматические определения Англиканской Церкви. Англиканство неуловимо в своих определениях». «Англиканские символы и формулы, – говорит от себя проф. Глубоковский, – чрезвычайно эластичны в их двусмысленной фразеологии и допускают иногда даже противоположные толкования. А в то же время официальные представители Церкви не стараются ввести строго обязательную точность их догматов. Все это создает такой туман и непостоянство, что трудно опереться – с полной уверенностью на отдельный тезис, который был бы одинаково и без возражений принят всеми. Все это Англиканская Церковь знает и именно этим гордится. Она принимает все и не исключает ничего... Эта догматическая дисгармония проникает в самую иерархию, где даже есть епископы, которые открыто отрицают самые важные церковные догматы (например, Святых Таин)».

«Ясно, – заключает проф. Глубоковский, – что при настоящих условиях соединение двух Церквей (Православной и Англиканской) почти невозможно и в действительности будет вредным для обеих сторон»⁸².

Все эти дефекты Англиканской Церкви: крайне отрицательные рационалистические взгляды на Таинства священства и евхаристии, нашедшие себе место даже среди английского епископата; неясные догматические воззрения Англиканской Церкви или отсутствие в ней догматической целостности и объединенности в себе самой; стремление ее к соединению одновременно и с Православной Церковью, и с еретиками, – мы не можем не считать большим препятствием к соединению Англиканской Церкви с Православной, помимо тех

препятствий, о которых говорит нам митрополит Филарет.

К сожалению, есть и еще препятствия для соединения Англиканской Церкви с Православной. Оно содержится в огромном влиянии масонства на Англиканскую Церковь, с одной стороны, через внедрение в нее масонских экуменических идей, а с другой – через ее государственную власть.

Англиканская Церковь не только участвует в экуменическом движении, но считает себя основной или исходной точкой отправления, откуда впервые начала распространяться идея о соединении всех христианских Церквей. Как видно из послания, составленного священником Тальботом от имени Англиканской Церкви и помещенного в журнале «Экуменика», Англиканская Церковь сознает в себе исключительную ответственность в вопросе о соединении Церквей, ибо от нее исходит толчок к этому соединению. По словам послания, об этом свидетельствует сама организация Англиканской Церкви, состоящей одновременно из консервативного и реформаторского элементов. Об этом говорит «свыше предназначенное ее положение для сближения двух половин христианства... Отсюда проистекает и самое новейшее наименование Англиканской Церкви как Церкви-Моста».

Послание отмечает, что о таком, преимущественном, значении Англиканской Церкви в вопросе о соединении неоднократно делали заявления все ее епископы во время своих съездов в Ламбете...

Указывается в этом послании и на обращение английских епископов, собравшихся в Ламбете в 1920 г., ко всем христианским народам с призывом вместе с ними объединиться в молитве и покаянии за разъединение или разделение Церквей.

Если мы сопоставим этот призыв с другим фактом, который произошел на экуменическом съезде Англо-Русского содружества в 1925 г., на котором экуменисты во главе с прот. о. Булгаковым молитвенно обращались к Богу с покаянием за разделение Церквей, то для нас будет ясно, откуда ведет свое начало эта масонская, экуменическая молитва.

Есть в послании Тальбота и другие характерные экуменические признаки, присущие Англиканской Церкви. Так, мы находим здесь слова о дружбе англикан с другими Церквами. Говорится здесь, что те, которые верят и крещены во имя Святой Троицы, вместе с англиканами являются членами Церкви Христовой. Находим здесь слова и о будущей великой соединенной Церкви. Признается в послании действительность и неепископального священства. Высказывается отрицательный взгляд на политику поглощения, т. е. отрицается здесь соединение Церквей с

уничтожением отличительных вероисповедных признаков каждой Церкви, и, таким образом, утверждается соединение Церквей в смысле экуменического единения.

С чувством полного удовлетворения в послании говорится о достигнутом соглашении Англиканской Церкви со старокатоликами и с Шведскою Церковью.

Не умалчивается здесь и о том, что Англиканская Церковь занимала господствующее положение на Стокгольмской и Лозаннской конференциях. А в заключение послания с гордостью заявляется, что Англиканская Церковь названа «микрокосмом христианства»⁸³.

При чтении этого послания чувствуется, что Англиканская Церковь, если бы она и хотела соединиться с нами, несомненно откажется соединиться так, как этого требует Православная Церковь, т. е. с отречением от всех своих экуменических взглядов, с прекращением церковного единения со всеми инославными церквями.

Одним из препятствий к такому соединению и будет присущий Англиканской Церкви экуменизм, который от нее, как из своего основного источника, распространяется по всему миру.

Таким же препятствием к соединению Англиканской Церкви с Православной является и государственная власть в Англии. Мы не должны упускать из вида, что Англия есть один из самых крупных мировых центров масонства. Из Англии оно распространяется во все страны света. Мы, русские православные люди, эту истину можем свидетельствовать на основании своего собственного горького опыта. Ведь из Англии насаждено было в России масонское Библейское общество вместе с его небывалою у нас тогда протестантскою и масонскою пропагандой. Это английское масонское общество до такой степени колебало нашу Православную Церковь, что обер-прокурором Синода у нас был в то время масон высшего посвящения князь Голицын, а профессор Петербургской духовной академии Феслер основал в нашей столице масонскую ложу «Полярная Звезда».

Но если из Англии льются во все страны потоки масонства, то не может быть, чтобы в самой английской стране ее общество, и прежде всего государственная власть, находились вне масонского влияния. Эта власть несомненно является масонской, причем она управляет Англиканскою Церковью и не внешне только соприкасается с нею, но входит в самые ее недра. Она преподает Церкви вероучительные книги после их исправления и обсуждения в своих государственных учреждениях. Государственная власть есть главный фактор Англиканской Церкви, почему последняя и

называется государственной.

Этой государственной власти угодно, чтобы обе главные группы Англиканской Церкви – англо-католическая и модернистская – были под ее управлением и руководствовались бы ее церковными основоположениями. Она не желает, чтобы государственная церковь распалась. Поэтому она делает всевозможные уступки и компромиссы для избежания сего распада. Она не имеет ничего против соединения Англиканской Церкви со всеми христианскими Церквями, даже с Православной Церковью, но соединения экуменического, т. е. без утраты ее существенных самобытных свойств, – соединения, которое не мешало бы ей одновременно соединяться и со всеми другими церквями. Иначе сказать, государственная власть в Англии, как масонская, не допустит настоящего соединения Англиканской Церкви и Православной, соединения, которое было бы согласно с каноническими основоположениями Православной Церкви, требующими от соединяемых отречения от всех ересей и всецелого принятия православного вероучения.

Ввиду этого, а также принимая во внимание все прочие упомянутые нами препятствия к соединению Англиканской Церкви с Православною, мы не можем быть оптимистичными. Мы думаем, что этого соединения не будет.

Однако в случае обращения Англиканской Церкви к Русской по вопросу о соединении с нею мы должны сделать все для нас возможное к этому соединению. Не надо только при этом забывать, что компромиссы в делах веры недопустимы. Нельзя признавать апостольское преемство, наличие коего нельзя доказать. Нельзя соединяться вплоть до евхаристического общения с теми епископами и клириками, которые не имеют веры в сущность Таинства священства и Таинства евхаристии, в благодать рукоположения и в благодать пресуществления.

Разумеется, самым лучшим и спасительным для Англиканской Церкви разрешением вопроса было бы ее согласие на рукоположение уже существующих в ней диаконов, священников и епископов нашею Православною Церковью. Тогда у Англиканской Церкви началась бы несомненная апостольская преемственность в иерархии. Но на это не согласится Англиканская Церковь ввиду существования в ее среде мнения, что апостольская преемственность в Англиканской Церкви есть.

Поэтому, идя навстречу желанию Англиканской Церкви соединиться с нами, можно применить к ней принцип церковной икономии, т. е. признать, с момента соединения Англиканской Церкви с Русской, действительность англиканского священства, если она засвидетельствует

перед Русскою Церковью о своей полной и совершенной готовности быть всегда верной Святому Православию. Может быть, ради этого исповедания православной веры вместе с великою Русскою Церковью действительность англиканского священства будет признана и в очах Божиих.

Поэтому, прежде чем произойдет это соединение, Англиканская Церковь должна сделать Русской Церкви следующее заявление:

Англиканская Церковь отрекается от всех своих догматических неправильностей. Она исключает из состава своей иерархии епископов, подобных епископу Хелдаму и епископу Барнсу, за неверие в благодать священства и в благодать пресуществления, а на будущее время не станет допускать до посвящения в степени диакона, священника и епископа лиц с такими отрицательными и рационалистическими воззрениями. Англиканская Церковь аннулирует все свои переговоры и соглашения с неепископальными и другими еретическими исповеданиями, с которыми не имеет церковного единения наша Русская Православная Церковь. Англиканская Церковь принимает всецело вероучение Православной Церкви и впредь будет руководствоваться не своими символическими книгами, а только основоположениями Святого Православия.

После такого заявления Англиканская Церковь может воссоединиться с Русскою Церковью посредством третьего чина.

Допущение большего снисхождения в деле соединения Англиканской Церкви с Русскою Православною Церковью будет являть собою не любовь нашу к англиканам, а наше удаление от церковных православных начал и будет знаменовать собою только то, что Русская Церковь выпускает из своих рук знамя Православия, которое она всегда держала высоко, в чем помогал ей Господь за исповедание этого Православия и словом, и делом, и всю ее жизнью.

О правах епископов и церковном модернизме

На Священническом конгрессе было высказано мнение, что Болгарская Церковь сильно ушла вперед по сравнению с Русской, в том смысле, что Болгарская Церковь в лице своего священства готова отступить от канонов, которые запрещают второбрачие священнослужителей. Это мнение не может быть верным, поскольку в его основе лежит непонимание сущности Православной Церкви. Понятие прогрессивности не может применяться к Православной Церкви, когда имеется в виду ее существенная и, в частности, каноническая сторона. Существенная сторона Церкви состоит в неизменности ее догматического и нравственно-канонического учения, которое исходит от Самого Бога, Господа Иисуса Христа. Как неизменен Бог, так неизменно и Его учение: оно не может прогрессировать или развиваться и изменяться. Вот почему апостол Павел сказал: *Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2Сол.2:15)*. Явно, что великий апостол требует сохранения без всякого изменения Божественного учения, изложенного в догматах и нравственных канонах Православной Церкви, и непоколебимого пребывания в нем. В этой неизменности учения Православной Церкви, в том, что она в полной чистоте сохранила апостольскую веру, состоит ее главное и существенное отличие от всех других христианских исповеданий.

Только тогда можно было бы сказать, что Болгарская Церковь значительно обогнала Русскую Церковь, если бы вместо того, чтобы стремиться в лице своего священства нарушать каноны, запрещающие священникам вступать во второй брак, она бы еще строже Русской Церкви соблюдала эти каноны. К сожалению, сейчас мы этого не видим. Действительность говорит о другом.

Если под движением вперед подразумевается отступление от догматов и канонов, то, бесспорно, в этом смысле Русская Церковь никогда вперед не уходила. Она ни на йоту не отступала от своей православной веры. Но в другом смысле она действительно была передовой. Так, во времена страшных народных и государственных бедствий Русская Церковь вместе со своим народом всегда выходила вперед на защиту Родины. Когда вспыхнула Отечественная война, Русская Православная Церковь не осталась безучастной. Ведомая патриотическим чувством, воодушевляемая посланиями возглавлявшего тогда Церковь митрополита Сергия и примером мужества, который преподал

Ленинградский митрополит Алексей (теперь – Святейший Патриарх) при блокаде Ленинграда, Русская Церковь оказывала действенную помощь в борьбе с врагами и проявляла чудные и великие героические подвиги.

Но этим мои мысли по поводу Священнического конгресса не исчерпываются. Я хотел бы сказать несколько слов относительно двух канонических вопросов, которые сейчас так волнуют Болгарскую Церковь, а именно: 1) об отношении священников Болгарской Церкви к верховной церковной власти – Св. Синоду и 2) о второбрачии духовенства. Эти вопросы обсуждались на последнем Священническом конгрессе, и о них упоминается в 8 и 11 пунктах его резолюции. Скажу, прежде всего, несколько слов по первому вопросу.

Господь сказал апостолам, а в их лице и их преемникам – епископам: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается* (Лк.10:16). Этими словами Господь призывает всех членов Его Церкви, в том числе, разумеется, и священников, слушаться епископов и им подчиняться. А св. апостол Павел призывает священников подчиняться епископам, как своей судебной власти. В своем Первом послании к Тимофею он говорит: *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях* (1Тим.5:19).

Эти богооткровенные свидетельства Священного Писания легли в основу тех канонических правил, которые повелевают священникам не делать ничего без воли епископа, как сказано в 39 апостольском правиле Лаодикийского Собора.

Вот почему и святой Игнатий Богоносец в 9 главе своего послания к Смирнянам говорит: «Делающий что-нибудь без ведома епископа служит дьяволу». В 8 главе того же послания он нас поучает следующими словами: «Без епископа никто не делай ничего, относящегося к Церкви». А в 6 главе своего послания Ефесянам тот же отец говорит: «На епископа должно смотреть как на Самого Господа». Согласно учению святого Киприана, «епископ в Церкви и Церковь – во епископе, и, таким образом, кто не в единении с епископом, тот и не в Церкви»⁸⁴.

В данном случае очень поучительно Послание Восточных Патриархов, где говорится: «Сообразно с мнением, издревле господствующим в Восточной Церкви, подтверждаем, что звание епископа так необходимо в Церкви, что без него ни Церковь не может называться Церковью, ни христианин – христианином... Мы полагаем, что епископ столько же необходим для Церкви, сколько дыхание для человека и солнце – для мира... Посему святой Иоанн Дамаскин в четвертом письме своем к Африканцам говорит, что Церковь Вселенская вообще вверена была

епископам»⁸⁵.

Отсюда становится ясно, почему канонические правила требуют, чтобы Церковь управлялась не пресвитерами, а епископами, которые для этой цели должны два или хотя бы один раз в году собираться на Собор, как об этом гласит 37 апостольское правило, 20 правило Антиохийского Собора, 5 правило I Вселенского Собора, 19 правило IV Вселенского Собора и 8 правило VI Вселенского Собора.

Правда, иногда в Православной Церкви к управлению церковными делами, бывало, что привлекались священники, даже и миряне в так называемые смешанные комиссии. И в данный момент мысль об учреждении такой комиссии при Св. Синоде Болгарской Церкви находится в процессе обсуждения. Но члены этих комиссий или советов никогда не должны забывать, что от них требуется быть только помощниками епископов в делах церковного управления и что право решающего голоса всегда нужно предоставлять епископам.

Право решающего голоса не нужно предоставлять смешанным комиссиям даже в хозяйственном отношении. Св. Церковь, в строгом согласии с приведенными выше канонами для управления Церковью епископами, говорит в 41 апостольском правиле: «Повелеваем епископу иметь власть над церковным имением. Если драгоценные человеческие души ему вверены быть должны, то колыми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжался по своей власти» (ср.: Антиохийский Собор, правило 24–25).

Кроме того, пусть болгарское священство не забывает горький опыт нашей Русской Церкви, когда священник Владимир Красницкий со своими единомышленниками-священниками, нарушая святые каноны, узурпировал власть Святейшего Патриарха Тихона и организовал Высшее церковное управление, где действительно были и епископы, но полностью покорные священникам. Как известно, этот захват высшей законной канонической власти породил у нас живоцерковничество и обновленчество и вызвал в нашей Церкви страшную смуту и нестроения, которые не только расшатали ее до основания, но даже угрожали самому ее существованию.

К нашему счастью и спасению, православный русский народ, этот хранитель истинной веры и благочестия, не пошел за живоцерковниками и обновленцами. Он объединился вокруг своего канонического главы, Святейшего Патриарха. И сейчас на русской земле нет ни одного живоцерковника или обновленца. В настоящий момент Церковь в России радуется своему единству, в ней нет никаких расколов и ересей.

Что касается второго вопроса – второбрачия священников, то и здесь канонические правила основываются на богооткровенных данных – на свидетельствах Священного Писания. Тот же апостол Павел говорит: *Но епископ должен быть... одной жены муж (1Тим.3:2) и: Диакон должен быть муж одной жены (1Тим.3:12)*. Великий апостол требует даже от вдовы, служащей Церкви, чтобы она была женой одного мужа, говоря: *Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа (1Тим.5:9)*.

Вот почему 17 апостольское правило гласит: «Кто по святом крещении двумя браками обязан был, или наложницу имел, тот не может быть епископ, ни пресвитер, ни диакон, ни вообще в списке священного чина». То же говорится в 3 правиле Трулльского собора и в 12 правиле св. Василия Великого.

Церковь не только никогда не признавала второбрачия священников, но была даже против второбрачия мирян. Она признавала нормой христианского брака только *единобрачие*. И это естественно, раз апостол Павел неодобрительно относился к повторному браку (см.: 1Кор.7:8–11, 27). Святой Федор Студит говорит: «В христианской Церкви второй брак не закон, а снисхождение. Снисхождение предполагает некое падение и небезупречный поступок. Именно это выразил божественный апостол словами: *Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак (1Кор.7:9)*, а невоздержание сродни падению и прегрешению»⁸⁶. Св. Григорий Нисский говорит: «Брак по природе один, как одно рождение и одна смерть»⁸⁷.

Опираясь на слово Божие, Православная Церковь всегда смотрела на повторный брак как на явление, чуждое христианскому идеалу, как уступку дохристианскому «жестокосердию»⁸⁸, она даже запрещала священникам присутствовать на брачном угощении вторображенцев, как видно из 7 правила Неокесарийского собора, которое гласит: «Пресвитеру не пиршествовать на браке двоеженца, потому что двоеженец имеет нужду в покаянии. Какой же был бы пресвитер, который чрез участие в пиршестве одобрял бы таковые браки».

Вот почему в последовании к венчанию второбрачных читаются покаянные молитвы, в одной из которых говорится: «Даруй им мытарево обращение и блудницы слезы, да покаянием от всего сердца своего... сподобятся и Небесного Твоего Царствия». А в другой молитве говорится: «Господи... очисти рабов Твоих от их беззаконий, ибо они, будучи бессильны переносить... разжжение плоти, сходятся для второго брачного общения»⁸⁹.

Через введение второбрачия для духовенства проявляется пренебрежение ко всему вышеизложенному учению о предосудительности второго брака. Священник в нравственном отношении должен быть выше своих пасомых⁹⁰. Он должен быть нравственным образцом для своей паствы и, прежде всего, подавать пример покорности воле Божьей. Поэтому, если Богу было угодно лишить его жены, он должен мужественно нести свой крест. А если он не чувствует в себе сил нести этот крест, пусть лучше откажется от своего сана. Лучше допустить меньшее зло, нежели через нарушение канонов вводить в Церкви смуту и расшатывать ее основы.

В 1945 г. в Софию приезжал Псковский и Порховский Григорий (сейчас – Ленинградский митрополит). Он говорил, что его посетила группа болгарских священников, которые хотели реформ в Болгарской Церкви. Архиепископ сказал им: «Все ваши реформы сводятся к одному – второбрачию священников. Оставьте это. Этой болезнью болела и наша Русская Церковь. Это не принесло ничего, кроме больших и абсолютно бесполезных церковных сотрясений».

В прошлом году здесь был управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер о. Николай Колчицкий, приехавший в Софию по случаю XXX Священнического конгресса. Он был уведомлен, что Болгарская Церковь волнуется от вопроса второбрачия духовенства. Имея это в виду, в качестве официального представителя Святейшего Патриарха и всей Русской Церкви он произнес на этом конгрессе речь, в которой сказал, что Русская Церковь не отступила ни от одного канона, ни от одного постановления святых отцов, и за эту каноническую чистоту русский православный народ глубоко почитает своих архипастырей и пастырей. Этими словами о. протопресвитер призывал Болгарскую Церковь следовать примеру Русской Церкви.

Если Священнический союз сможет ввести в Болгарии второбрачие духовенства, то такое поправление канонов повлечет за собой нарушение и догматов.

Сильно заблуждаются те, кто думает, что каноны есть нечто уступающее догматам и отдельное от них. Каноны, в сущности, органически включают в себя догматы, поскольку выражают нравственные нормы истинно христианской жизни, основанной на тех же догматах. Поэтому и каноны, и догматы по своей сути представляют одно и то же – живую православную веру. Это наш общий и единственный священный закон. И самое малое нарушение одной из заповедей этого закона, по учению апостола Иакова, есть нарушение всего закона (Иак.2:10).

Кроме того, Священнический союз не может не знать, какая страшная и ужасная сила ополчается сейчас против Православной Церкви в лице экуменизма. Его пагубное пламя охватило весь мир и уже вовлекло в свою орбиту некоторые Православные Церкви. Экуменизм опасен именно тем, что его разрушительное действие направлено против наших канонов и догматов – этих стен, которые отделяют православных от инославных и которые экуменизм стремится уничтожить, чтобы образовать одну вселенскую экуменическую церковь. При этом экуменизм старается осуществить это объединение или смешение без отречения инославных христиан от своих еретических заблуждений, так, чтобы, смешав еретическую ложь с православной истиной, уничтожить последнюю, а вместе с ней – и Православную Церковь на земле.

В данном случае особенно характерна деятельность экуменистов на экуменических конференциях. *Через совместные молитвы всех участников конференции они заставляют православных экуменистов нарушать св. каноны нашей веры*, которые запрещают православным молиться вместе с инославными (Апостольские правила 10 и 45). При этом православные участники экуменических конференций смотрят на эти совместные молитвы как на вполне нормальное, позволительное и очень желанное для них явление.

Далее переход от нарушения канонов к нарушению догматов для православных экуменистов уже становится легким. Это и видно по их отношению к догмату, выраженному в девятом члене Символа веры. Согласно учению святых отцов Церкви, под Единой и Вселенской Церковью нужно понимать исключительно Православную Церковь⁹¹. А православные экуменисты считают, что единая Святая Соборная и Апостольская Церковь включает в себя и всех инославных христиан, т. е. всех еретиков, которые уже давно отлучены от Православной Церкви.

Болгарская Церковь может бороться с экуменизмом, с этим большим противоканоническим и противодогматическим злом, только чистотой своей веры, строго храня свое каноническое и догматическое богатство. Но как она может это делать, когда ее священство требует нарушения канонов, что по своей сути есть отступление от православной веры.

Как хорошо было бы для чистоты православной веры Болгарской Церкви, чтобы она была в полном единстве не с теми Церквами, которым недостает надлежащего отношения к святым канонам, но с Русской Церковью.

Я 28 лет живу в Болгарии и за это время полюбил ее как свою вторую Родину. Именно этой любовью продиктованы все слова данной моей

статьи. Движимый этой любовью, я от всего сердца молитвенно желаю Болгарской Церкви объединиться с Русской, *не имеющей пятна, или порока (Еф.5:27)*.

Дай Бог, чтобы Болгарская Церковь всегда с ревностью отбрасывала от себя всякие модернистские и экуменические заблуждения, такие пагубные и вредные для нашего Святого Православия. Тогда благодатный Божий покров будет дивно хранить Болгарскую Церковь. Она не сойдет с канонического пути, всегда будет верна всем догматическим истинам нашей православной веры, будет непоколебимым источником вечного спасения всех своих членов и будет помогать благоденствию своей Родины.

(Мысли Представителя Московского Патриарха архиепископа Серафима, управляющего русскими православными общинами в Болгарии, по поводу Священнического конгресса, состоявшегося в Софии 18, 19 и 20 октября с. г. II Църковен вестник, 1949. № 45. Перевод с болгарского Я. Алексеевой.)

Патриарх Болгарский Максим об архиепископе Серафиме

Ваше Высокопреподобие,
досточтимые отцы,
возлюбленные о Господе братья и сестры!

Церкви дорога память прославленных в прошлом ее наставников, которые с горячей верой и божественной ревностью вели свою паству к обещанному Христом Спасителем Царствию Отца. Во все времена и перед лицом всех испытаний Всепопатель даровал Своим чадам пастырей, указывает путь ко спасению и вечной жизни. Таким был в древности Мирликийский Чудотворец святитель Николай, которому подражал и приснопамятный владыка Серафим (Соболев), чей день рождения мы отмечаем в эти декабрьские дни спасительного 2011 года. Мудрый и отзывчивый пастырь, который по примеру Пастыря пастырей неумолимо полагал душу свою за овец Своих (см.: Ин.10:11). Для Церкви память о владыке Серафиме одинаково дорога как в Болгарии, так и в России. Рожденный, воспитанный и выросший в русских традициях благочестия, он – по воле Всевышнего – пришел на нашу Болгарскую землю, чтобы послужить изгнанным из Родины своим соотечественникам, а также и своим духовным болгарским чадам. Для нас его присутствие здесь было тем более важно, так как он первым положил начало преодолению длившейся десятилетиями и терзавшей нашу Поместную Церковь печально известной схизмы. И сегодня бесчисленное множество христиан стекаются к месту его упокоения, прося его помощи и духовного заступничества. Пример высокого церковного сознания, справедливый архипастырь и любящий отец, владыка Серафим навсегда останется в памяти поколений: верный свидетель истинности веры, раз и навсегда переданной святым (см.: Иуд.1:3).

Едва ли когда-нибудь Николай Соболев, будущий владыка Серафим, предполагал, что Промыслом Божиим весь его жизненный путь пройдет вдали от родной Святой Руси. В одной маленькой стране – на хорошей сторонке – в нашей Болгарии, в которой на деле осуществит он заветное желание, высказанное во время епископской хиротонии, до конца своей жизни быть проникнутым любовью к Спасителю и с полным самопожертвованием служить своей пастве, таким же, как и он, русским изгнанникам, а также и многим православным болгарам. Всем владыка Серафим щедро будет раздавать любовь и утешение, оставляя надолго

благодатный след в их сердцах.

Если в одном предложении выразить завет владыки Серафима, который он оставил нам, то это «призыв к покаянию, благодатной перемене жизни и совершенной добродетели – христианского смирения».

Владыка Серафим был редким примером святого, благодатного архиерея с чистой пастырской совестью. Духовная жизнь во Христе, добродетели, благочестие он считал неотделимыми от твердого исповедания, вечных истин веры, от долга неизменно хранить их. Для него сохранение и исповедание истины было частью жизни во Христе, Который Сам есть Жизнь и Истина. И все это он делал с непоколебимой твердостью, кротостью, без тени и самого тонкого порыва страсти. Своим личным примером и наставлениями владыка Серафим учил, что послушание не есть самоцель, а любовь к Господу, любовь, которая проявляется в исполнении Христовых заповедей и всего того, что раз и навсегда установила Святая Христова Церковь. Голос, который архиепископ Серафим возвысил против экуменизма и какого бы то ни было искажения догматов веры, и сегодня стоит на страже Православия. И Бог прославил его верность, призвав его светлую душу в Неделю Торжества Православия.

В своем юбилейном слове архимандрит Серафим (Алексиев) в связи со 100-летним юбилеем со дня рождения владыки Серафима сказал: «Архиепископ Серафим представлял редкое и счастливое сочетание учености и смирения, простоты и глубокого богословского познания. Его отличительной чертой было простое сердечное отношение ко всем людям. У него не было никакой позы и ничего показного потому, что он был молитвенником. А разве может человек, который всегда духом пребывает в молитве перед Божьим престолом, быть тщеславным и гордым?»

Архиепископ Серафим, этот смиренный и глубоко нравственный архиерей, чувствовал свое призвание держать высоко знамя православной истины. Он бескомпромиссно выступал против любой ошибочной или еретической мысли, которая проникала даже в труды, претендующие называться православными. Он не останавливался перед изобличением и самых авторитетных, по человеческой оценке, богословов, если дело касалось спасительной Божественной истины. Не проявляя личной неприязни к тем, кто согрешал против Православия, он никогда не жертвовал истиной ради некоей неверно понимаемой любви, помня слова святого ап. Павла: *Если бы я угождал еще и людям, я бы не был рабом Христа* (см.: Гал.1:10).

Владыка Серафим отошел ко Господу 13 февраля 1950 г. С тех пор и

по сей день каждый православный христианин, который хотя раз преклонял голову в молитве перед местом упокоения владыки Серафима, может сказать, что владыка не оставил своих чад и после своего успения.

Давайте в этот день обратим свой взор к небесам с благодарностью за то, что Бог нам даровал такого архипастыря, и с молитвой о его небесном заступничестве за всех нас – по совету апостола, который сказал: «Помните своих наставников, которые проповедовали слово Божие, а после их кончины подражайте их вере».

Поздравляем от нашего имени и от имени Святейшего Синода всех вас с дорогим юбилеем, а также с предстоящим скоро днем памяти великого Мирликийского Чудотворца Николая, чье славное имя носит этот храм, и желаем по его заступничеству, дабы благодать Господа нашего Иисуса Христа пребывала со всеми вами. Аминь!

Из послания Максима,
Патриарха Болгарского,
настоятелю, клиру и прихожанам
Свято-Никольского храма Софии
в связи со 130-летием со дня рождения
архиепископа Серафима.
2 декабря 2011 г.

Основные даты жизни и деятельности архиепископа Серафима (Соболева)⁹²

1881, 1 декабря – родился в Рязани. В миру Николай Борисович Соболев.

1894 – принят во второй класс Рязанского духовного училища.

1900 – поступил в Рязанскую духовную семинарию.

1904 – окончил Рязанскую духовную семинарию.

1904 – поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию.

1908 – окончил Санкт-Петербургскую духовную академию.

1908, 26 января – монашеский постриг в честь прп. Серафима Саровского. Постриг совершил ректор СПбДА еп. Сергий (Тихомиров).

1908, 3 февраля – епископ Сергий (Тихомиров) рукоположил монаха Серафима во иеродиакона.

1908, 18 марта – епископ Сергий (Тихомиров) рукоположил иеродиакона Серафима во иеромонаха.

1908, 16 сентября – иеромонаху Серафиму присвоена ученая степень кандидата богословия за сочинение «Учение о смирении по Добротолочию» с правом защиты магистерской диссертации без повторных испытаний.

1908 – назначен преподавателем в Богословское училище имени протоиерея Иоанна Кронштадтского в Житомире.

1908 – назначен помощником смотрителя Калужского духовного училища.

1911, декабрь – назначен инспектором Костромского духовного училища.

1912, 22 декабря – возведен в сан архимандрита, назначен ректором Воронежской духовной семинарии.

1919, октябрь – архимандрит Серафим покинул Воронеж с отступающими войсками генерала А.И. Деникина.

1919, декабрь – Высшее церковное управление (ВЦУ) на Юго-Востоке России назначило архимандрита Серафима ректором Екатеринославской семинарии. Вступить в должность не смог по причине захвата города войсками Н. Махно.

1920, 7 мая – ВЦУ на Юго-Востоке России приняло решение о назначении архимандрита Серафима ректором Таврической духовной семинарии.

1920, 1 августа – ВЦУ на Юго-Востоке России приняло решение о

рукоположении архимандрита Серафима во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Хиротонию решено совершить после освобождения Полтавы от большевиков.

1920, 24 сентября – ВЦУ на Юго-Востоке России приняло решение о хиротонии архимандрита Серафима во епископа Лубенского 14 октября 1920 г.

1920, 14 октября – в симферопольском Александро-Невском соборе митрополитом Антонием (Храповицким) в сослужении сонма находившихся в Крыму архиереев архимандрит Серафим рукоположен во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии.

1920, 14 ноября – отъезд епископа Серафима из Крыма.

1920 – весна 1921 – епископ Серафим преподает в Высшей духовной школе Вселенской Патриархии на острове Халки.

1921, весна – архиепископ Евлогий (Георгиевский), управляющий русскими приходами в Западной Европе, назначил епископа Серафима настоятелем Свято-Никольской церкви в Софии.

1921, 28 апреля – председатель Зарубежного ВЦУ митрополит Антоний (Храповицкий) сообщил патриарху Тихону о назначении епископа Серафима в Болгарию.

1921, май – назначение епископа Серафима настоятелем Свято-Никольской церкви (София) подтверждено Высшим церковным управлением за границей.

1921, 19 мая – епископ Серафим прибыл в Софию.

1921, 31 августа – Зарубежное Высшее церковное управление назначило епископа Серафима управляющим русскими приходами в Болгарии.

1921, октябрь – патриарх Тихон изменил титул епископа Серафима на Богучарский.

1921, ноябрь – декабрь – епископ Серафим принял участие в Карловацком Соборе.

1928, октябрь – епископ Серафим освобожден от должности настоятеля Свято-Никольского храма в Софии и от должности настоятеля Спасского (Александро-Невского) монастыря в Ямболе. Должность управляющего русскими приходами в Болгарии сохранялась за епископом Серафимом.

1929, декабрь – Архиерейский Синод РПЦЗ в соответствии с решением патриарха Тихона постановил именовать епископа Серафима Богучарским.

1934, 12 сентября – Архиерейский Собор РПЦЗ в виду высокого

положения епископа Серафима, как представителя РПЦЗ в Болгарии, постановил возвести его в сан архиепископа.

1935 – архиепископ Серафим передал митрополиту Сергию (Страгородскому) через Сербского патриарха Варнаву и митрополита Литовского Елевферия несколько экземпляров своей книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией».

1938, 1 января – Архиерейский Синод по ходатайству Ученого комитета присудил архиепископу Серафиму ученую степень магистра богословия за сочинение «Новое учение о Софии Премудрости Божией».

1938, 4 января – архиепископ Серафим включен в состав Ученого комитета при Архиерейском Синоде РПЦЗ.

1945, февраль – архиепископ Серафим передал патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) свои книги «Новое учение о Софии Премудрости Божией» и «Протоиерей С. Булгаков как толкователь Священного Писания».

1945, 2 марта – архиепископ Серафим поздравил патриарха Алексия с избранием.

1945, 15 апреля – архиепископ Серафим направил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию письмо с просьбой о принятии в Московский Патриархат.

1945, 30 октября – архиепископ Серафим и семь русских приходов в Болгарии приняты в Московский Патриархат. Управление этими приходами поручалось архиепископу Серафиму с непосредственным подчинением Патриарху Московскому и всея Руси.

1948, июль – архиепископ Серафим принял участие в Московском Совещании глав и представителей Поместных Церквей, где выступил с докладами о новом и старом стиле, об экуменизме и об отношении к Англиканской Церкви.

1949, декабрь – архиепископ Серафим выступил против модернистских тенденций в Болгарской Православной Церкви.

1950, январь – в Совете по делам Русской Православной Церкви обсуждается вопрос об увольнении архиепископа Серафима с должности управляющего русскими приходами в Болгарии.

1950, 26 февраля – кончина архиепископа Серафима.

Источники

Архив Архиерейского Синода РПЦЗ. Д. «Архиепископ Серафим (Соболев)».

Архив ОВЦС Московского Патриархата. Д. «Болгарская Православная Церковь», «Русская Православная Церковь Заграницей», «Сербская Православная Церковь».

Архив Русской духовной миссии в Иерусалиме (Московский Патриархат). Дело 46-н. (Письма митрополиту Анастасию).

Архив Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль). Фонд «Свитич».

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1486 – Шавельский Г.И., протопресвитер. Оп. 1. Д. 8; Ф. 3696 – ВВЦУ на юго-востоке России. Оп. 1. Д. 2, 3, 25; ГАРФ. Ф. 6343 – Архиерейский Синод РПЦЗ. Оп. 1. Д.2,6,8,10,12,14,15,21–199, 222, 283; ГАРФ. Ф. 6991 – Совет по делам религий. Оп. 1. Д. 16, 132, 140, 418, 419, 731. Оп. 2. Д. 65. Оп. 7. Д. 28, 104.

Архив А. Бойкикевой (Болгария)

Справка из Государственного архива Рязанской области № ТЦ-3459 от 23.10.2014

«Аз съм ви не само баща, но и родна майка». Кратки спомени за архиепископ Серафим // Православно слово. 2001. № 4.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М.: 1994.

Вениамин (Федченков), митр. Промысл Божий в моей жизни. СПб. Сатис. 2011.

Власть и Церковь в Восточной Европе 1944–1953. Документы российских архивов. Т. 1–2. М.: РОССПЭН. 2009.

Воззвание митрополита Макария Московского // Вестник военного и морского духовенства. 1913, № 7–8.

Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года (21 ноября–3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С.Х. И С. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1922.

Деяния Совецания глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 г. Т. 2. М.: 1949.

Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 годов.

Публ. 3. Тининой // Мир Православия. Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград: Волгоградский государственный университет. 2002.

Древний патерик, изложенный по главам. М.: Издание Афонского Пантелеимонова монастыря. 1899.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий. 1994.

Жития святых. Июнь. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1992.

Иоанн Кронштадтский, прав. Моя жизнь во Христе. М.: Благовест. Подворье Троице-Сергиевой лавры. 1998.

Иоанн Кронштадтский, прав. Правда о Боге, мире и человеке, записанная в дневнике протоиереем о. Иоанном Ильичом Сергеевым (Кронштадтским). Извлечения из нового дневника за 1894–1899 гг. СПб.: Тип. В. Ерофеева. 1900.

Лосский В. Богословие и боговидение. М.: Свято-Владимирское братство. 2000.

Отчник, составленный святителем Игнатием Брянчаниновым. М.: Подворье русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Правило веры. 1996.

Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Нью-Йорк. 1988.

Серафим (Соболев), архиеп. Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. Нью-Йорк. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. 1993.

Серафим (Соболев), архиеп. Искажения православной истины в русской богословской мысли. София. 1943.

Серафим (Соболев), архиеп. Новое учение о Софии Премудрости Божией. Нью-Йорк. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. 1993.

Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди. София: Покровский монастырь. 1998.

Серафим (Соболев), архиеп. Об истинном монархическом мирозерцании. Статьи и проповеди. СПб.: Свято-Владимирский Русский Православный информационный центр в Новой Коренной пустыни. Община Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря // Литературный вестник. 1994.

Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. СПб.: Свято-Владимирский Русский Православный информационный центр в Новой Коренной пустыни. Община Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря // Литературный вестник. 1994.

Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2000.

Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН. 1996.

Фудель С.И. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М.: Русский путь. 2001.

Шпиллер И. Воспоминания об отце Всеволоде Шпиллере. М.: ПСТБИ. 1995.

Patrick Viscuso. The Quest for Reform of the Orthodox Church: The 1923 Pan-Orthodox Congress.. Berkeley. 2006.

Периодическая печать

Возрождение. 1926–29; Воронежские епархиальные ведомости. 1912–1917; Двуглавый орел. 1927; Журнал Московской Патриархии. 1931–1935, 1943–1950; Последние новости. 1927–1928; Православная Русь. 1928–1944, 1947–2002; Хлеб небесный. 1939–1944; Христианское чтение. СПб. 1904–1909; Церковная жизнь. 1933–1944; Церковные ведомости. 1922–1930; Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1928–1940; Църковен вестник (Болгария). 1939–1950.

Литература

Акиншин А. Храмы Воронежа. Воронеж. 2003.

Александр (Заркешев), игумен. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). СПб.: Сатис. 2002.

Александрова Т., Суздальцева Т. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб. 2007.

Биография архиепископа Серафима // Православная жизнь. 2002. № 6 (629).

Бойкикева А. Заслуги Архиепископа Серафима (Соболева) к св. Болгарской Православной Церкви и его значение для духовной жизни в Болгарии // Русский Свято-Николаевский храм в Софии. София. Любомъдрие. 1995.

Бойкикева А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София: Любомъдрие. 2005.

Бэттс Р., Марченко В. Духовник царской семьи. Святитель Феофан Полтавский. Платина, Братство прп. Германа Аляскинского, М. Российское отделение Валаамского Общества Америки, 1994.

Васильева О. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: 1999.

Ведерников А. Архиепископ Серафим (Соболев) // ЖМП. 1950. № 4.

Говорухин В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии // Русский

Свято-Николаевский храм в Софии. София. Любомъдрие. 1995.

20 години открито служение на Българската Православната Старостилна Църква. Юбилеен сборник. София. 2013.

Жамков А. Русская Православная Церковь и Советское государство: 1943–1991 гт. (история взаимоотношений на материалах Вологодской епархии). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. богословия. Сергиев Посад: МДА. 2010.

Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София: Девичий монастырь Покрова Пресвятой Богородицы. Издательство св. апостола и евангелиста Луки. 2001.

Живот, чудеса и завети на светител Серафим Софийски. София: Девически манастир «Покров на Пресвета Богородица». 2011.

Концевич И. Оптина пустынь и ее время. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1995.

Косик В. Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. №6.

Косик В. Софии русский уголок. М. 2008.

Кострюков А. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М.: ФИВ. 2011.

Кострюков А. Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). София: Подворье Патриарха Московского и всея Руси в Софии, Синодальное издательство БПЦ. 2011.

Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни патриарха Тихона. М.: ПСТГУ. 2007.

Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гт. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М.: ПСТГУ. 2011.

Кузнецов В. Русское православное зарубежное монашество в XX веке. Биографический справочник. Екатеринбург: Барракуда. 2014.

Кратък животопис на Светител Серафим, архиепископ Богучарски, Софийски чудотворец // Православно слово. 2002. № 1–2.

Маевский В. Русские в Югославии. Т.2. Нью-Йорк. 1966.

Макеев Н. Архиепископ Богучарский Серафим в Воронеже // Воронежская беседа. Альманах на 1995 год. Воронеж. 1995.

Макеев Н. Служение архиепископа Серафима (Соболева) в годы Второй мировой войны // Образ. 2005. Вып. 18.

Марков С, *протод.* Светолевкийски епископ Партений. 100 години от рождение-то и 25 години от блажената му кончина. София. 2007.

Марущак В., протод. Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. Симферополь. 2005.

Миллер Л. Царская семья – жертва темной силы. М.: Великий град. 2005.

Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов. СПб. 2006.

Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб.: Алетейя. 2001.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920–1955. М.: 2007.

Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–10. Нью-Йорк. 1956–1963.

Новикова А. Владыка Серафим (Соболев) и болгарская церковная жизнь // Бялата эмиграция в Българи. София. 2001.

Подвижники благочестия XX столетия. М.: Издание православного братства «Неопалимая купина». 1994.

Пономаренко Д., диак. Епископ Стефан (Никитин). Жизнеописание, документы, воспоминания. М.: ПСТГУ. 2010.

Попов П. Карловацкая смута. К освещению раздоров в заграничной русской иерархии. Юрьев. 1927.

Православието е правилна вяра и живот според вярата. Игумения Серафима (Ли-вен). София: Изд. «Св. Апостол и Евангелист Лука». 2013.

Решетникова О.Н. Русская Церковь в Софии. София. 2010.

Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории. 1917–1988. Киев. 2008.

Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Сост. М[итрополит] М[ануил] [Лемешевский] Часть 6. Куйбышев. 1966. Erlangen. 1989.

Тальберг Н. К сорокалетию пагубного евлогийанского раскола. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь. 1966.

Трухачев С, прот. Православия наставниче // Благодатный огонь. № 8. Москва. 2002.

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, YMCA-PRESS, 1983, репр. Киев. 1991.

Шкаровский М. История русской церковной эмиграции. СПб. 2009.

Шкаровский М. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Издательство Крутицкого подворья. 2002.

Шкаровский М. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече.

Лепта. 2010.

Об авторе

Кострюков Андрей Александрович – доктор исторических наук, кандидат богословия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Церкви, доцент кафедры истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Автор выражает благодарность за помощь в поиске материалов для этой книги архимандриту Филиппу (Васильцеву), архимандриту Исидору (Минаеву), протоиерею Владимиру Воробьеву, протоиерею Марию Димитрову, иеромонаху Зотику (Гаевскому), писателю и журналисту Янине Алексеевой, историкам Анастасии Бойкиковой и Ольге Решетниковой, а также своей жене Елене Кострюковой – первому читателю и критику.

Примечания

- ¹ - См.: http://georg-gorodi.prihod.ru/svjatyni_khrama
- ² - Духовные чада о владыке Серафиме // Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди. София. 1998. С. 5–6.
- ³ - До 1918 г. даты приводятся по старому стилю, с 1918 г. – по новому стилю.
- ⁴ - ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 647–648.
- ⁵ - См.: Пантелеимон, архим. Воспоминательное слово // Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима. София. 2001. С. 21; Касиния, монахиня. Записи. Л. 47–48 // Архив А. Бойкикевой. Записки монахини Касинии (1908–1981) и иеромонаха Николая (Шелехова, 1912–1981) хранились у матушки Касинии. После ее убийства все эти записи и прочие документы перешли на хранение к историку Анастасии Бойкикевой, которая была ее духовной дочерью. В ноябре 2014 г. А. Бойкикева передала тексты этих документов автору. Подробнее о монахине Касинии см. главу «Древо и плоды» настоящего издания.
- ⁶ - Касиния, монахиня. Записи // Архив А. Бойкикевой.
- ⁷ - Собор Святой Недели – кафедральный собор Софийской митрополии, освященный в честь святой мученицы Кириакии Никомидийской, известной на Балканах также как Неделя-Кириакия.
- ⁸ - Архив А. Бойкикевой.
- ⁹ - Касиния, монахиня. Записи // Архив А. Бойкикевой.
- ¹⁰ - Шпиллер И. Воспоминания об отце Всеволоде Шпиллере. М. 1995. С. 43.
- ¹¹ - Письмо от 11.08.1940 // Архив А. Бойкикевой.
- ¹² - См.: Православно слово. 2002. № 2. С. 4.
- ¹³ - Подробнее см.: Православно слово. 2001. № 4. С. 4–6.
- ¹⁴ - Сообщено автору протоиереем В. Воробьевым 29.11.2014.
- ¹⁵ - Православно слово. 2001. № 4. С. 6; Касиния, монахиня. Записи // Архив А. Бойкикевой.
- ¹⁶ - Николай, иером. Наставления архиеп. Серафима // Архив А. Бойкикевой.
- ¹⁷ - YMCA – Young Men's Christian Association (Христианская ассоциация молодых людей) – молодежная благотворительная организация, основанная в Лондоне в 1844 г.

- ¹⁸ - Архив А. Бойкикевой.
- ¹⁹ - Архив А. Бойкикевой.
- ²⁰ - См.: Православно слово. 2001. № 4. С. 6.
- ²¹ - Духовные чада о владыке Серафиме // Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди. София. 1998. С. 11.
- ²² - Свидетельства о посмертном молитвенном предстательстве архиепископа Серафима неоднократно публиковались. (См., напр.: Подвижники благочестия XX столетия. М. 1994. С. 161–200; Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София. 2001. С. 161–204; Православная жизнь. 2002. № 6 (629). С. 19–32; The Orthodox Word. 2012. № 284. P. 129–139).
- ²³ - Архив А. Бойкикевой.
- ²⁴ - Подлинники приведенных ниже материалов с указанием имен, адресов и дат, которые не сообщаются в открытой печати по этическим соображениям, хранятся в архиве Подворья Патриарха Московского и всея Руси в Софии. Публикация осуществляется с разрешения представителя Патриарха Московского и всея Руси в Софии архимандрита Филиппа (Васильцева).
- ²⁵ - Архив А. Бойкикевой.
- ²⁶ - Агапит (Беловидов, 1842–1922), схиархимандрит. Составил жизнеописания Паисия Величковского и оптинских старцев Макария и Амвросия.
- ²⁷ - Имеется в виду первоначальный вариант декларации митрополита Сергия (Страгородского), подготовленный в 1926 г.
- ²⁸ - Здесь ошибка. Запрещение имело место в 1934 году.
- ²⁹ - Предтеченский Е. Церковное времяисчисление и критический обзор существующих правил определения Пасхи. СПб., 1892. С. 4–5.
- ³⁰ - Православный Собеседник. 1859. Ч. 1. С. 165. Православная Богословская энциклопедия. Т. VII. С. 880.
- ³¹ - Там же.
- ³² - Типикон. 1867. Лист 245 об.
- ³³ - Там же. Лист 265.
- ³⁴ - Глубоковский И. О реформе календаря // Православный миссионер. 1943. № 5–6. С. 262.
- ³⁵ - Тогда в России, именно с 1900 г., предполагалось ввести новый стиль.

- ³⁶ - Новое время. 1923. № 702.
- ³⁷ - Глаголев С. Суеверия в науке // Богословский вестник; Глубоковский Н. О реформе календаря // Православный миссионер. 1943. № 5–6. С. 266–267.
- ³⁸ - Таблицы погибли в Болгарском Синоде во время пожара от попавшей в него бомбы в 1944 г.
- ³⁹ - Журнал заседаний Комиссии по вопросу о реформе календаря при Русском астрономическом обществе. С. 34 // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 10.
- ⁴⁰ - Църковен вестник». 1948. № 13–15. С. 17.
- ⁴¹ - Ежегодник Богословского факультета при Софийском университете. 1947. С. 25.
- ⁴² - «Духовная культура». 1947. № 6. С. 31.
- ⁴³ - Пространный христианский катехизис Митрополита Филарета. Мv 1894. С. 48.
- ⁴⁴ - Добротолюбие. Т. I. М, 1895. С. 29; Творения Макария Египетского. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1904. Беседа 25. С. 190.
- ⁴⁵ - Слова прп. Симеона Нового Богослова. Вып. I. М, 1882. Слово 38. С. 291.
- ⁴⁶ - Добротолюбие. Т. I. С. 50.
- ⁴⁷ - Творения Макария Египетского. С. 182–183.
- ⁴⁸ - Добротолюбие. Т. II. М., 1895. С. 358.
- ⁴⁹ - Творения св. Симеона Нового Богослова. Вып. II. М., 1882. Слово 44-е. С. 335; слово 81-е. С. 348.
- ⁵⁰ - Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви восточной. Часть I. СПб., 1840. Ответ на вопрос 105. С. 80.
- ⁵¹ - Митрополит Макарий. Догматическое богословие. Т. II. СПб., 1868. С. 348–352; Митрополит Филарет. Пространный христианский катехизис. С. 54; Еп. Феофан. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1904. С. 248; Св. Марк Подвижник и св. иноки Каллист и Игнатий. М, 1889. С. 336.
- ⁵² - Цанков С. Православное христианство, его сущность и его современный образ // Ежегодник Богословского факультета, София. 1942–1943. С. 62–63.
- ⁵³ - Писания прп. Иоанна Кассиана. М. 1892. С. 404.
- ⁵⁴ - Цанков С. Православное христианство, его сущность и его

современный образ // Ежегодник Богословского факультета. София. 1942–1943. С. 63.

⁵⁵ - Книга житии святых на месяц июль. М, 1898, 21 день. С. 489–490.

⁵⁶ - Блаженный Иоанн Мосх. Луг Духовный. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1915. Гл. XXVI. С. 32.

⁵⁷ - Блаженный Иоанн Мосх. Луг Духовный. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1915. Гл. XLXI. С. 61–62.

⁵⁸ - Зеньковский В. О так называемом экуменическом вопросе // Вестник русского студенческого христианского движения, № 6, 1930. С. 5; Цанков С. Православное христианство... С. 116.

⁵⁹ - Церковный вестник. 1948. № 13–15. С. 18.

⁶⁰ - Церковный вестник. 1948. № 26–27. С. 14; см. также № 5–6. С. 14, 1947.

⁶¹ - Цанков С, протопр. Две всемирные конференции в Оксфорде и Эдинбурге: «Практического христианства» и «Единения церквей» 1937 // Духовная Культура, 1938, № 8–9. С. 273–282; № 10. С. 303–310.

⁶² - См.: Цоневский И. Отзыв о 4-й лекции проф., д-ра С. Цанкова «О единстве Церкви».

⁶³ - Церковный вестник. 1947. № 16–17. С. 15; № 38, 39. С. 1.

⁶⁴ - Там же.

⁶⁵ - Цанков С, протопр. Женевская конференция для соединения Церквей. С. 15, 20.

⁶⁶ - Церковный вестник. София. 1948. № 5–6. С. 14.

⁶⁷ - Церковный вестник. София. 1947. № 26–27. С. 14.

⁶⁸ - Вестник РСХД 1929. С. 27.

⁶⁹ - См.: Помянник. Молитвослов.

⁷⁰ - Церковный вестник. София. 1948. № 13–15. С. 18.

⁷¹ - Болгаро-английский обзор. 1931. № 31, апрель. С. 7–8.

⁷² - Бенигсен Г. К вопросу о действительности англиканского священства. Париж. 1927. С. 86–87.

⁷³ - Бенигсен Г. К вопросу о действительности англиканского священства. Париж. 1927. С. 88.

⁷⁴ - Цанков С. Англиканская Церковь и мы, православные // Церковный вестник. 1935. № 21. С. 249.

⁷⁵ - Бенигсен Г. К вопросу о действительности англиканского священства. Париж. 1927. С. 98–100.

- ⁷⁶ - Глубоковский Н. Вопрос о присоединении англиканства к Православию // Православный миссионер. София. 1933. Париж. 1927. С. 100–101.
- ⁷⁷ - Бенигсен Г. К вопросу о действительности англиканского священства.
- ⁷⁸ - Граббе Ю. Англиканская и Православная Церковь. Варшава. 1930. С. 11.
- ⁷⁹ - Цанков С. Англиканская Церковь // Церковный вестник. 1935. № 20.
- ⁸⁰ - Михайловский В., свящ. Англиканская Церковь и ее отношение к Православию. СПб. 1864. С. 23.
- ⁸¹ - Васильев И., прот. Материалы по вопросу об Англиканской Церкви // Христианское чтение. 1897, июль. С. 33.
- ⁸² - Болгаро-английский обзор. 1931. № 31. Апрель. С. 7–8.
- ⁸³ - Англиканское послание, составленное священником Тальботом // Экуменика. Лондон. 1939. Июль. С. 134–137.
- ⁸⁴ - Макарий, митр. Догматическое богословие. Т. 11. СПб. 1883. С. 216.
- ⁸⁵ - Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви ко всем православным христианам (1723 г.), член 10.
- ⁸⁶ - Церковные ведомости, 1923. № 15–16. С. 13–14.
- ⁸⁷ - Церковные ведомости, 1923. № 15–16. С. 14.
- ⁸⁸ - Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 14.
- ⁸⁹ - Требник. М.: 1892. С. 66, 66 об.
- ⁹⁰ - Более подробно по вопросу второбрачия духовенства см. статью проф. СВ. Троицкого «Догматический смысл запрещения второбрачия священнослужителям» // Церковные ведомости. 1923. № 15–16.
- ⁹¹ - Макарий, митр. Догматическое богословие. Т. 11. СПб. 1883. С. 242.
- ⁹² - До 1918 г. даты приводятся по старому стилю, с 1918 г. – по новому стилю.

Содержание

Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева) А.А. Кострюков	1
Жизнеописание	3
Часть 1. На Родине	4
Глава 1. Под сенью Боголюбской иконы	5
Глава 2. Колечка	10
Глава 3. По молитвам оптинских старцев	18
Глава 4. На краю гибели	24
Глава 5. Вместе с Одигитрией	29
Часть 2. Годы изгнания	34
Глава 1. «Хорошая сторонущка»	35
Глава 2. Дерево и плоды	44
Глава 3. Узреть Бога	52
Глава 4. Между Москвой и Карловцами	60
Глава 5. Торжество справедливости	67
Глава 6. Протоиерей Сергей Булгаков и «ведьма» с площади Независимости	71
Глава 7. Если учитель не прав	78
Глава 8. Были ли добрыми «добрые самаряне»?	83
Глава 9. Когда возродится Россия	86
Глава 10. Конфликтуют ли святые?	92
Глава 11. «Адвокаты дьявола»	98
Глава 12. Между двух огней	106
Часть 3. Под патриаршим омофором	113
Глава 1. Встреча с Родиной	114
Глава 2. Не допустить отступничества	122
Глава 3. Царский путь	127
Глава 4. Календарная смута	131
Глава 5. Соленая соль	139
Глава 6. Последняя битва	145
Глава 7. «В горня!»	152
Воспоминания и свидетельства	155
Воспоминания об архиепископе Серафиме	156
Новые свидетельства о молитвенной помощи архиепископа Серафима (Соболева) А.А.	170

Серафима (Соболева) 24	
Духовные наставления архиепископа Серафима	191
Краткие духовные наставления	192
Мысли архиепископа Серафима, записанные духовными чадами 25	198
Четыре письма архиепископа Серафима	209
Избранные труды архиепископа Серафима	218
О новом и старом календарном стиле	219
Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?	229
К вопросу о соединении Англиканской Церкви Православной Церковью	246
О правах епископов и церковном модернизме	259
Патриарх Болгарский Максим об архиепископе Серафиме	266
Основные даты жизни и деятельности архиепископа Серафима (Соболева)92	269
Источники	272
Об авторе	278
Примечания	279